

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

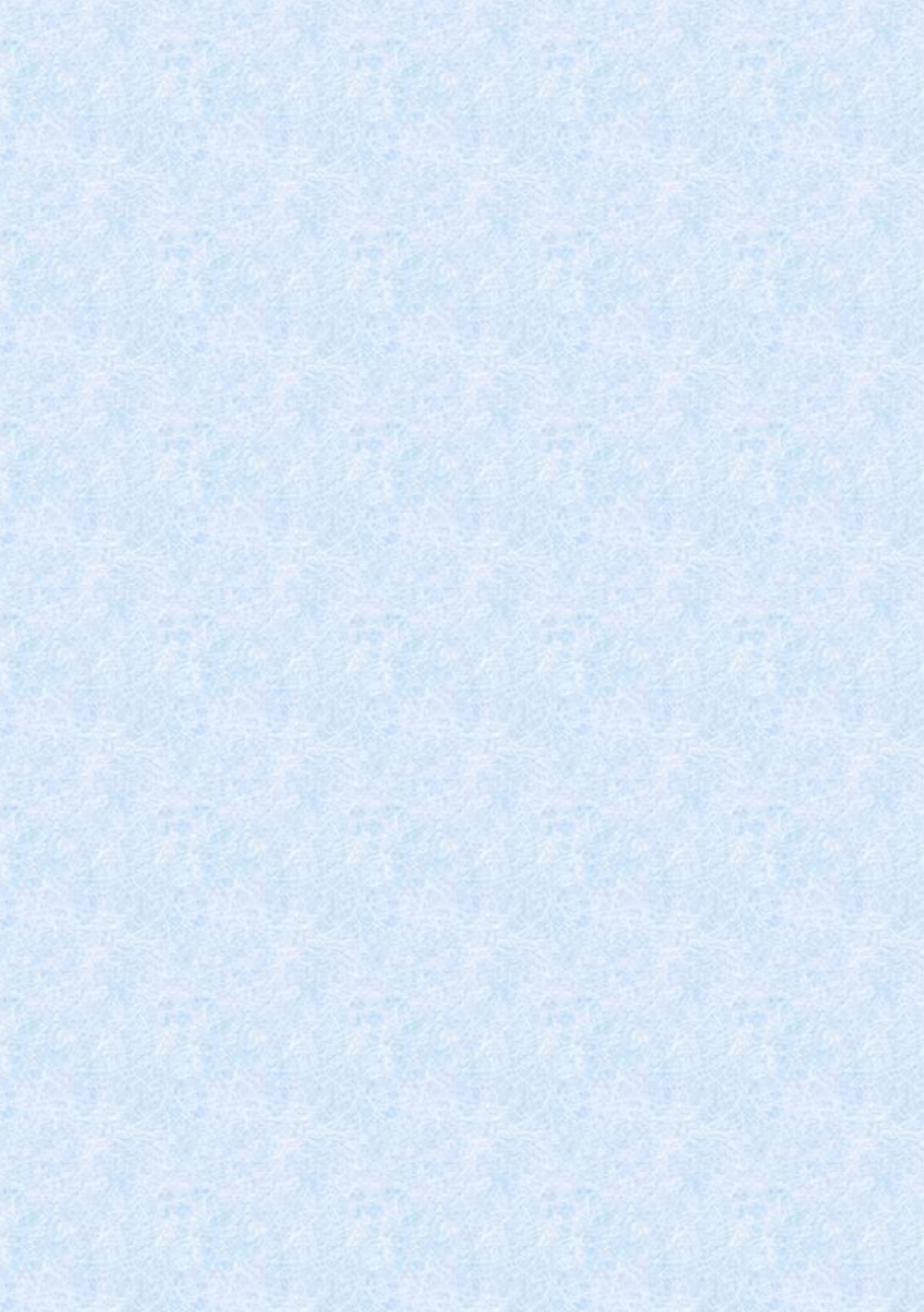
Научный журнал
(сетевое издание)

№ XXX (IX)

СЕРИЯ А. Античность и Средневековье

Москва – Севастополь

2019

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

Научный журнал (сетевое издание)

№ XXX (IX)

СЕРИЯ А. АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Москва – Севастополь
2019

Учредитель – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Издатель – Филиал МГУ в городе Севастополе

Издаётся по решению Ученого совета Филиала МГУ в г. Севастополе (протокол № 1–18 от 15.02.2018 г.)

Журнал является правопреемником научного сборника «Причерноморье. История, политика, культура», издававшегося в Филиале МГУ в г. Севастополе с 2009 по 2017 год. Сквозная нумерация выпусков сборника продолжена в журнале

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все публикуемые статьи проходят проверку программой «Антиплагиат», рецензирование, научное, литературное и техническое редактирование

Официальный сайт: www.chernomor-journal.ru

Редакционная коллегия

Специальность 07.00.00 «Исторические науки и археология»

Данильченко С.Л.

Козлов М.Н.

Наумова Г.Р.

Петрова Э.Б.

Филимонов С.Б.

Селунская Н.Б.

Ситдиков А.Г.

Бойцова Е.Е.

Гвоздева И.А.

Кузьмина А.В.

Мартынкин А.В.

Ушаков С.В.

Ханаев В.В.

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления Филиала МГУ в г. Севастополе.

доктор исторических наук, профессор кафедры «История» Севастопольского государственного университета.

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения Исторического факультета МГУ.

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения Исторического факультета МГУ.

доктор исторических наук, доцент, директор Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Казанского (Приволжского) федерального университета, директор Института археологии имени А.Х.Халикова Академии наук Республики Татарстан.

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зам. директора Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета.

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, доцент Литературного института им. М. Горького (г. Москва).

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.

кандидат исторических наук, зам. директора по учебной работе Филиала МГУ в г. Севастополе, заведующий кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН.

кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе Филиала МГУ в г. Севастополе, доцент кафедры истории и международных отношений.

Специальность 23.00.00 «Политология»

Баранов А.В.

Ирхин А.А.

Усов С.А.

Чемшит А.А.

Юрченко С.В.

Канах А.М.

Олефиренко О.М.

Пашковский П.И.

Ставицкий А.В.

доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.

доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой «Политология и международные отношения» Севастопольского государственного университета.

доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.

доктор политических наук, профессор кафедры «Политология и международные отношения» Севастопольского государственного университета.

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений КФУ.

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета.

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.

кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.

Founder – Lomonosov Moscow State University

Publisher – Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol

Issued according to the decision of the Academic Council of Lomonosov Moscow State University branch in Sevastopol dated February 15th, 2018 (Proceedings of Academic Council meeting № 1-18)

The journal is the legal successor of “The Black Sea region. History, politics, culture” research papers collection issued by Lomonosov Moscow State University branch in Sevastopol from 2009 till 2017. The journal follows the continuous issue numbering of the research paper collection.

The journal is listed in Russian Science Citation Index (RSCI)

All published materials are subjected to antiplagiarism checking, reviewing, scientific, literary and editing.

The official site is www.chernomor-journal.ru

Editorial Board

Specialty 07.00.00 "Historical Sciences and Archeology"

Danilchenko S.L.	Doctor of History, Professor, Professor at the Department of Management. Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University.
Kozlov M.N.	Doctor of History, Professor at the Department of History, Sevastopol State University.
Naumova G.R.	Doctor of History, Professor, Professor at the Department of Historical Sources, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.
Petrova E.B.	Doctor of History, Professor, Professor at the Department of Ancient and Medieval History, Vernadsky Crimean Federal University.
Filimonov S.B.	Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Vernadsky Crimean Federal University.
Selunskaya N.B.	Doctor of History, Professor, Professor at the Department of Historical Sources, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.
Sitdikov A.G.	Doctor of History, Associate Professor, Head of Higher School of History and World Cultural Heritage at Kazan (Volga Region) Federal University, Head of Khalikov Institute of Archaeology at Tatarstan Academy of Sciences
Boitsova E.E.	Candidate of History, Associate Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University; Deputy Director of Institute of Humanities and Pedagogy, Sevastopol State University.
Gvozdeva I.A.	Candidate of History, Associate Professor at the Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Associate Professor at Maxim Gorky Literature Institute (Moscow).
Kuzmina A.V.	Candidate of History, Associate Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University.
Martynkin A.V.	Candidate of History, Head of the Department the Department of History and International Relations, Deputy Director for academic Affairs, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University.
Ushakov S.V.	Candidate of History, Associate Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences.
Khapaev V.V.	Candidate of History, Associate Professor at the Department of History and International Relations, Deputy Director for scientific work, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University.

Specialty 23.00.00 "Political Science"

Baranov A.V.	Doctor of History, Doctor of Politics, Professor, Professor at the Department of Political Sciences and Political Management, Kuban State University.
Irkhin A.A.	Doctor of Politics, Professor, Head of the Department of Political Science and International Relations, Sevastopol State University.
Ussov S.A.	Doctor of Politics, Professor, Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University.
Chemshit A.A.	Doctor of Politics, Professor, Professor at the Department of Political Science and International Relations, Sevastopol State University.
Yurchenko S.V.	Doctor of Politics, Professor, Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University; Vice-Rector of Vernadsky Crimean Federal University, Head of the Department of Political Sciences and International Relations, Vernadsky Crimean Federal University.
Kanakh A.M.	Candidate of Politics, Associate Professor at the Department of Political Science and International Relations, Sevastopol State University.
Olefirenko O.M.	Candidate of Politics, Senior Lecturer at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University.
Pashkovskiy P.I.	Candidate of Politics, Associate Professor at the Department of Political Sciences and International Relations, Vernadsky Crimean Federal University.
Stavitsky A.V.	Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University.

Редакция

- Наумова Г.Р.** доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения Исторического факультета МГУ (главный редактор).
- Хапаев В.В.** кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе Филиала МГУ в г. Севастополе, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала (зам. главного редактора / ответственный секретарь).
- Теплова Л.И.** кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, декан историко-филологического факультета Филиала МГУ в г. Севастополе (редактор перевода).
- Неделькин Е.В.** научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (технический редактор).
- Шихаметова Э.Р.** специалист по учебно-методической работе, Филиал МГУ в г. Севастополе (редактор по работе с программой «Антiplагиат»).
- Юдина А.В.** заведующая учебно-полиграфическим центром и студией фотодизайна (технический редактор, администратор сайта).

Editorial Office

- Naumova G.R.** Doctor of History, Professor, Professor at the Department of Historical Sources, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Editor-in-Chief).
- Khapaev V.V.** Candidate of History, Deputy Director for scientific work, Associate Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University (Executive Editor).
- Teplova L.I.** Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Deputy Dean of the Faculty of History and Philology, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University (Translations Editor).
- Nedelkin E.V.** Researcher at the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese» (Layout Editor).
- Shikhametova E.R.** Methodologist, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University (Layout Editor, Plagiarism detector, Checking Coordinator).
- Yudina A.V.** Head of the educational and printing center and photo design studio (Layout Editor, Website Administrator).

СОДЕРЖАНИЕ

Научное наследие

- Прохорова Т.А.** Из истории издания «Херсонесского сборника»: выпуск №5 и неопубликованная статья В.М. Маликова 7

История науки

- Емельянова Н.С.** С.П. Петренко и Н.И. Репников: учитель и ученик 17

- Лобков А.Е.** Археологическая и этнографическая экспедиция немецких ученых в Крым осенью 1929 года 23

История и археология первобытного периода

- Ступко М.В.** Новые памятники доколонизационного периода в окрестностях Севастополя 35

Античная история и археология

- Матросов М.А.** Источники по истории «союзнических систем» Западной Римской империи (364–476 гг.) и Восточной Римской империи (518–640 гг.) 58

- Неделькин Е.В., Ступко М.В.** Святилище Баир в Юго-Западном Крыму 71

Средневековая история и археология

- Козлов М.Н.** Религиозная политика князя Ярополка: факты против мифов 88

- Кравченко И.В.** К вопросу о зависимости внешней политики Крымского ханства от Османской империи в конце XV – начале XVI века 95

- Роменский А.А.** Рецензия на книгу: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X в.): вопросы истории и археологии. М.: Неолит, 2017. 744 с. 100

- Юрочкин В.Ю.** Последние готские анклавы Крыма: верить ли Бусбеку? 109

CONTENT

Scientific heritage

- Prokhorova T.A.** The history of the Chersonesos museum publication «Khersonesskiy sbornik»: issue №5 and unpublished article by V.M. Malikov 7

History of science

- Emelianova N.S.** S.P. Petrenko and N.I. Repnikov: teacher and student 17

- Lobkov A.E.** Archaeological and ethnographic expedition of German scientists to Crimea in the autumn of 1929 23

History and archaeology of the primitive period

- Stupko M.V.** New archaeological location of the pre-colonization period in the Sevastopol area 35

Ancient history and archaeology

- Matrosov M.A.** Sources on the history of the «allied systems» of the Western Roman Empire (364–476 AD) and the Eastern Roman Empire (518–640 AD) 58

- Nedelkin E.V., Stupko M.V.** The Bair sanctuary in South-Western Crimea 71

Medieval history and archaeology

- Kozlov M.N.** Religious policy of Prince Yaropolk: facts against myths 88

- Kravchenko I.V.** Dependence of the foreign policy of the Crimean khanate on the Ottoman Empire in the late XV – early XVI century 95

- Romensky A.A.** Review: Mogarichev Iu.M., Sazanov A.V., Sorochan S.B. Crimea in the Khazar times (8th – mid. 10th cent.): historic and archaeological issues. Moscow: Neolit, 2017. 744 p. 100

- Yurochkin V.Yu.** Last Gothic enclaves of Crimea: whether to believe Busbek? 109

I

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 902/904:069.7(082)

DOI 10.5281/zenodo.3478056

ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ «ХЕРСОНЕССКОГО СБОРНИКА»: ВЫПУСК №5 И НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ В.М. МАЛИКОВА

ПРОХОРОВА Т.А.

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»

В статье на основе материалов научной переписки директора Государственного Херсонесского заповедника Инны Анатольевны Антоновой и профессора Харьковского государственного университета Константина Эдуардовича Гриневича, директора Государственного Херсонесского музея в 1924–1929 гг., прослежена история подготовки и издания пятого выпуска «Херсонесского сборника». Отмечено, что К.Э. Гриневич, положил начало издательской деятельности Херсонесского музея, способствовал выходу путеводителей, листовок, методических материалов, научных сборников. Особое внимание уделено вопросу возобновления издательской деятельности музея в послевоенное время и попытке возродить издание «Херсонесского сборника» в конце 1950-х гг. При детальном изучении сохранившихся в архиве Херсонеса документов по данному вопросу были выявлены материалы, не вошедшие в сборник, а именно – статья В.М. Маликова «Об археологических памятниках на урочище, примыкающем к мысу Айя». Текст статьи публикуется впервые.

The article is based on materials of the scientific correspondence between the Director of the State museum-reserve «Tauric Chersonesos» Inna A. Antonova and Professor of Kharkov state University Konstantin E. Grinevich that transpired in 1924-1929. It traces the publication history of the fifth issue of the Chersonesos museum publication «Khersonessliy sbornik». It is noted that Konstantin Grinevich initiated the publishing activity of the Museum of Chersonesos, contributed to the release of guidebooks, leaflets, teaching materials, scientific publications. Particular attention is paid to the resumption of publishing activities of the Museum in the postwar period and to an attempt to revive the publication of the «Khersonesskiy sbornik» in the late 1950s. A detailed study of the documents preserved in the archives of Chersonesos revealed materials that were not included in the publication, namely, the article by V. M. Malikov «On archaeological monuments on the tract adjoined to Cape Aya». The text of the article is published for the first time.

Ключевые слова: научная переписка, Государственный Херсонесский музей, «Херсонесский сборник», В.М. Маликов, К.Э. Гриневич, И.А. Антонова.

Key words: scientific correspondence, «Khersonessliy sbornik», State museum-reserve «Tauric Chersonesos», V.M. Malikov, K.E. Grinevich, I.A. Antonova.

В 1959 году увидел свет очередной, пятый по счету, выпуск «Херсонесского сборника». Долгим и непростым был путь, который пришлось пройти книге со временем подачи авторами статей до того момента, как она попала в руки к читателям. Решение о возобновлении издания было принято еще в 1956 году, и только три года спустя задуманное удалось осуществить.

5 июня 1956 г. директор Государственного Херсонесского историко-археологического музея Инна Анатольевна Антонова писала в письме профессору Харьковского государственного университета Константину Эдуардовичу Гриневичу: «*Считаю своим приятным долгом порадовать Вас, патриота древнего Херсонеса, известием о том, что на 1957 год Министерство культуры включило в план работы Крымиздата издание пятого Херсонесского сборника. Радость нашу и высказать трудно. Если мне только удастся снова наладить так по сути дела бесславно замершее после Вашего ухода из музея дело систематической публикации херсонесских памятников, буду считать, что этим почти половина моего долга перед музеем будет выполнена*» [3].

Несмотря на то, что И.А. Антонова (1928–2000) была молодым руководителем и менее года возглавляла Херсонесский государственный историко-археологический музей, она прекрасно понимала значение собственного печатного органа для музея. Как организатору науки, ей было хорошо известно, что наличие у музея прав на собственный сборник способствовало гарантированной защите его интеллектуальной собственности, поднимало его авторитет, позволяло сотрудникам своевременно публиковать результаты исследований. Начало «Херсонесскому сборнику» положил Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970), стоявший во главе музея с 1924 по 1929 гг. Он активно развивал экспедиционную и просветительскую деятельность, руководил разработкой экспедиционных тем и маршрутов, работал над созданием «Экспедиционного семинариума по Херсонесу» и огромное внимание уделял издательской работе. Начало выхода издания относится к 1926 г., когда увидел свет первый выпуск «Херсонесского сборника». С самого начала его основу составляли статьи и публикации по актуальным проблемам античной и византийской истории и археологии, а также исследования по нумизматике и сфрагистике, истории науки, объединенные общностью херсонесской и сереверопричерноморской тематики. К.И. Гриневич был не только основателем, но и главным редактором первых выпусков сборника. Под редакцией Гриневича предполагалось издать материалы херсонесских раскопок начала XX века, в том числе малоизвестные и слабоизученные материалы из раскопок Р.Х. Лёпера. До войны увидело свет всего 3 выпуска – в 1926, 1927 и 1930 гг. У издания была сложная судьба. В отдельные периоды он не выходил годами и даже десятилетиями. Первый послевоенный выпуск (IV) вышел в 1948 г. и был посвящен памяти Василия Петровича Лисина – научного сотрудника музея, погибшего в годы войны. И вот теперь, спустя почти десять лет, вновь заговорили о возобновлении издательской деятельности музея.

Желающих поместить свои работы в «Херсонесский сборник V» было немало, однако в силу целого ряда причин от многих предложений руководство музея вынуждено было отказаться, и планировало включить предложенные работы при согласии авторов в «Херсонесский сборник VI». Обязательным содержанием сборника должна была стать работа К.Э. Гриневича о западных оборонительных стенах Херсонеса в продолжение серии его публикаций о крепостной ограде Херсонеса. Предыдущие две части этого исследования были опубликованы К.Э. Гриневичем в первых двух выпусках сборника – в 1926 и 1927 гг. соответственно. Согласие автора последовало незамедлительно.

И.А. Антонова, желая возродить заложенные ее предшественником «славные традиции музея – регулярное издание сборников», осознавала сложность предстоящего мероприятия, но все же, оптимистично настроенная, полагала сдать сборник в издательство целиком, со всеми рецензиями, уже в ноябре 1956 г. Говоря о множестве «самого различного характера препятствий на этом пути», она сразу после того, как было решено издавать сборник, стала беспокоиться за его судьбу. В первую очередь, стоял вопрос об отсутствии достаточного количества времени на подготовительные работы – ведь нужно было собрать, отредактировать статьи, некоторые «откровенно написать заново», подготовить их к печати, а также решить массу организационных вопросов. Сложность заклю-

чалась и в том, что «единственный более-менее искушенный в этих вопросах работник музея – С.Ф. Стржелецкий – отказался категорически вести эти дела». Так писала И.А. Антонова К.Э. Гриневичу в письме от 26 июня 1956 г. И далее: «Придется взять на себя, а у меня в этом отношении только горячее желание и никакого опыта. Буду очень признательна Вам за помощь советом» [4].

Вопрос о выборе редактора возобновленного издания был решен сразу. В продолжение существующей традиции им вновь должен был стать «старый херсонесит» К.Э. Гриневич. С этой просьбой И.А. Антонова обратилась к нему в сентябре 1956 г.: «У Херсонесского музея, у Вашего детища есть еще и другая большая просьба к Вам, *alma pater*. Как бы Вы, Константин Эдуардович, отнеслись к нашей просьбе быть редактором *V Херсонесского сборника*. Три первых сборника вышли под Вашей редакцией и они, кстати сказать, многим превосходят *IV Херсонесский сборник*, недостатком которого является не только техническое несовершенство, но и многое другое, что, правда, в значительной степени оправдывается временем и условиями его издания. Мы бы очень просили Вас, дорогой Константин Эдуардович, не отказаться быть редактором *V Херсонесского сборника*. Мысль об этом не является явившейся внезапно, мы все взвесили и продумали и поэтому к Вам с этой просьбой» [5].

Уже на этом этапе работы над сборником И.А. Антонова в переписке с К.Э. Гриневичем всерьез поднимала вопрос о целесообразности печатать сборник в Харькове. Симферопольское издательство «Крымиздат», созданное еще в 1921 г., работало на старом оборудовании, а потому качество издаваемой продукции было невысоким. И.А. Антонова полагала, что издательство Харьковского университета качественнее справится с поставленной задачей. Примерный объем сборника в проекте составлял около 20 печатных листов, четвертую часть которых занимали иллюстрации. Планируемая стоимость составляла 36–40 тысяч рублей.

В ноябре 1956 г. вопрос о тиражировании «Херсонесского сборника» на базе издательства Харьковского государственного университета был решен положительно. После одобрения университетского плана издательской деятельности на 1957 г. он прошел согласование в Киеве, но не встретил нужного отклика со стороны самого заказчика – Херсонесского музея [9].

Вот, что последовало от И.А. Антоновой в ответ: «[...] Все мы очень обрадовались, узнав о возможности издания сборника в Харькове. Обрадовались по целому ряду причин. И потому, что в Харькове, несомненно, сильнее полиграфическая база и, стало быть, сборник будет лучше издан, и самое, пожалуй, главное, потому, что там сможете следить за работами по сборнику Вы, Константин Эдуардович, имеющий такой колossalный издательский опыт. Я говорю издательский, потому что о редактировании мы с Вами договорились уже раньше, и стало быть Ваш опыт редактора так или иначе прилагался бы к нашему сборнику, где он бы ни издавался. Всё это нас обрадовало.

Но не имея долго известий от Вас, мы решили, что вопрос с изданием сборника в Харькове не решается благоприятно, и чтобы совсем не лишиться возможности издать его, стали действовать здесь. Приказом Министерства культуры УССР издание его включено в план Крымиздата на 1957 год. Мы уже и договор заключили. Однако законную силу договор приобретает по внесению нами в Крымиздат аванса в размере 50% ориентировочной стоимости сборника, т.е. 17 тысяч рублей, т.к. его ориентировочная стоимость определена в 34 000 рублей. 22 печатных листа авторского текста и 5 листов иллюстраций. Должна сказать, что ориентировочная стоимость намеренно завышена с тем, чтобы дать нам возможность перечислить все имеющиеся по смете текущего года средства на издательские нужды, дабы они не были у нас списаны с доходного бюджета (год ведь кончается). Правильная ориентировочная стоимость без учета авторского гонорара, который Крымиздат оплачивать не может, 1200–1400 рублей за один печатный лист.

В связи с возможностью издать сборник в Харькове, что было бы гораздо лучше по причинам ранее мною сказанным, нас интересуют следующие вопросы: ориентировочная стоимость сборника, возможность выплаты гонорара перечислением наших, музейных денег, сроки выхода сборника из печати при условии сдачи его в феврале 1957 года, воз-

можность уплаты аванса в сумме не менее 10–12 тысяч рублей непременно до 15 декабря текущего года, иначе они у нас будут списаны.

В случае если этот аванс можно перечислить, нам необходим договор, один из пунктов которого гласил бы, что договор вступает в законную силу по перечислении 50% ориентировочной стоимости сборника и счёт на эти 50%. Договор можно заключить Вам, Константин Эдуардович, как ответственному редактору сборника, а можно выслать с печатью издательства университета два экземпляра нам, чтобы, поставив здесь свою печать, мы могли отослать второй экземпляр в Харьков. Вопрос перечисления 50% стоимости сборника для нас очень важен, так как ассигнований 1957 года нам не хватит для оплаты сборника полностью. Если это невозможно сделать с университетом сейчас, то нам необходимо немедленно перечислить деньги в Крымиздат. Кроме того, нас очень интересует вопрос в отношении бумаги и картона для обложек. У музея ни того, ни другого нет. Достать необходимое для сборника количество бумаги будет весьма трудно, но если никак нельзя будет сделать через университет, нам надо знать об этом заранее. Но, кажется, если сборник войдет в план издания, то бумагой он должен быть обеспечен» [6].

В этом же письме И.А. Антонова предложила создать редколлегию из нее самой, заместителя директора Херсонесского музея по научной работе В.В. Борисовой, а также специалистов по античной и средневековой истории – Натальи Валентиновны Пятышевой и Евгения Владимировича Веймарна соответственно. К этому времени основная часть работ была уже собрана, и Инна Анатольевна планировала прибыть в Харьков к концу декабря.

8 декабря 1956 г. издательство Харьковского государственного университета имени А.М. Горького выдало профессору К.Э. Гриневичу извещение о включении «Херсонесского сборника» под его редакцией в издательский план на 1957 г. [8]. К тому моменту, когда все организационные вопросы были решены, на передний план вышла проблема со своевременной подачей материалов. Несмотря на то, что срок сдачи статей в издательство истекал в феврале 1957 г., только в марте начали поступать рецензии на них. В апреле К.Э. Гриневич писал И.А. Антоновой: «Я ничего не понимаю: где же Вы издаете Херсонесский сборник? Мне неудобно перед ХГУ, если Вы будете издавать в Симферополе» [10]. Уже тогда стало понятно, что издание сборника в 1957 г. поставлено под сомнение и может быть перенесено на 1958-й год. В июне материалы сборника для К.Э. Гриневича, который находился вместе с женой в Евпатории, были отправлены вместе с С.Ф. Стрежелецким. Вероятно, в беседе К.Э. Гриневич узнал о том, что поменялось и место издания – вновь вернувшись к варианту с симферопольским издательством, по крайней мере, больше вопрос о тиражировании сборника в Харькове он не поднимал.

К концу 1957 г. содержание сборника было окончательно определено и утверждено в Министерстве культуры УССР. В течение всего последующего года работа над книгой продолжалась медленно и с сомнительным успехом. Трудности были связаны и с несогласованностью действий редакторов и рецензентов, и с проблемами самого издательства, в котором не оказалось цинка для печати нужного числа иллюстраций [7]. Вдобавок главный редактор сборника К.Э. Гриневич не скрывал своего недовольства качеством поданных статей. Не могли найти общего согласия непримиримые оппоненты – апологеты разных научных школ – Г.Д. Белов и К.Э. Гриневич, А.Л. Якобсон и О.И. Домбровский. В письме И.А. Антоновой от 14 августа 1957 г. К.Э. Гриневич писал: «[...] бандероль (огромную с рисунками Домбровского в крынках и в деревянных рамках) почта не приняла. Кроме того, еще не послана работа Станислава Францевича [Стржелецкого], Борисовой и Гилевич. Все это я завтра посыпаю единовременно с этим письмом. Попытаюсь отправить и работу Домбровского. Посыпаю и рисунки к моей работе – развертки стены, рисунок кратера и рисунок западной стены. Но, признаюсь, как это все трудно для меня. Насколько легче было бы сдать все это в Харьковское издательство. Не жалеете вы старика. А главное, никого нет в помощь мне. Никого! [...] Мне не нравится содержание Херсонесского сборника: статьи жидкие (я имею в виду статьи Гилевич, Борисовой, Якобсона и других). Нужен такой сборник, который стал бы настольной книгой для херсонесских исследователей. Нужны статьи: Домбровского – о театре, Борисовой – о ке-

рамическом заводе близ башни Зенона, Станислава Францевича Стржелецкого о Гераклейском полуострове – в целом (об исследованных участках полуострова). Давайте подождем годик, но чтобы сборник был как следует – запоминающимся... [...] И, главное, если Вы согласны с содержанием сборника (я – не согласен) – пускайт его в печать» [11]. В производство материалы были сданы 28 июня 1958 г.

Подписанный наконец к печати 22 апреля 1959 г., сборник тиражом в 2000 экземпляров был издан. Девять статей на 244 страницах текста, с таблицами и иллюстрациями, в мягком переплете – вот итог трехлетней работы авторского коллектива и группы редакторов. К.Э. Гриневич, воодушевленный долгожданным выходом сборника, писал: «Я очень рад Херсонесскому сборнику. В Харькове вряд ли бы лучше его издали. На днях у меня на кафедре его критиковали – признали положительным явлением в науке и т.д. Я сам доволен им. [...] Давайте готовить шестой том Херсонесского сборника» [12]. Есть основания полагать, что К.Э. Гриневич, который заканчивал работу над книгой «Памятники Гераклейского полуострова», планировал издать VI выпуск монографическим трудом. К слову, так и вышло, правда, издан был труд С.Ф. Стржелецкого «Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму» (Симферополь, 1961).

В сборник включал 9 статей: «Херсонесский музей за 40 лет» И.А. Антоновой, «Могильник у высоты «Сахарная головка» (по материалам раскопок 1953 г.)» В.В. Борисовой, «Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г.» Г.Д. Белова, «Стены Херсонеса Таврического» К.Э. Гриневича, «Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи» С.Ф. Стржелецкого, «Фрески южного нефа базилики 1935 года» О.И. Домбровского, «Монеты из раскопок Херсонеса в 1950 г.» А.М. Гилевич, «Новые эпиграфические находки в Северном районе Херсонеса» Э.И. Соломоник, «К изучению позднесредневекового Херсонеса» А.Л. Якобсона.

Рукопись сборника, равно как и переписка по его подготовке, сохранилась в научном архиве Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Его содержание было утверждено решением Ученого совета Херсонесского государственного историко-археологического музея 9 августа 1957 г. [1]. В числе заявленных к публикации работ была и статья К.В. Голенко «Херсонесские монеты с изображением Асклепия и Гигиэи». Однако решение рецензентов Л.Н. Беловой и В.А. Анохина было категоричным: автор повторяет известные выводы нумизматов об этих монетах, а потому нечетко очерчен и вопрос исследования, значит, статья интереса не представляет. К слову, автор переосмыслил материалы своих изысканий и впоследствии подготовил статью в соавторстве с А.Н. Щегловым под названием «О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом (по нумизматическим и археологическим данным)», которая вышла в 1965 г. [2].

В числе статей была обнаружена еще одна – не включенная в итоговый вариант содержания сборника – работа крымского реставратора и археолога Владимира Михайловича Маликова «Об археологических памятниках на урочище, примыкающем к мысу Айя». В Государственном Херсонесском музее он работал с 1956 г., был активным участником краеведческого кружка музея. Однако статья была написана им ранее – судя по подписи, работу над ней он закончил 27 января 1951 г., в то время, когда работал лаборантом-реставратором отдела истории и археологии Крымского филиала Академии наук СССР. После работы в Государственном Херсонесском музее он вернулся в Симферопольский отдел античной и средневековой археологии Крыма Института археологии АН УССР, защитил кандидатскую диссертацию. В 1960 г. с экспедицией Института археологии АН УССР продолжил работу по изучению пещер и отдельных винодельческих комплексов Качи-Кальона, тогда же им впервые был составлен топографический план «пещерного города», его культовых, жилых, производственных сооружений. Помимо реставраторской работы занимался изучением истории древнего виноградарства в Крыму.

Рукопись статьи В.М. Маликова, сохранившаяся в херсонесском архиве, представляет собой машинописный текст на 7 листах без каких-либо правок или дополнений. Работа, без сомнения, известна археологам и уже использовалась ими при изучении памятников археологии на Южном берегу Крыма, но доселе не опубликована [14]. Учитывая то, что статья должна была быть напечатана в «Херсонесском сборнике», но по каким-то причинам

нам, в него не вошла, в настоящей статье публикуется работа В.М. Маликова – в той редакции, в которой она сохранилась в деле [13]. Выражаем надежду на то, что эта статья, становясь общедоступной, не останется без внимания исследователей и расширит спектр исследований, посвященных урочищу у м. Аия.

Текст статьи публикуется без изменений, с сохранением орфографии и пунктуации автора. Слова сокращенные, а также слова, прочтение которых может быть трактовано по-разному, расшифрованы в нашей редакции, и восполненные места заключены в квадратные скобки. Оригинальная нумерация листов статьи в архивном деле обозначена в треугольных скобках. В тексте статьи содержатся авторские подстрочные сноски, оставленные нами без изменений. К сожалению, статья сохранилась в архиве музея-заповедника не полностью – отсутствует ее иллюстративная часть. Но текст статьи сохранился и может быть использован исследователями.

Источники и литература.

1. Выписка из решения Ученого совета Херсонесского государственного историко-археологического музея, состоявшегося 9 августа 1957 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 769. Л. 33.
2. Голенко К.В., Щеглов А.Н. О культе Асклепия в ХерсонесТаврическом // Dacia. 1965. Вып. 9. С. 373–382.
3. И.А. Антонова – К.Э. Гриневичу. 5 июня [195]6 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 769. Л. 1–2.
4. И.А. Антонова – К.Э. Гриневичу. 26 июня 1956 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1024. Л. 63–64.
5. И.А. Антонова – К.Э. Гриневичу. Не позднее 29 сентября 1956 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 1025. Л. 71–75.
6. И.А. Антонова – К.Э. Гриневичу. Не ранее 22 ноября 1956 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 1025. Л. 40–42.
7. И.А. Антонова – К.Э. Гриневичу. 12 мая 1958 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1431. Л. 40–41 об.
8. Извещение о включении Херсонесского сборника под его редакцией в издательский план на 1957 год. 8 декабря 1956 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 769. Л. 15–18.
9. К.Э. Гриневич – И.А. Антоновой. 22 ноября 1956 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 769. Л. 8–8 об.
10. К.Э. Гриневич – И.А. Антоновой. 11 апреля 1957 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 1025. Л. 49.
11. К.Э. Гриневич – И.А. Антоновой. 14 августа 1957 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 1428. Л. 58–58 об.
12. К.Э. Гриневич – И.А. Антоновой. 18 декабря 1959 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1432. Л. 58–58 об.
13. Маликов В.М. Об археологических памятниках на урочище, примыкающем к мысу Аия // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 767/III. Л. 187–193.
14. Тесленко И.Б. Одна из групп неполивной керамики Крыма XV в.: хронология и эволюция // История и археология Крыма. 2015. Вып. 2. С. 428–436.

References.

1. Vypiska iz resheniya Uchenogo soveta Khersonesskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya, sostoyavshegosya 9 avgusta 1957 g. // NAO GMZ KhT. F. 1. D. 769. L. 33.
2. Golenko K.V., Shcheglov A.N. O kul'te Asklepiya v KhersoneseTavricheskom // Dacia. 1965. Vyp. 9. S. 373–382.
3. I.A. Antonova – K.E. Grinevichu. 5 iyunya [195]6 g. // NAO GMZ KhT. D. 769. L. 1–2.
4. I.A. Antonova – K.E. Grinevichu. 26 iyunya 1956 g. // NAO GMZ KhT. F. 1. D. 1024. L. 63–64.
5. I.A. Antonova – K.E. Grinevichu. Ne pozdnee 29 sentyabrya 1956 g. // NAO GMZ KhT. D. 1025. L. 71–75.
6. I.A. Antonova – K.E. Grinevichu. Ne ranee 22 noyabrya 1956 g. // NAO GMZ KhT. D. 1025. L. 40–42.
7. I.A. Antonova – K.E. Grinevichu. 12 maya 1958 g. // NAO GMZ KhT. F. 1. D. 1431. L. 40–41 ob.
8. Izveshchenie o vkl'yuchenii Khersonesskogo sbornika pod ego redaktsiey v izdatel'skiy plan na 1957 god. 8 dekabrya 1956 g. // NAO GMZ KhT. F. 1. D. 769. L. 15–18.
9. K.E. Grinevich – I.A. Antonovoy. 22 noyabrya 1956 g. // NA GMZ KhT. D. 769. L. 8–8 ob.
10. K.E. Grinevich – I.A. Antonovoy. 11 aprelya 1957 g. // NAO GMZ KhT. D. 1025. L. 49.
11. K.E. Grinevich – I.A. Antonovoy. 14 avgusta 1957 g. // NAO GMZ KhT. D. 1428. L. 58–58 ob.
12. K.E. Grinevich – I.A. Antonovoy. 18 dekabrya 1959 g. // NAO GMZ KhT. F. 1. D. 1432. L. 58–58 ob.
13. Malikov V.M. Ob arkheologicheskikh pamyatnikakh na urochishche, primyayushchem k mysu Ayya // NAO GMZ KhT. F. 1. D. 767/III. L. 187–193.
14. Teslenko I.B. Odna iz grupp nepolivnoy keramiki Kryma XV v.: khronologiya i evolyutsiya // Istorija i arkheologija Kryma. 2015. Vyp. 2. S. 428–436.

Сокращения.

- ГХМ – Государственный Херсонесский музей.
НАО ГМЗ ХТ – Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».
АН – Академия наук.
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика.
ХГУ – Харьковский государственный университет.

Abbreviations.

- GKhM – Gosudarstvennyi Khersonesskii muzei (State Chersonesus Museum).
NAO GMZ KhT – Nauchno-arkhivnyi otitel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeia-zapovednika «Khersones Tavricheskii» (Scientific and Archives Department of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»).
AN – Akademija nauk (Academy of Sciences).
USSR – Ukrainskaia Sovetskaia Sotsialisticheskaya Respublika (Ukrainian Soviet Socialist Republic).
KhGU – Khar'kovskiy gosudarstvennyi universitet (Moscow State University).

Прохорова Т. А. Из истории издания «Херсонесского сборника»: выпуск №5 и неопубликованная статья В.М. Маликова / Прохорова Т.А. // Причерноморье. История, политика, культура. – Серия А : Античность и средневековье. – 2019. – № XXX (IX). – С. 7–16.

Prokhorova T. A. The history of the Chersonesos museum publication «Khersonesskiy sbornik»: issue №5 and unpublished article by V.M. Malikov / Prokhorova T. A. // The Black Sea region. History, politics, culture. – Series A : Antiquity and the Middle Ages. – 2019. – № XXX (IX). – P. 7–16.

ОБ АВТОРЕ

- ПРОХОРОВА**
Татьяна Александровна
Кандидат исторических наук, заведующая научно-архивным отделом Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»
E-mail: grejpfrut@mail.ru
- PROKHOROVA**
Tatyana Aleksandrovna
Candidate of History, the Head of Scientific Archival department at the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»
E-mail: grejpfrut@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

<187>

В. МАЛИКОВ

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ НА УРОЧИЩЕ,
ПРИМЫКАЮЩЕМ К МЫСУ АЙЯ

Летом 1950 года, я со своим товарищем, Александром Тупиленко встретили у мыса Аяя остатки древних построек и укреплений. Известий об этих памятниках в археологической литературе, насколько нам известно, не имеется.

Наиболее полно и основательно описал древности горного Крыма Петр Кёппен¹. Упоминая о памятниках этого района, он дал краткое описание укрепления «Кокия-Исар» на мысе Аяя и лишь вскользь сообщил об урочище «Кокия», на котором и находятся памятники, обнаруженные нами.

О нашем случайному открытии было сообщено Херсонесскому музею и Бахчисарайской археологической станции сектора истории и археологии Крымского филиала АН СССР. По указаниям П.Н. Шульца нами, с участием мл[адшего] научного сотрудника Крымского филиала О.И. Домбровского и Севастопольских краеведов – Константина Вильшуна, Анатолия Шакалова, Олега Никонова была произведена более подробная рекогносировка, результаты которой изложены в данном сообщении.

Неблагоприятные условия поздней осени и зимы, в которых велась наша работа, помешали совершить более детальный осмотр побережья с многочисленными разнообразными памятниками.

Под мысом Аяя, на его северо-восточной стороне спрятана в кольце высоких, крутых гор глубокая неровная котловина, покрытая густым лесом, среди которого местами проглядывают поросшие травой поляны. Это и есть урочище «Кокия», упомянутое Кёппеном. Просторное в юго-восточной части, близ мыса Аяя, оно сжато горами, сужено <188> в более низменной северо-западной части, где образуется как бы «горловина», открытая к берегу в сторону Балаклавы (рис. 1).

Горный кряж, отделяющий урочище с юго-западной стороны от берега, обрывист и недоступен с моря; на одном из его высоких отрогов нами были подобраны черепки древней лепной керамики. На северо-востоке, над суженной частью котловины, стоят длинной скалистой стеной высокие утесы, за которыми расстилаются горные пастбища (рис. 2).

Через всю котловину, в направлении с северо-востока на юго-запад, прослеживается в чаще леса старая дорога, многочисленные ответвления которой приводят к каменистому обрыву в суженной части котловины. Относительно этого места Кёппен пишет: «Самим яром, по сказанию татар, некогда пролегала дорога от укрепления вниз к морю»². Сравнительная свежесть разрушений обрыва свидетельствует о происходивших здесь обвалах, которые прервали свободный доступ к морю. Можно полагать, что в древности дорога действительно опускалась дальше к берегу.

На восток от обрыва, на расстоянии приблизительно 300 м в глубине суженной части котловины по ее южному склону, проходят ответвления дороги. Эти ответвления пересекаются остатками древних построек – каменными стенами и развалинами каких-то небольших строений (рис. 3).

Далее, на восток, в том направлении, в километре от обрыва был обнаружен комплекс разрушенных древних построек. Он расположен на склоне у подножия скалистого хребта, ограничивающего котловину с северо-восточной стороны.

В зарослях мелкого леса, которым покрыт весь этот склон, находятся остатки стен, ограждающие участок площадью около 0,5 гектара (рис. 4). Стены сложены из дикарного камня. Толщина западной <189> стены, стоящей поперек склона, равна 80 см.

К северной стене примыкает изнутри небольшая постройка, имеющая в плане неправильную полукруглую форму. Площадь постройки невелика, около 4 кв. м. Она находится на расстоянии 37 шагов от полуразрушенного северо-западного ограждения, вблизи от его несохранившегося северо-восточного угла.

Восточная стена ограды как бы двойная – она состоит из 2-х параллельных каменных кладок толщиной каждая 60 см. Расстояние между ними равно 1,5 м. Кладка этих двух стен уцелела далеко не на всем протяжении; большая часть их от середины к северо-

¹ П. Кёппен. Краткий сборник. СПб., 1837 г.

² П. Кёппен. Указ. соч., стр. 209.

восточному углу не сохранилась. От четвертой стены, на южном крае ограды участка остались только хаотические груды камней. Лишь местами видны кладки, пристроенные к массивным глыбам, скатившимся сюда со скалистого хребта в результате давних горных обвалов, задолго до постройки ограды.

Форму углов между южной стеной ограды и примыкающими к ней стенами западной и восточной проследить без основательной разборки каменных завалов невозможно. От южной границы участка начинается крутой, обрывистый скат глубокого оврага. Весь участок имеет чуть вытянутые с севера на юг очертания, ширина его 60 м, длина 80 м.

В пределах участка местами различимы выступающие из земли остатки строений, сложенных насухо из дикарного слегка подтесанного камня и пристроенных к большим каменным глыбам (рис. 5).

Ограда и развалины строений, по характеру кладки и общей конфигурации, отданно напоминают постройки таврских убежищ в различных местах горного Крыма (гора Кошка, Базман, Медведь-гора). В этих строениях, очевидно, сохраняются традиции, унаследованные от таврских сооружений.

<190> Найденный здесь подъемный керамический материал, относится к X и XIII векам.

Еще выше, в самом узком месте котловины, дорога проходит через остатки какого-то сооружения, похожего по внешнему виду на основания башни с примыкающей к ней стеной. Судя по местоположению это, вероятнее всего, небольшое укрепление (рис. 6). Окончательное решение вопроса о назначении сооружения невозможно без углубленного обследования самих руин и всей вытянутой части урочища, путем раскопок.

В юго-восточной широкой части котловины, на одной из открытых полян, на круглом каменистом бугре, обнаружена еще одна группа древних построек. Этот комплекс расположен на южном склоне бугра, невдалеке от мыса Айя. Этот склон примыкает к руслу пересохшего ручья, глубоко прорезавшего твердую каменистую породу. В верховьях ручья, даже в жаркие летние месяцы, просачивается родник, вода которого в настоящее время не доходит до подножия скалистого мыса Айя.

С северо-западной стороны утесов Айя устье сухого русла заканчивается громадным обрывом к морю.

Над ручьем расположен ряд небольших одинаковых сооружений из камня, пристроенных к отвесному краю скалистого пояса, окаймляющего сверху южный слон бугра (рис. 7). Постройки эти представляют собой миниатюрные дворики с жилым помещением внутри каждого.

На расстоянии 100 м от построек, на запад от них, у подножья горы, отделяющей котловину от моря, имеются развалины, похожие на большой загон для скота.

Подъемный материал, подобранный на плоской вершине бугра и возле построек, по определению Е.В. Веймарна, также как и материал, собранный в северо-западной части урочища, относится к X-XIII векам. Судя по небольшому масштабу площади, занимаемой развалинами, по малым размерам строения и по характеру их каменной кладки, <191> можно предположить, что данный комплекс является небольшим средневековым поселением.

Следует отметить, что укрытая от ветров и имевшая воду котловина, обладала благоприятными естественными условиями для скотоводства и земледелия. Свободные от леса участки земли и сейчас почти круглый год служат пастбищем для стад окрестных колхозов. Кёппен тоже отмечал, что этой землей «совместно пользуются жители двух деревень Байдарской долины: Варнаутки и Кучук-Мускомы»¹.

Из всего вышесказанного напрашивается вывод о том, что все обнаруженные нами в котловине памятники, относящиеся приблизительно к одному времени (X-XIII вв.) были тесно связаны между собой в единый комплекс.

Урочище «Кокия», в настоящее время безлюдное и заросшее диким лесом, в древности, кроме сельского поселения, имело и оборонительные сооружения. Главным из таких был замок на недоступной вершине мыса Айя, он господствовал над юго-западной широкой частью котловины и преграждал доступ в нее по южным хребтам гор, опоясывающих урочище.

Открытый выход к морю в узкой северо-западной части котловины был защищен, по-видимому, укреплениями, связанными с имевшимся здесь населенным пунктом.

Кольцо скалистых хребтов, заслоняющих урочище со всех сторон, сходит на нет на северо-восточной стороне его широкой части. В этом еще неизученном участке имеются проходы в скалах и спуск, по которому возможен доступ в низину; ввиду этого можно ожидать, что и там будут обнаружены остатки каких-либо оборонительных сооружений.

¹ П. Кёппен. Указ. соч., стр. 209.

<192> С высоты мыса Айя хорошо просматриваются и эти склоны, и все пространство уроцища с его выходом к морю, и берег моря на северо-запад до Балаклавы.

На этом берегу, по пути из Балаклавы к «урочищу Кокия», через перевал Кала-Футлар, находится ряд давно известных археологам, но еще не изученных и не нанесенных на карту остатков каменных построек. Без тщательной и широко поставленной археологической разведки нельзя составить полную картину жизни этих мест в древности.

Памятники уроцища «Кокия», сохранившегося значительно лучше других, заслуживают внимания археологов, изучающих историю средневекового Горного Крыма.

Эти памятники обещают дать, в результате раскопок, целостную картину хозяйственной и культурной жизни небольшого феодального организма с поселениями, загонами для скота, сельскохозяйственными угодьями, с укреплением и замком феодала. Этот средневековый комплекс находится в замкнутой горной местности, хорошо защищенной естественными условиями и представляет большие удобства для всестороннего археологического изучения.

(В.МАЛИКОВ).

г. Симферополь.

27.01.1951 г.

<193>

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ [к статье В.М. Маликова. – Ред.]

Рис. 1. Карта участка побережья, примыкающего к мысу Айя.

Рис. 2. Обрыв над морем в северо-западной части уроцища «Кокия».

Рис. 3. Южный склон хребта, ограничивающего уроцище «Кокия» с северо-восточной стороны.

Рис. 4. Схематический план огороженного участка.

Рис. 5. Кладка разрушенной постройки внутри ограждения.

Рис. 6. Схема расположения памятников на уроцище «Кокия».

Рис. 7. Общий вид бугра с древним поселением у подножия мыса Айя.

Рис. 8. Подъемный керамический материал уроцища «Кокия» X–XIII вв.:

1) профиль черепицы, 2) фрагмент черепицы, 3) фрагмент венчика и ручки кувшина, 4) обломок ручки кувшина, 5, 6, 7, 8, 9) профили донышек и венчиков различной посуды, 10) фрагмент орнаментированной поливной тарелки, 11) фрагмент орнаментированной поливной тарелки: а) внутренняя сторона, б) внешняя сторона.

II

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 902.2 (477.75)+930

DOI 10.5281/zenodo.3478128

С.П. ПЕТРЕНКО И Н.И. РЕПНИКОВ: УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

ЕМЕЛЬЯНОВА Н.С.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье рассматривается роль керченского музейного надсмотрщика¹ С.П. Петренко в становлении Н.И. Репникова как археолога-практиka. С.П. Петренко стал для Н.И. Репникова не просто наставником в области изучения крымских древностей, но и личным другом. Сделан вывод, что С.П. Петренко, формально будучи лишь техническим специалистом, внес значительный вклад в профессиональное становление выдающегося российского и советского ученого – Н.И. Репникова.

This article discusses the role of Kerch museum supervisor S.P. Petrenko in the formation of N.I. Repnikov as an archaeologist-practitioner. Petrenko became for Repnikov not just a mentor in the field of Crimean antiquities, but also a personal friend. It is concluded that S.P. Petrenko, formally being only a technical specialist, made a significant contribution to the professional development of the outstanding Russian and Soviet scientist - N.I. Repnikova.

Ключевые слова: Н.И. Репников, С.П. Петренко, археология, Крым, Суук-Су, Императорская археологическая комиссия.

Key words: N.I. Repnikov, S.P. Petrenko, archeology, Crimea, Suuk-su, Imperial archaeological commission.

«...друг и учитель в деле
производства раскопок...»

Н.И. Репников

В рукописном отделе архива Института истории материальной культуры РАН хранится машинописный текст под заголовком «Памяти друга. Семен Петрович Петренко» [11]. Его автор Николай Иванович Репников – известный археолог, этнограф, специалист

¹ В изучаемое время так назывался археолог, надзиравший за производством полевых археологических работ (прим. ред.).

в области иконописи, монументальной живописи и прикладного искусства Древней Руси, исследователь археологических памятников северо-запада России и Крыма.

К сожалению, о самом С.П. Петренко, которого Н.И. Репников считал своим учителем в области практической археологии, известно мало. Упомянутый документ во многом раскрывает обстоятельства их знакомства и последующего сотрудничества.

Н.И. Репников родился в Санкт-Петербурге, как он писал в автобиографических справках, в семье бурлака 9 апреля 1882 г. Окончив коммерческое училище, в 1902 г. он поступил в Санкт-Петербургский археологический институт, который готовил специалистов по разным отраслям изучения древностей и выпускал, наряду с Московским археологическим институтом, кадры для отечественной археологии и архивистки. В Институте его учителями были видные ученые – историки и археологи, среди них: Н.В. Покровский, С.Ф. Платонов, А.А. Спицын, С.А. Жебелев и другие [10].

Археологическую деятельность в Крыму Н.И. Репников начал в 1903 г., когда Императорская археологическая комиссия поручила ему исследование могильника Суук-Су, расположенного на Южном берегу Крыма между Гурзуфом и западным склоном горы Аю-Даг.

Интереснейшие результаты полевых работ, проведенных на могильнике с 9 августа по 10 сентября 1903 г., и активизация местных искателей древностей (т.н. «счастливчиков») подтолкнули Комиссию к решению продолжить раскопки зимой этого же года. И в декабре Николай Иванович вновь приступил к исследованию памятника [12, с. 3].

Тогда и состоялось знакомство начинающего археолога Николая Репникова с опытным полевиком – Семеном Петровичем Петренко, уже имевшим многолетнюю практику раскопок в Керчи и ее окрестностях. По просьбе Императорской археологической комиссии его на помощь экспедиции в Суук-Су отправил директор Керченского музея древностей В.В. Шкорпил¹. Надсмотрщик Керченского музея древностей С.П. Петренко прибыл на раскопки с рекомендательным письмом дирекции. По воспоминаниям Н.И. Репникова, это был «бравый, коренастый мужчина, лет сорока, шедший с полным сознанием того, что идет именно туда, куда ему нужно». В первые дни работы С.П. Петренко на деле показал свои навыки раскопщика, приятно поразившие Н.И. Репникова и рабочих. Попросив разрешения разобрать гробницу, он, по словам Н.И. Репникова, ловкими движениями «быстро и артистически» закончил работу, произвел обмер и сделал необходимые записи. Это не удивительно: Семен Петрович к этому времени уже обладал большим стажем технической организации раскопок. Как опытный наблюдатель за рабочими, он уже в первые дни распределил участников раскопок по группам, указав каждому из них место и фронт работы на могильнике. С его приходом, по воспоминаниям Н.И. Репникова, «все как-то подтянулись, сосредоточились, каждой паре рабочих нашлось и место, и дело» [11, л. 3].

За период полевых работ, проведенных на могильнике при активном участии С.П. Петренко, были обнаружены 87 раннесредневековых погребений готской культуры.

Н.И. Репников, в отличие от керченского коллеги, не имел опыта работы в Крыму, поэтому появление на раскопе С.П. Петренко стало хорошим подспорьем. Семен Петрович делился с новым «учеником» навыками, приобретенными на раскопках на Таманском полуострове, в Керчи, Ольвии, в долинах рек Кача и Альма и у мыса Тарханкут [11, л. 2].

Впоследствии Н.И. Репников вспоминал о своих первых уроках, полученных у С.П. Петренко: «Рассказ его был прост, ясен и правдив. Для начинающего археолога это была увлекательная, красавая повесть, рисующая практическую сторону производства археологических раскопок, это были своеобразные лекции по технике их, но столь оригинально и широко поставленные, что их наврядли будут где-либо читать специалистам...» [11, л. 2]. С той самой экспедиции между Н.И. Репниковым и С.П. Петренко завязалась многолетняя дружба.

¹ Шкорпил Владислав Вячеславович (1853–1918) – преподаватель Ялтинской Александровской и Керченской гимназий, заведующий музеем Мелек-Чесменского кургана, затем – директор Керченского музея древностей. Автор более 100 научных работ, посвященных археологическим памятникам Керчи и Тамани, в исследовании которых он принимал непосредственное участие [14].

В дальнейшем судьба не раз сводила их, и из каждой встречи Николай Иванович черпал новые знания и опыт в изучении памятников археологии Северного Причерноморья. Так, летом 1904 г. Николай Иванович в качестве гостя был на раскопках в Ольвии у Б.В. Фармаковского¹, где в течение двух недель Семен Петрович его «... *ввел в дело раскопок больших южнорусских курганов...*» [11, л. 4]. А в 1905 г., по решению Императорской археологической комиссии, Н.И. Репников и сам был прикомандирован к экспедиции Б.В. Фармаковского.

Рис. 1. Ольвия. Сотрудник экспедиции С. Петренко за реставрацией вазы [6, с. 125]

В 1906 г. Николай Иванович уже самостоятельно руководил раскопками на Ольвийском некрополе, которые шли параллельно с исследованиями Б.В. Фармаковского на городище. С самого начала работ С.П. Петренко был в группе Н.И. Репникова. Они совместно успели только выбрать место для начала раскопок. Но почти сразу С.П. Петренко перевели под начало Б.В. Фармаковского, где он «*работал, вовсю, но без оживления – деловито, он не вкладывал в них душу, ибо был лишь идеальным исполнителем чужих, для него далеких по духу желаний и интересов исследователя*» [11, л. 5]. Не имея возможности участвовать в раскопках на некрополе и тем самым направить исследования по нужному руслу, Семену Петровичу все же удалось помочь еще раз своему «ученику»: в праздничный выходной день С.П. Петренко вышел в одиночку в степь и выбрал один из курганов Ольвийского некрополя, исследование которого входило в программу заданий Императорской археологической комиссии. Выбранный им курган, несмотря на наличие грабительских ям, оказался нетронутым.

Во время работы экспедиции Б.В. Фармаковского была найдена античная костяная пластинка с резьбой. Артефакт был сенсационным для экспедиции в Ольвии, но стал роковым для репутации С.П. Петренко. Дело в том, что в конце 1906 г. в Петербург через Э.Р. фон Штерна³ поступили остальные пластинки, приобретенные у одесского антиквара Л. Гохмана. Но, как оказалось, они были куплены у одного из надсмотрщиков, работавших в Ольвии. Увы, подозрение пало на С.П. Петренко.

Расследование затягивалось, что препятствовало участию Семена Петровича в новой экспедиции. Но благодаря настойчивости Н.И. Репникова и вмешательству Н.И. Веселов-

По воспоминаниям Н.И. Репникова участок работы на Ольвийском городище был настолько огромен, что в день на раскопках насчитывалось до 100 человек только рабочих. За техническим персоналом необходимо было пристально следить: «*В его (С.П. Петренко – Н.Е.) партии, между прочим, работали самые отчаянные «счастливцы»², которых, скажу прямо, побаивались другие надсмотрщики*». Но для С.П. Петренко эта задача была выполнима: «*Спокойный и справедливый, но требовательный к аккуратному и тщательному ведению работ, он был всеобщим любимцем.... От его острого, всегда пристального взгляда не укрывался ни один шаг его команды, всякое движение рабочего было ему ясно, от него не укрылось бы ничто, что шло бы в ущерб делу раскопок*» [11, л. 3–4].

¹ Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928) – известный специалист в области античной археологии. Основные научные интересы – Ольвия и ее периферия, участвовал также в раскопках площади Десятинной церкви в Киеве (1908, 1909 гг.), в Евпатории (1916–1917 гг.).

² «Счастливцами» («счастливчиками») на Юге России называли профессиональных кладоискателей, проще говоря грабителей древних захоронений.

³ Штерн фон Эрнест Романович (Эрнст-Валльфрид) (1859–1924) – известный российский знаток классических древностей, филолог, ученый-антроповед, разоблачитель поддельных артефактов, главный хранитель музея Одесского общества истории и древностей (1896–1911 гг.), профессор Новороссийского университета, автор более чем 200 научных трудов [8, 15].

ского¹, опальный на тот момент С.П. Петренко все же был включен в экспедицию Императорской археологической комиссии 1907 г., целью которой было исследование руин Партенитской базилики – «Храма Апостолов» Иоанна Готского на горе Аю-Даг в Крыму и поиск средневековых могильников в Байдарской долине [13]. В результате работ того года был доследован этот уникальный памятник средневековой архитектуры и найдены четыре ранее не известных готских могильника.

Осенью 1907 г. закончилось следствие об ольвийских костяных пластинках, которое доказало непричастность С.П. Петренко. Было установлено, что пластинки были похищены и проданы старшим надсмотрщиком по фамилии Демиденко. Полному оправданию Семена Петровича особенно радовался Н.И. Репников, и прежде не усомнившийся в товарище и наставнике и не изменивший отношения к нему.

Зимой 1908 г. Н.И. Репникова назначили исполнять обязанности заведующего раскопками и «Складом местных древностей» в Херсонесе, что позволило ему возобновить сотрудничество с С.П. Петренко. Перед ними стояла задача исследовать некрополь и участок древней городской стены перед Зиноновой башней херсонесских укреплений [5, с. 312]. Семен Петрович вновь проявил свои великолепные организаторские способности: «...и тут вышел победителем, поставив все на свой лад, завоевав общую симпатию рабочих» [11, л. 8].

Во время работы в Севастополе Николай Иванович заболел малярией и крупозным воспалением легких. На помощь ему пришел С.П. Петренко, который «как нянька выносил его на руках» и занимался вместо него устройством нового проезда к «Складу древностей» Херсонеса. После выздоровления Н.И. Репников передал руководство раскопками новому заведующему – Р.Х. Леперу². Но с ним С.П. Петренко не сработался. Спустя месяц, посетив Херсонес, Н.И. Репников узнал, что С.П. Петренко отказывается работать там и просит руководство отпустить его обратно в Керчь.

В 1910 г. Н.И. Репников пригласил С.П. Петренко поработать с ним в Старой Ладоге. Семен Петрович, хотя и «был смущен тем, что ему придется работать там, где он не бывал и с теми древностями, которых он не знал», согласился, и на протяжении последующих четырех лет участвовал в раскопках памятника. Скрупулезность и бережное отношение С.П. Петренко к древним артефактам в очередной раз оценил Н.И. Репников во время этих работ. Когда археологи столкнулись впервые с остатками древних деревянных построек, залегающих ярусами, Семен Петрович самостоятельно расчищал их или бдительно следил за ходом работ [11, л. 9.]. Благодаря его тщательности была получена одна из первых стратиграфических колонок данного памятника.

С 1913 г. С.П. Петренко работал в Петербурге – в Императорской археологической комиссии и Эрмитаже. Здесь он, будучи одним из лучших реставраторов античной керамики, выполнял реставрационные работы и склейку древней посуды. Приезжая в северную столицу Семен Петрович неизменно останавливался у Николая Ивановича. Так было и в последнюю их встречу в 1916 г. Учитель и ученик строили планы на лето 1917 г., договаривались о совместной работе в горном Крыму. Но, к сожалению, смерть Семена Петровича Петренко не позволила воплотить задуманное в жизнь.

Для Николая Ивановича большой потерей стал уход из жизни Семена Петровича, который благодаря своим личностным качествам умел чувствовать, как окружавших его людей, так и характерные черты памятников.

«Смерть С.П. лишила навсегда возможности встретить друга и учителя в деле производства раскопок. Его выдвинуло время больших раскопок Археологической Комиссии в России, и он был, несомненно, в первом ряду ее технического персонала», записал

¹ Веселовский Николай Иванович (1848–1918) – археолог, действительный член Русского археологического общества, член-корреспондент Императорской археологической комиссии и Императорской Санкт-Петербургской академии наук, автор наиболее выдающихся открытий российской археологии конца XIX – начала XX веков [1, с. 49; 4, с. 12].

² Лепер Роберт Христианович (1864–1918) – археолог, эпиграфист, антиковед. Ученый секретарь Русского музея в Константинополе, член Императорской Археологической комиссии и заведующий раскопками в Херсонесе в 1908–1914 гг. [9, с. 198–199].

после его кончины Н.И. Репников [11, л. 10]. До конца своих дней Николай Иванович, впоследствии известный ученый, сотрудник Академии истории материальной культуры, помнил и чтил своего первого наставника и друга, скромного труженика на поприще изучения древностей России.

Источники и литература.

1. Белова Н.А. Николай Иванович Веселовский – видный деятель российской гуманитарной науки (краткая справка) // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 49.
2. Берштам А.Н., Бибиков С.Н. Н.И. Репников (1882–1940) // КСИИМК. 1941. Вып. IX. С. 121–123.
3. Борис Владимирович Фармаковский (биографическая справка, составленная А.Н. Карасевым) // КСИИМК. 1948. Вып. XXII. С. 5–7.
4. Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга и изучение древних культур и цивилизаций Центральной Азии и Кавказа / отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Европейский дом, 2003. 28 с.
5. Герцен А.Г. Н.И. Репников о Мангупе // Историческое наследие Крыма. 2008. № 22–23. С. 30–38.
6. Длужневская Г.В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: Лема, 2014. 218 с.
7. Емельянова Н.С. Семен Петрович Петренко – учитель Николая Ивановича Репникова // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму: материалы научной конференции, посвященной началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма (г. Симферополь, 4–6 сентября 2015 г.). Симферополь: Тарпан, 2015. С. 54–55.
8. Кузьмищев А.Г. Э.Р. Фон Штерн – первый исследователь античной Тирры // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2013. Вип. XXXV. С. 359–369.
9. Непомнящий А.А. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины и древности Херсонеса: новые источники // Праці центру пам'яткоznавства. 2013. Вып. 24. С. 196–206.
10. Николаев А.Л. Подготовка специалистов по русской старине в Санкт-Петербургском и Московском археологических институтах // Известия АлтГУ. 2009. № 4. С. 186–192.
11. Репников Н. Памяти друга. Семен Петрович Петренко // Архив ИИМК РАН. Ф. 10. Д. 25. Л. 1–10.
12. Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИИАК. 1906. Вып. 19. С. 1–80.
13. Репников Н.И. Партенитская базилика // ИИАК. 1909. Вып. 32. С. 91–140.
14. Федосеев Н.Ф. Судьбы керченских археологов // 175 лет Керченскому Музею древностей: Материалы международной конференции. Керчь, 2001. С. 18–29.
15. Немецкий профессор в русском университете: Эрнест Романович фон Штерн (1859–1924) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2001. Вып. 3. С. 29–53.
16. Юрочкин В.Ю. Готский вопрос. Симферополь: СОННАТ, 2017. 496 с.
17. Юрочкин В.Ю., Емельянова Н.С. «Народный ученый» – Н.И. Репников и Херсонес // Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова / отв. ред. В.В. Майко. Севастополь–Калининград: РОСТ–ДОАФК, 2018. С. 319–332.

References.

1. Belova N.A. Nikolai Ivanovich Veselovskii – vidnyi deiatel' rossiiskoi gumanitarnoi nauki (kratkaia spravka) // Drevnie obshchestva Kavkaza v epokhu paleometalla (rannie kompleksnye obshchestva i voprosy kul'turnoi transformatsii). SPb.: IIMK RAN, 1997. S. 49.
2. Bershtam A.N., Bibikov S.N. N.I. Repnikov (1882–1940) // KSIIMK. 1941. Vyp. IX. S. 121–123.
3. Boris Vladimirovich Farmakovskii (biograficheskia spravka, sostavlennaia A.N. Karasevym) // KSIIMK. 1948. Vyp. XXII. S. 5–7.
4. Vydaishchesia uchenye Sankt-Peterburga i izuchenie drevnikh kul'tur i tsivilizatsii Tsentral'noi Azii i Kavkaza / otv. red. V.M. Masson. SPb.: Evropeiskii dom, 2003. 28 s.
5. Gertsen A.G. N.I. Repnikov o Mangupe // Istoricheskoe nasledie Kryma. 2008. № 22–23. S. 30–38.
6. Dluzhnevskaya G.V. Arkheologicheskie issledovaniia v Evropeiskoi chasti Rossii i na Kavkaze v 1859–1919 gg. (po dokumentam Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury RAN). SPb.: Lema, 2014. 218 s.
7. Emelianova N.S. Semen Petrovich Petrenko – uchitel' Nikolaia Ivanovicha Repnikova // 70 let Tavro-Skifskoi ekspeditsii v Krymu: materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi nachalu raboty Tavro-Skifskoi ekspeditsii na Neapole Skifskom i drugikh pamiatnikakh Kryma (g. Simferopol', 4–6 sentiabria 2015 g.). Simferopol': Tarpan, 2015. S. 54–55.
8. Kuz'mishchev A.G. E.R. Fon Shtern – pervyi issledovatel' antichnoi Tirry // Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu. 2013. Vip. XXXV. S. 359–369.
9. Nepomniashchii A.A. Obshchestvo zashchity i sokhraneniia v Rossii pamiatnikov iskusstva i stariny i drevnosti Khersonesa: novye istochniki // Pratsi tsentru pam'iatkoznavstva. 2013. Vyp. 24. S. 196–206.
10. Nikolaev A.L. Podgotovka spetsialistov po russkoi starine v Sankt-Peterburgskom i Moskovskom arkheologicheskikh institutakh // Izvestiia AltGU. 2009. № 4. S. 186–192.

11. Repnikov N. Pamiati druga. Semen Petrovich Petrenko // Arkhiv IIMK RAN. F. 10. D. 25. L. 1–10.
12. Repnikov N.I. Nekotorye mogil'niki oblasti krymskikh gotov // IIAK. 1906. Vyp. 19. S. 1–80.
13. Repnikov N.I. Partenitskaia bazilika // IIAK. 1909. Vyp. 32. S. 91–140.
14. Fedoseev N.F. Sud'by kerchenskikh arkheologov // 175 let Kerchenskomu Muzeiu drevnostei: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Kerch', 2001. S. 18–29.
15. Nemetskii professor v russkom universitete: Ernest Romanovich fon Shtern (1859–1924) // Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury srednikh vekov v rannego novogo vremeni. 2001. Vyp. 3. S. 29–53.
16. Yurochkin V.Yu. Gotskii vopros. Simferopol': CONAT, 2017. 496 s.
17. Yurochkin V.Yu., Emel'ianova N.S. «Narodnyi uchenyi» – N.I. Repnikov i Khersones // Arkheologiya antichnogo i srednevekovogo goroda: sbornik statei v chest' Stanislava Grigor'evicha Ryzhova / otv. red. V.V. Maiko. Sevastopol'–Kaliningrad: ROST-DOAFK, 2018. S. 319–332.

Сокращения.

ИИАК –	Известия Императорской археологической комиссии.
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
КСИИМК –	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.

Abbreviations.

IIAK –	Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission).
IIIMK RAN –	Institut istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk (Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences).
KSIIMK –	Kratkie soobshcheniia o dokladakh i polevykh issledovaniakh Instituta istorii material'noi kul'tury (Summary of the reports and field studies of the Institute of History of Material Culture).

Емельянова Н. С. С.П. Петренко и Н.И. Репников: учитель и ученик / Емельянова Н. С. // Причерноморье. История, политика, культура. – Серия А : Античность и средневековье. – 2019. – № XXX (IX). – С. 17–22.

Emelianova N. S. S.P. Petrenko and N.I. Repnikov: teacher and student / Emelianova N. S. // The Black Sea region. History, politics, culture. – Series A : Antiquity and the Middle Ages. – 2019. – № XXX (IX). – P. 17–22.

ОБ АВТОРЕ

ЕМЕЛЬЯНОВА
Наталья Сергеевна

Заместитель директора Научно-образовательного центра ноосферологии и устойчивого ноосферного развития Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
E-mail: ymelyanova_nata@mail.ru

EMELIANOVA
Natalya Sergeevna

Deputy Director of the Research and Education Center Noospherology and Sustainable Noospheric Development, V.I. Vernadsky Crimean Federal University
E-mail: ymelyanova_nata@mail.ru

УДК 39+908

DOI 10.5281/zenodo.3478134

**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ В КРЫМ ОСЕНЬЮ 1929 ГОДА**

Лобков А.Е.

Севастопольский государственный университет

В статье изучена поездка немецкой делегации в составе профессора Йозефа Зауера, доктора Ганса Финдейзена и его супруги Наты Финдейзен осенью 1929 года в Крым. Ее основной задачей было непосредственное знакомство с археологическими находками в Эски-Кермене с целью организации возможной советско-немецкой экспедиции по раскопкам готских древностей и антропологическим исследованиям в Крыму. После визита в Крым Й. Зауер и Г. Финдейзен осмотрели также древние памятники культовой архитектуры в Грузии и Армении, а Н. Финдейзен провела сбор этнографического материала среди крымских татар Бахчисарайского района. Сделан вывод, что полученные от профессора Йозефа Зауера сведения усилили интерес научных и политических кругов Германии к «готскому вопросу». Однако начало политических расовая политика национал-социалистической Германии привели к сворачиванию научного сотрудничества двух стран. Более продуктивной оказалась этнографическая часть экспедиции. Впервые в немецкой науке была предпринята попытка изучения материальной культуры татар Бахчисарайского района. Собранный супругами Финдейзен этнографический материал положил начало уникальной коллекции предметов быта крымских татар, хранящейся ныне в Музее европейских культур в Берлине.

The article is devoted to the trip of the German delegation consisting of Prof. Joseph Sauer, Dr. Hans Findeisen and his wife Nata Findeisen to the Crimea in the autumn of 1929. Its main task was to get acquainted with archaeological finds in Eski-Kermen for the purpose of organizing a possible Soviet-German expedition for the excavations of Gothic antiquities and anthropological researches in Crimea. After the visit to the Crimea J. Sauer and H. Findeisen inspected also ancient monuments of religious architecture in Georgia and Armenia, and N. Findeisen collected ethnographic material among the Crimean Tatars of the Bakhchisarai district. It is concluded that the information received from Professor Joseph Sauer reinforced the interest of German scientific and political circles in the « Gothic issue ». However, the racial policy of National Socialist Germany led to the curtailment of scientific cooperation between this countries. The ethnographic part of the expedition turned out to be more productive. For the first time in German science, an attempt was made to study the material culture of the Tatars of the Bakhchisarai region. Ethnographic material collected by the Findeisen spouses laid the foundation for a unique collection of Crimean Tatars household items, which is now stored in the Museum of European Cultures in Berlin.

Ключевые слова: Г. Финдейзен, Н. Финдейзен, Й. Зауер, этнография, крымские татары, готский вопрос, Эски-Кермен.

Key words: H. Findeisen, N. Findeisen, J. Sauer, Ethnography, Crimean Tatars, Gothic question, Eski-Kermen.

Во второй половине 20-х годов XX века научно-техническое сотрудничество между Германией и Советским Союзом носило весьма интенсивный характер. Оно проходило под эгидой Общества содействия немецкой науки (Notgemeinschaft der Deutschen Wissen-

schaft) и Академии наук СССР. Среди ярких моментов совместной деятельности – участие немецких ученых в праздновании 200-летнего юбилея АН СССР в Ленинграде и Москве в сентябре 1925 года, Советско-германская Памирская экспедиция в 1928 году и Неделя советских историков в Берлине в июле 1928 года. Один из планируемых для реализации совместных проектов предполагал археологические исследования на месте древнего городища Эски-Кермен в Крыму.

В 1928 г. раскопки на Эски-Кермене по поручению Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) проводил Н.И. Репников, который на основании сделанных находок выдвинул смелую гипотезу о том, что именно здесь находилась древняя столица крымских готов Дорос.

Новость об открытии столицы готов в Крыму быстро достигла Германии и вызвала большой интерес – как в научных кругах, так и у широкой общественности. Молодой антрополог Г.И. Петров из Музея антропологии и этнографии (МАЭ), участвовавший в экспедиции Н.И. Репникова, во время зимней командировки 1928–1929 гг. в Германию неоднократно информировал немецких коллег о находках эски-керменской экспедиции и о результатах собственных антропологических исследований татар из деревни Черкес-Кермен, среди которых он выделил отличный от «татарского» «светлый» тип, по его мнению, восходивший к крымским готовам [15]. В одном из писем директору ЦГРМ Н.И. Репников, с понятной гордостью, передает полученные им от Г.И. Петрова сведения, что в Берлинской Академии наук и Министерстве народного просвещения *«раскопки произвели потрясающее впечатление»*, его *«кимя склоняется во всех падежах»*, и что в Берлине не исключают *«возможности отпустить некоторую сумму на продолжение работ, а также на издание»* [3, с. 215].

Директор ЦГРМ И.Э. Грабарь, состоявший в тесной переписке с Н.И. Репниковым и знаявший все подробности и проблемы готовских исследований в Крыму, во время встреч с немецкими коллегами в Германии зимой 1929 г. также выступал сторонником дальнейших раскопок [2, с. 184].

Активную поддержку археологические раскопки Н.И. Репникова нашли у академика С.Ф. Платонова, который сумел заручиться согласием С.Ф. Ольденбурга и провести через заседание Общего собрания АН постановление о «желательности» продолжения исследований в Крыму совместно с немецкими учеными [1, с. 362–363.]. Всей имеющейся информацией по «готскому вопросу» С.Ф. Платонов делился со своим добрым знакомым, русско-немецким ученым, членом-корреспондентом АН СССР и профессором Лейпцигского университета Ф.А. Брауном [4; 6]. Ф.А. Браун, искавший следы готов в Крыму в 90-х гг. XIX в., приложил все усилия, чтобы заинтересовать руководство Общества содействия немецкой науке в перспективности совместных советско-германских раскопок на Эски-Кермене. В результате в мае 1929 г. между Обществом содействия немецкой науке и АН СССР было достигнуто соглашение об участии одного немецкого «наблюдателя» на раскопках в Эски-Кермене [1, с. 363].

Ф.А. Браун находился в переписке и с другими археологами, проводившими исследования на Эски-Кермене – помощником Н.И. Репникова В.И. Равдоникасом, которому помог опубликовать статью «Дорос-Феодоро – столица готов» в одном из немецких журналов [16], и Н.Л. Эрнстом, заведующим археологическим отделом Центрального музея Тавриды [4].

Естественно, Ф.А. Браун ожидал, что в качестве главного эксперта в Крым выберут именно его. Однако немецкая сторона долго не могла определиться с подходящей кандидатурой. Звучали разные имена – профессора В. Унферцагта, директора доисторического отдела Музея народоведения (Museum für Völkerkunde), археолога Т. Виганда, главы художественно-исторического комитета Общества помощи немецкой науке, и Г. Йонаса, секретаря Общества по изучению Восточной Европы (Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas). Наконец, 23 июля от президента Общества содействия немецкой науке Ф. Шмидт-Отта *«последовало указание, что в Эски-Кермен прибудут в начале сентября проф. Зауер из Фрейберга и доктор Финдейзен»* [1, с. 364].

История готов в Крыму явно не была «коньком» Йозефа Зауера (Joseph Sauer, 1872–1949), профессора Фрейбургского университета, авторитетного теолога и историка, знатока церковного искусства и археологии. Его интересовала средневековая

христианская архитектура ближневосточных стран, поэтому поездка в Советскую Россию представляла для него интерес не столько с точки зрения «готских древностей» в Крыму, сколько возможности познакомиться с памятниками христианской архитектуры Крыма, Грузии и Армении.

Это был второй визит Зауера в Россию. В 1925 г. он, как ректор Фрейбургского университета, был в составе немецкой делегации под руководством Ф. Шмидт-Отта, посетившей Ленинград и Москву в связи с торжествами по случаю 200-летия образования Академии наук. Во время этого визита ему удалось обнаружить в Эрмитаже процессионный крест и серебряный потир, хранившиеся некогда в монастыре св. Трудперта неподалеку от Фрейбурга, об истории которых он позднее сообщил в своих статьях [19; 20].

В помощники Зауеру был придан молодой немецкий этнограф Ганс Финдейзен (Hans Findeisen, 1903–1968), сотрудник Музея народоведения, прекрасно говоривший по-русски и выполнивший роль переводчика. Его сопровождала русская жена Ната Финдейзен.

С советской стороны переводчиком был выдвинут Н.Л. Эрнст. Он, правда, находился в конфликте с Н.И. Репниковым из-за права возглавить раскопки на Эски-Кермене. Поэтому С.Ф. Платонов договорился также с А.М. Мервартом, антропологом из МАЭ, проживавшим летом на даче около Эски-Кермена, на случай возможной замены Н.Л. Эрнста.

Зауер и Финдейзен прибыли в Симферополь 7 сентября и были встречены «др. Эрнстом и седьмым крымским историком проф. Маркевичем» [21, с. 39]. Затем они были приняты наркомом просвещения Мамутом Недимом – «исключительно симпатичным и интеллигентным человеком» [11, с. 161]. Недим изучал торговое дело в Берлине, потому говорил со своими гостями по-немецки. Уже на следующий день немецкие ученые отправились на место раскопок в Эски-Кермен, задержавшись там на три дня. Жили они в близлежащей деревне Черкес-Кермен, где познакомились с жителями, среди которых Г.И. Петров выделил группу предположительных потомков крымских готов.

После Эски-Кермена немцы осмотрели Мангуп, который также вызвал у них неподдельное внимание и заинтересованность в проведении совместных археологических раскопок. Затем Недим лично проводил гостей в Бахчисарай, где в Ханском дворце директор музея Усейин Боданинский выделил им две комнаты для проживания.

Из Бахчисарай немецкие ученые в сопровождении Н.Л. Эрнста совершили экскурсии по другим древним городам Крыма – «важнейшим крепостям готов» – Тепе-Кермену, Чуфут-Кале и Качи-Кальону. Затем они на машине отправились на Южный берег Крыма с заездами в Ташибасты¹ (на Сюйренскую крепость) и в Коккозы². Из Ялты они выезжали на катере на готские могильники в Алуште и в Гурзуфе, затем осмотрели древние крепости, лежащие вдоль дороги в Севастополь, и ознакомились с ходом раскопок в Херсонесе. После этого немецкая делегация разделилась – Зауер и Финдейзен сели на пароход до Батуми, а Ната Финдейзен осталась в Бахчисарае.

В Тбилиси и Кутаиси Зауер и Финдейзен провели переговоры с представителями местных властей и учеными о перспективах совместных раскопок и посетили предполагаемые места – древний город Мцхета и городище Нокалакеви. В отличие от Крыма, немцам в дальнейшем удалось согласовать с грузинской стороной проведение совместной экспедиции раскопок древнего городища в Нокалакеви зимой 1930–1931 гг., с немецкой стороны которую возглавил ученик Й. Зауера Альфонс Мария Шнейдер (Alfons Maria Schneider, 1896–1952). О результатах раскопок он рассказал в заметке «Археополис (Нокалакеви)» [22].

Из Грузии Зауер и Финдейзен направились в Армению, посетив Ереван, Севан, Звартноц и Ленинакан. Зауер сумел даже попасть в средневековый армянский город Ани на территории Турции и провести фотосъемку его памятников и руин. Помимо ярких впечатлений и множества фотографий, по результатам экспедиции Зауер сделал отчетный доклад «Поездка в Грузию и в Крым для изучения мест раскопок раннехристианского, доисторического и средневекового периодов» на заседании Общества помощи немецкой науке, опубликовал две статьи «Историческое значение церкви св. Креста близ Мцхета (Грузия)» [17] и «Христианские памятники в области крымских готов» [18], а также под-

¹ Современное село Большое Садовое Бахчисарайского района Республики Крым (прим. ред.).

² Современное село Соколиное Бахчисарайского района Республики Крым (прим. ред.).

готовил две статьи для «Теологического и церковного лексикона» о церковном искусстве в Армении и Грузии. Свою статью об архитектурных памятниках крымских готов Зауер в 1933 г. переслал Н.Л. Эрнству в Крым.

Все увиденное в Крыму впечатлило Зауера и убедило его в необходимости проведения всесторонних археологических и этнографических исследований, в которых немецкая сторона, на его взгляд, просто обязана (перед памятью готов и их прямых потомков в Крыму) принять самое активное участие. Об этом он писал в Берлин еще из поездки: «*по моему мнению, несомненно, стоит попытаться прояснить загадку этих сооружений, которые имеют историческое подтверждение и в древних свидетельствах называются резиденцией готов. Возможно, следует договариваться о чуть более интенсивных раскопках с предварительными затратами в 5000 марок, со своей стороны русские, вероятно, внесут такую же сумму. <...> Что русским не хватает, так это настоящих специалистов и хороших инструментов*» [21, с. 40].

Подробный отчет о раскопках 1929 г., подготовленный Н.И. Репниковым и С.Ф. Платоновым, был опубликован в сборнике «О командировках и экспедициях Академии Наук в 1929 г.». В нем, в частности, упоминалось, что в «*процессе работ экспедицию посетили и осматривали Эски-Кермен: акад. С.Ф. Платонов, чл.-корр. АН А.И. Маркевич (2 раза), проф. J. Sauer, проф. R. Salomon и проф. Финдейзен из Германии; археологи: Н.Л. Эрнст, Л.А. Мацулевич, И.Э. Грабарь, Г.О. Чирков и Л.А. Моисеев, нарком просвещения Крымской АССР и ряд музейных работников Севастополя и Симферополя и краеведческая молодежь*» [5, с. 186].

Упоминаемый в отчете немецкий профессор Рихард Саломон (Richard Salomon, 1884–1966), возглавлявший Институт Восточной Европы Гамбургского университета, посетил раскопки на Эски-Кермене после отъезда Зауера. В 1929 г. он был в поездке «на Волгу и в Крым», организованной при непосредственном участии члена-корреспондента АН СССР, проф. МГУ Д.Н. Егорова. Научные интересы Р. Саломона (византистика, история России и стран Восточной Европы) не имели прямого отношения ни к готской истории, ни к крымско-татарской этнографии. Об этом свидетельствует как его биография, так и библиография [7; 13].

Подводя итоги раскопкам 1929 г. на заседании общего собрания АН СССР, С.Ф. Платонов с оптимизмом смотрел на будущее совместных советско-немецких исследований в области истории крымских готов: «*Все посетившие в этом году Эски-Кермен авторитетные специалисты (проф. Зауер, Л.А. Мацулевич, проф. Саломон) и заглазно знакомый с Эски-Керменом известный готовод Ф.А. Браун согласны в том, что этот город восходит ко временам Юстиниана (VI век), и этот результат надо признать крупным успехом работ Н.И. Репникова. Таким же успехом необходимо признать и то, что Н.И. Репников удостоверил присутствие в Эски-Кермене готовского элемента. Но его гипотеза о том, что здесь надо искать Дорос (Феодоро) остается еще гипотезой. Тем не менее, немецкий «ein Zuschauer» проф. Зауер признал, что Эски-Кермен и соседние с ним развалины пещерных городов заслуживают со стороны германской науки серьезнейшего внимания с точки зрения готовских изысканий*» [1, с. 365].

Однако проект совместной экспедиции реализован не был. Вскоре после поездки немецких ученых многие из ее организаторов и участников были либо уволены, как С.Ф. Ольденбург, либо арестованы – С.Ф. Платонов и А.М. Мерварт, в том числе, и по обвинению в шпионаже в пользу Германии. В 1938 г. будет арестован и Н.Л. Эрнст, которому на следствии также припомнят участие в «шпионской» поездке Зауера и Финдейзена.

Кроме археологической, немецкая экспедиция имела и этнографическую миссию, возложенную на супругов Финдейзен. Чтобы не низводить молодого ученого лишь до роли переводчика, Общество содействия немецким ученым в сотрудничестве с Берлинским Музеем народоведения предложило Финдейзену провести этнографическое исследование крымских татар и собрать материалы для формирования музеиной коллекции. Впрочем, основная роль в этом требующем времени предприятии отводилась его супруге Нате Финдейзен.

Ганс Финдейзен известен многочисленными работами о культуре северных народов России. По окончании Берлинского университета он вместе с женой в начале 1927 г. от-

правился в первую крупную этнографическую экспедицию – в Сибирь, поставив перед собой цель изучить обычай малочисленного коренного народа кетов, или, как их ранее называли, енисейских остыков. Путешествие продлилось тринадцать месяцев. По поручению ряда немецких музеев (Берлина, Гамбурга, Дрездена и Лейпцига) Финдейзен собирали предметы быта и культа народов Сибири, производил фотосъемку и делал фонографические записи фольклора. Материал, собранный за это время, на протяжении всей жизни ученого служил ему источником многих работ о кетах. В мае 1929 г. Финдейзен защитил диссертацию на тему «Рыболовство в жизни коренных народов Сибири» («Die Fischerei im Leben der altsibirischen Völkerstämme») на степень доктора философского факультета Берлинского университета.

Летом 1929 г. Ганс и Ната Финдейзены по поручению Берлинского Музея народоведения находились в этнографической экспедиции в «русской» Лапландии (отошедшей после революции к Финляндии). Ее пришлось завершить досрочно, так как из Берлина Финдейзену неожиданно пришло предложение отправиться в качестве сопровождающего профессора Зауера в трехмесячную поездку в Крым и на Кавказ.

Для Финдейзена, как этнографа, особый интерес в изучении крымских татар виделся в двух аспектах: «*так как они изначально были центрально-азиатскими кочевниками, то за долгий период своей самостоятельности (вплоть до конца XVIII века) могли сохранить старые черты своей экономической и культурной жизни*» и «*с ними слились крымские готы, остатки которых продолжают жить в горных деревнях, так что существует вероятность того, что в культурных традициях этих районов – не только в фольклоре, но и в народном искусстве – продолжают жить остатки готского художественного творчества*» [14, с. 346].

Пробыв около двух неделе в Крыму, Й. Зауэр и Г. Финдейзен продолжили путешествие на Кавказ, а Ната Финдейзен вернулась в Бахчисарай, чтобы исполнить поручение Берлинского музея народоведения: «*изучать жизнь татар и приобретать предметы, связанные с их культурой и бытом*» [11, с. 161].

О жене Ганса Финдейзена известно на данный момент немного. Судя по трем сохранившимся ее статьям, она не имела специального этнографического образования. Однако непосредственный опыт экспедиционной деятельности и активное участие в этнографических наблюдениях мужа позволяют говорить о ней как об этнографе-любителе, в лучшем смысле этого слова, восторженно и непосредственно воспринимавшей нравы и обычай других народов.

Свои статьи она писала по-русски, а затем ученые друзья ее мужа переводили их на немецкий язык. Одна из них посвящена впечатлениям от жизни среди енисейских остыков (кетов), две других – крымским татарам. Также Ната Финдейзен работала над романом «Тайга», который переводил на немецкий В.А. Ункрг [24, с. 44–45].

Хотя Н. Финдейзен не знала крымско-татарского языка, она с большим энтузиазмом исполняла свое первое этнографическое поручение. Ее статья – «Наблюдения, сделанные на крымско-татарской свадьбе» [10], написанные под непосредственным впечатлением от увиденной свадебной церемонии, проникнута горечью от последствий стремительной европеизации татар. На свадьбу Н. Финдейзен пригласил знакомый студент Джемал-Эддин. Невеста, его кузина, была родом из села Закав (до 1968 г. Заячье), а жених – из Биюк-Яшлава (ныне Репино).

Напрасно ждала исследовательница особого восточного колорита и этнической самобытности. Новые времена диктовали новые нравы. Казалось бы, свадьба – один из самых консервативных обрядов, в котором ярко раскрывается культурная особенность каждой этнической группы. Н. Финдейзен, как видно из текста, была знакома с описаниями обрядов крымско-татарской свадьбы, но все что она видела, шло вразрез с традицией.

Так, она сокрушается, что вся молодежь одета в современную одежду европейского покроя: «*Для меня это было большим разочарованием, так как я как раз надеялась увидеть на этом празднике национальные костюмы крымских татар и наблюдать их старые обычаи. Примечателен эпизод, произошедший вскоре и показавший мне, что старые костюмы и обычаи молодым поколением не столь забыты, сколько сознательно отверг-*

нуты. Громкий всеобщий смех присутствующих заставил меня встать, и я увидела татарку преклонных лет, одетую в национальный костюм. На ней было шелковое платье небесно-голубого цвета, поверх которого был надет красный бархатный камзол с галунами из золотой парчи. На голове – расшищая золотом феска, а сверху наброшен красный шелковый платок с бахромой, закрывавший спину. Изящная чадра (вуаль) скрывала черты ее лица. Собравшиеся столпились вокруг нее, крутили ее туда-сюда, поднимали ей платье, что посмотреть на широкие шаровары и громко при этом смеялись. Старая женщина спокойно позволяла проделывать с собой все, что им было угодно, словно ее это и не касалось. Затем она осторожно подобрала платье и опустилась на пол. Все сели вокруг нее, также, как незадолго до этого, они сидели вокруг меня, и, очевидно, иногда в довольно грубой форме издевались над старухой. Но она застыла в глубоком молчании. Мне было очень жаль старую женщину, и я спросила одну из девушек, почему они так насмехаются над ней. Девушка ответила: «она не совсем в своем уме, над этим мы смеемся, и, кроме того, она надела старый костюм, а это теперь уже совсем несовременно». Этот ответ позволяет сделать весьма печальные выводы относительно характера и благоговения перед традицией молодого «европеизированного» поколения крымских татар» [10, с. 98].

Пристальное внимание Ната Финдейзен обращает на пристрастие татар к алкоголю: «Мы все сидели на полу на подушках. На столе было красное вино и водка, хлеб, нарезанный большими кусками, две миски с сыром и жареной бараниной. Поскольку я отказалась от водки, то мне налили красного вина. Религиозный закон запрещает татарам пить вино, но поскольку Коран не упоминает ничего о водке, то ее пьют все, и стар и млад. Когда мы ели, в комнату вошла мама Джемал-Эддина. Ей предложили красного вина, но она с негодованием его отвергла. Водку же она выпила сразу. Ныне вся молодежь пьет вино, лишь старики страшатся преступить закон. Когда Джемал-Эддин пил вино, его мать неодобрительно покачивала головой, но, очевидно, не осмеливалась ему запретить это» [10, с. 99–100].

Рекой льется водка и за праздничным столом мужчин, что глубоко за полночь заканчивается массовой дракой: «Мне сказали, что каждая приличная и веселая свадьба должна заканчиваться дракой» [10, с. 102].

Утраченной оказалась и ритуальность первой брачной ночи: «Когда жених подошел ко мне, я спросила его, когда и как его отведут в покой для новобрачных. Он ответил: «Да никак. Я пойду туда, когда никто не будет видеть». Тогда я спросила, не станут ли его стричь, как принято, и одевать в свадебные одежды. Он отвечал, что так было принято раньше, но теперь никакие церемонии не соблюдаются. Когда я выразила сожаление, что не смогла присутствовать на свадьбе пятью годами ранее, когда все еще было по-старому, жених рассмеялся и сказал, что надо забыть о старом и начать новую жизнь» [10, с. 102].

Н. Финдейзен тщательно фиксирует все сказанное и происходящее, но не может быть беспристрастной: «Лично я очень сожалею о том, что татары перестали соблюдать свои религиозные предписания и обычаи. Все их самобытные церемонии, накопленные столетиями, забываются и вряд ли когда-либо вновь возродятся» [10, с. 102].

Вторая статья – «У крымских татар» – представляет собой экскурс в историю появления татар в Крыму, раскрывает их место среди других народов, характеризует традиционные занятия, описывает особенности Бахчисарая и внешний вид его жителей, подробно останавливается на истории и устройстве Ханского дворца, обозревает окрестности города – Успенский монастырь и Чуфут-Кале. Н. Финдейзен честно указывает на источники своих сведений – «Крым: Путеводитель», изданный Крымским обществом естествоиспытателей и любителей природы, а также сотрудников редакции Крымгиза. Встречающиеся в тексте татарские и арабские слова и выражения она старательно переписывала из оригинальных источников, лишь в редких случаях записывая их на слух. Переводчик В.А. Ункрг также передал татарские слова арабской графикой [11].

Две с четвертью страницы занимает список купленных в Бахчисарае и Биюк-Яшлаве вещей. Они сгруппированы по следующим группам: «оборудование для изготовления ювелирных украшений», «ювелирные изделия», «изделия ручной работы», «музыкальные

инструменты», «предметы культа», «оружие», «предметы одежды», «инструмент сапожника», «сельскохозяйственный инструмент», «инструмент столяра-токаря», «домашняя утварь» [11, с. 171–173]. Всего было приобретено 468 предметов. В настоящее время собранная коллекция хранится в Музее европейских культур в Берлине [23], некоторое представление о ней дают фотографии предметов, которые можно увидеть на интернет-странице музея (рис. 1–12) [12].

Н. Финдейзен с сожалением писала, что перед отъездом было куплено еще более трехсот различных предметов, которые, однако, немецкие этнографы не успели надлежащим образом зарегистрировать для вывоза за границу, и остались в музее в Бахчисарае. С гордостью пишет она о приобретении сантыра, вероятно, последнего в Крыму. Единственный экземпляр, замечает Финдейзен, хранился в музее Симферополя, и музейный сотрудник пытался воспрепятствовать вывозу редкого струнного инструмента, что, однако, удалось легко разрешить благодаря вмешательству высокопоставленных чиновников из Москвы [11, с. 174].

Отметим, что обе статьи богато иллюстрированы фотографиями, также представляющими большой интерес для современных исследователей.

По завершении экспедиции Г. Финдейзен выступил с отчетом «Исследование крымских татар» на заседании Общества содействия немецкой науке. Этнографическая коллекция, собранная супругами Финдейзен во время поездок по Лапландии и Крыму, была представлена на особой выставке в Музее народоведения в феврале–марте 1930 г. К выставке также был выпущен каталог [8]. Собственные впечатления о Крыме самого общего характера и о жизни крымских татар Г. Финдейзен описал в главе «Народ пастухов превращается в садоводов. В земле крымских татар» в своей книге «Люди на Земле» (1934) [9, с. 393–404]. Естественно, не прошел он и мимо готского вопроса, усмотрев наследников «готской крови» среди греков, выведенных в Мариуполь в 1778 г., а также в татарских деревнях «древней Готии», которые посетила немецкая делегация. Финдейзен писал, что *«среди общей массы татарского населения, все еще с выраженными монголоидными чертами и прямыми черными волосами на голове, в деревнях, входивших ранее в древнее царство крымских готов, особенно резко выделяются белокурые жители с голубыми глазами. Это своеобразие особенно заметно у детей, многих из которых запросто можно было бы принять за уроженцев северогерманских деревень. Др. Эрнст рассказал нам, что, как ни странно, между немецкими земледельческими колониями (в 1926 г. в Крыму проживало 43 631 немцев) и теперь оттарившимися потомками древнего царства готов установились особенно интенсивные экономические отношения, что можно объяснить схожим складом характера партнеров с обеих сторон»* [9, с. 399]. В книге Финдейзена явственно ощущаются расовые идеи, характерные для того времени.

Подводя итоги деятельности немецкой экспедиции в сентябре 1929 г. в Крыму, можно констатировать, что полученные от профессора Йозефа Зауера сведения только усилили интерес научных и политических кругов Германии к «готскому вопросу» и желание принять непосредственное участие в раскопках и антропологических исследованиях в Крыму. Однако этим надеждам в изучаемый период не суждено было осуществиться. Позднее расовая политика национал-социалистической Германии также не способствовала совместным исследованиям готов, наоборот, породила в советской науке идею о местном стадиальном развитии средневекового населения Крыма.

Более продуктивной оказалась этнографическая часть экспедиции. Впервые в немецкой науке была предпринята попытка изучения материальной культуры татар Бахчисарайского района. Собранный супругами Финдейзен этнографический материал положил начало уникальной коллекции предметов быта крымских татар, которая в настоящее время хранится в Музее европейских культур в Берлине.

Источники и литература.

1. Выписка из стенограммы общего собрания АН СССР от 30 октября 1929 года // Непомнящий А.А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. К.: Стилос, 2012. С. 362–366.
2. Грабарь И.Э. Письма: 1917–1941 / ред.–сост., авт. введ. и comment. Н.А. Евсина и Т.П. Каждан. М.:

- Наука, 1977. 424 с.
3. «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...»: Письма Н.И. Репникова к И.Э. Грабарю / подг., предисл., comment. Е.А. Теркель // Историческое наследие Крыма. 2006. № 14. С. 212–223.
 4. Непомнящий А.А. «Быть в курсе Ваших крымских планов...»: из истории крымоведения по переписке Ф.А. Брауна и С.Ф. Платонова // Пространство и Время. 2016. № 1–2. С. 177–192.
 5. Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1929 год. Отчет о научных командировках. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Ч. 2. 305 с.
 6. Тихонов И.Л. Ф.А. Браун – профессор, декан, проректор Санкт-Петербургского университета // Клио. 2016. № 8. С. 72–83.
 7. Epstein F.T. Hamburg und Osteuropa: Zum Gedächtnis von Professor Richard Salomon (1884–1966) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1967. Bd. 15. S. 59–98.
 8. Findeisen H. Krimtataren und Kolalappen. Berlin, 1930. 16 s.
 9. Findeisen H. Aus Hirtenvölkern werden Gartenbauern. Im Lande der Krimtataren // Findeisen H. Menschen in der Welt. Vom Lebenskampf der Völker in der Alten und Neuen Welt, im Polarland, in der Steppe und Tropenwald. Stuttgart: Verlag Heinrich Plesken, 1934. S. 393–404.
 10. Findeisen N. Beobachtungen auf einer Krymtatarischen Hochzeit / aus dem Russischen v. W. Imiela // Baessler-Archiv. 1930. Bd. XIV. S. 97–102.
 11. Findeisen N. Bei den Krimtataren / aus dem Russischen v. W.A. Unkrig // Baessler-Archiv. 1935. Bd. XVIII. S. 161–174.
 12. Museum Europäischer Kulturen [Electronic resource]. Access mode: https://smb.museum-digital.de/index.php?style=grid&t=listen&persinst_id=54237&startwert=24&cachesLoaded=true
 13. Nicolaysen R. «vitae, nicht vita». Über Vertreibung und Exil des Osteuropa-Historikers Richard Salomon (1884–1966) // Lebendige Sozialgeschichte. Gedenkschrift für Peter Borowsky / hg. v. R. Hering u. R. Nicolaysen. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2003. S. 633–658.
 14. Nixdorff H. Hundert Jahre Museum für Völkerkunde Berlin. Abteilung Europa // Baessler-Archiv. Neue Folge. 1973. Bd. XXI. S. 341–358.
 15. Petroff G. Anthropologische Untersuchungen in der Krim im Jahre 1928 // Anthropologischer Anzeiger. 1930. H. 3. S. 258–261.
 16. Raudonikas W. Doros-Feodoro, die Hauptstadt der Goten // Die Umschau. 1929. 33. Jahrg. H. 22. S. 435–440.
 17. Sauer J. Die Kreuzkirche bei Mzchet (Georgien) in ihrer geschichtlichen Bedeutung // Römische Quartalschrift. 1931. № 39. S. 607–612.
 18. Sauer J. Die christlichen Denkmäler im Gotengebiet der Krim // Oriens Christianus. 1932. № 7. S. 188–202.
 19. Sauer J. Unbekannte Kunstwerke aus dem Kloster St. Trudpert // Zeitschrift des Freiburger Geschichtsvereins. 1935. Bd. 46. S. 55–82.
 20. Sauer J. Nochmals das St. Trudperter Reliquienkreuz in St. Petersburg // Zeitschrift des Freiburger Geschichtsvereins. 1938. Bd. 48. S. 121–123.
 21. Schenk D. Zu den Beziehungen der Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft und der Akademie der Wissenschaften der UdSSR // Gattungen in den slavischen Literaturen: Beiträge zu ihren Formen in der Geschichte. Festschrift für Alfred Rammelmeyer / hrsg. von H.-B. Harder u. H. Rothe. Köln–Wien: Böhlau, 1988. S. 3–66.
 22. Schneider A.M. Archaeopolis (Nokalakewi) // Forschungen und Fortschritte. 1931. № 27. S. 354–355.
 23. Tietmeyer E. Materielle Kultur und Identität – Zur Geschichte und Ethnografie der Krimtataren im Museum Europäischer Kulturen der Staatlichen Museen zu Berlin // Zwischen Orient und Okzident. Studien zu Mobilität, Wissen, Konzepten und Praktiken. Festschrift für Peter Heine. Freiburg: Herder, 2010. S. 176–195.
 24. W.A. Unkrig (1883–1956). Korrespondenz mit Hans Findeisen, der Britischen Bibelgesellschaft und anderen über Sibirien und den Lamaismus / hg. v. H. Walravens. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. 204 s.

References.

1. Vypiska iz stenogrammy obshchego sobraniia AN SSSR ot 30 oktiabria 1929 goda // Nepomniashchii A.A. Professor Nikolai Ernst: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia. K.: Stilos, 2012. S. 362–366.
2. Grabar' I.E. Pis'ma: 1917–1941 / red.–sost., avt. vved. i comment. N.A. Evsina i T.P. Kazhdan. M.: Nauka, 1977. 424 s.
3. «Ne zakryvaiu glaz na slozhnost', trudnost' i otvetstvennost' predstoishchei raboty v oblasti okhrany i izucheniiia pamiatnikov Kryma...»: Pis'ma N.I. Repnikova k I.E. Grabariu / podg., predisl., comment. E.A. Terkel' // Istoricheskoe nasledie Kryma. 2006. № 14. S. 212–223.
4. Nepomniashchii A.A. «Byt' v kurse Vashikh krymskikh planov...»: iz istorii krymovedeniia po perepiske F.A. Brauna i S.F. Platonova // Prostranstvo i Vremia. 2016. № 1–2. S. 177–192.
5. Otchet o deiatel'nosti Akademii nauk Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik za 1929 god. Otchet o nauchnykh komandirovakh. L.: Izd-vo AN SSSR, 1930. Ch. 2. 305 s.
6. Tikhonov I.L. F.A. Braun – professor, dekan, prorektor Sankt-Peterburgskogo universiteta // Клио. 2016. № 8. S. 72–83.
7. Epstein F.T. Hamburg und Osteuropa: Zum Gedächtnis von Professor Richard Salomon (1884–1966) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1967. Bd. 15. S. 59–98.

8. Findeisen H. Krimtataren und Kolalappen. Berlin, 1930. 16 s.
9. Findeisen H. Aus Hirtenvölkern werden Gartenbauern. Im Lande der Krimtataren // Findeisen H. Menschen in der Welt. Vom Lebenskampf der Völker in der Alten und Neuen Welt, im Polarland, in der Steppe und Tropenwald. Stuttgart: Verlag Heinrich Plesken, 1934. S. 393–404.
10. Findeisen N. Beobachtungen auf einer Krymtatarischen Hochzeit / aus dem Russischen v. W. Imiela // Baessler-Archiv. 1930. Bd. XIV. S. 97–102.
11. Findeisen N. Bei den Krimtataren / aus dem Russischen v. W.A. Unkrig // Baessler-Archiv. 1935. Bd. XVIII. S. 161–174.
12. Museum Europäischer Kulturen [Electronic resource]. Access mode: https://smb.museum-digital.de/index.php?style=grid&t=listen&persinst_id=54237&startwert=24&cachesLoaded=true
13. Nicolaysen R. «vitae, nicht vita». Über Vertreibung und Exil des Osteuropa-Historikers Richard Salomon (1884–1966) // Lebendige Sozialgeschichte. Gedenkschrift für Peter Borowsky / hg. v. R. Hering u. R. Nicolaysen. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2003. S. 633–658.
14. Nixdorff H. Hundert Jahre Museum für Völkerkunde Berlin. Abteilung Europa // Baessler-Archiv. Neue Folge. 1973. Bd. XXI. S. 341–358.
15. Petroff G. Anthropologische Untersuchungen in der Krim im Jahre 1928 // Anthropologischer Anzeiger. 1930. H. 3. S. 258–261.
16. Raudonikas W. Doros-Feodoro, die Hauptstadt der Goten // Die Umschau. 1929. 33. Jahrg. H. 22. S. 435–440.
17. Sauer J. Die Kreuzkirche bei Mzchet (Georgien) in ihrer geschichtlichen Bedeutung // Römische Quartalschrift. 1931. № 39. S. 607–612.
18. Sauer J. Die christlichen Denkmäler im Gotengebiet der Krim // Oriens Christianus. 1932. № 7. S. 188–202.
19. Sauer J. Unbekannte Kunstwerke aus dem Kloster St. Trudpert // Zeitschrift des Freiburger Geschichtsvereins. 1935. Bd. 46. S. 55–82.
20. Sauer J. Nochmals das St. Trudperter Reliquienkreuz in St. Petersburg // Zeitschrift des Freiburger Geschichtsvereins. 1938. Bd. 48. S. 121–123.
21. Schenk D. Zu den Beziehungen der Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft und der Akademie der Wissenschaften der UdSSR // Gattungen in den slavischen Literaturen: Beiträge zu ihren Formen in der Geschichte. Festschrift für Alfred Rammelmeyer / hrsg. von H.-B. Harder u. H. Rothe. Köln–Wien: Böhlau, 1988. S. 3–66.
22. Schneider A.M. Archaeopolis (Nokalakewi) // Forschungen und Fortschritte. 1931. № 27. S. 354–355.
23. Tietmeyer E. Materielle Kultur und Identität – Zur Geschichte und Ethnografie der Krimtataren im Museum Europäischer Kulturen der Staatlichen Museen zu Berlin // Zwischen Orient und Okzident. Studien zu Mobilität, Wissen, Konzepten und Praktiken. Festschrift für Peter Heine. Freiburg: Herder, 2010. S. 176–195.
24. W.A. Unkrig (1883–1956). Korrespondenz mit Hans Findeisen, der Britischen Bibelgesellschaft und anderen über Sibirien und den Lamaismus / hg. v. H. Walravens. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. 204 s.

Лобков А. Е. Археологическая и этнографическая экспедиция немецких ученых в Крым осенью 1929 года / Лобков А. Е. // Причерноморье. История, политика, культура. – Серия А : Античность и средневековье. – 2019. – № XXX (IX). – С. 23–34.

Lobkov A. E. Archaeological and ethnographic expedition of German scientists to Crimea in the autumn of 1929 / Lobkov A. E. // The Black Sea region. History, politics, culture. – Series A : Antiquity and the Middle Ages. – 2019. – № XXX (IX). – P. 23–34.

ОБ АВТОРЕ

Лобков
Александр Евгеньевич

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Севастопольского государственного университета
E-mail: alobkow@rambler.ru

Лобков
Alexander Evgenyevitch

Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Translation, Sevastopol State University
E-mail: alobkow@rambler.ru

Рис. 1. Алтын фес (№ II С 322). Праздничная бархатная феска, увенчанная серебряной (позолоченной) филигранной шестиконечной звездой и украшенная серебряными (позолоченными) монетами и витым позументом с двумя свисающими кистями. Размеры: нижний диаметр – 18 см, верхний диаметр – 17 см, высота – 8 см. © МЕК [12]

Рис. 2. Пулла бурумчик (№ II С 465). Головное покрывало из зеленого муслина с золотой оплеткой и кружевами.
Размеры: длина – 156 см, ширина – 59 см. © МЕК [12]

Рис. 3. Кофейник (№ II С 229). Латунь. Размеры: высота 15 см, ширина – 14 см, глубина – 11 см. © МЕК [12]

Рис. 4. Чашка (№ II С 254). Глиняная чашка с ручкой. Размеры: высота – 5,5 см, диаметр – 7 см. © МЕК [12]

Рис. 5. Кисе (№ II С 477). Свадебный кисет для табака. Размеры: длина – ок. 17 см, ширина – 9 см. © МЕК [12]

Рис. 6. Мешочек, украшенный бисером (№ II С 422). Вязанный из черной шерсти и украшенный прозрачным бисером. Размеры: длина – 28 см, ширина – 18 см, глубина – 2 см. © МЕК [12]

Рис. 7. Молитвенник (№ II С 487). Карманного формата в кожаном переплете. Размеры: длина – 8 см, ширина – 6 см. © МЕК [12]

Рис. 8. Халат (№ II С 340). Халат муллы с широкими рукавами, желтый шелк. Размеры: длина – 130 см, ширина – 75 см, ширина плеч – 54 см. © МЕК [12]

Рис. 9. Билезлик (№ II С 430). Позолоченный серебряный браслет. Размеры: диаметр 6 см. © МЕК [12]

Рис. 10. Билезлик (№ II С 426). Посеребренный металлический браслет с шариком на цепочке и бирюзовой вставкой. Размеры: диаметр 6 см. © МЕК [12]

Рис. 11. Кушак-баш (№ II С 441а-б). Посеребренная металлическая пряжка в виде двух листьев в зеркальном отражении, украшенных растительным орнаментом. Размеры: длина – 11 см, ширина – 27 см. © МЕК [12]

Рис. 12. Кушак-баш (№ II С 412). Филигранная серебряная пряжка, позолоченная. Размеры: длина – 11 см, ширина – 21 см. © МЕК [12]

III

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ПЕРИОДА

УДК 902.21(64)

DOI 10.5281/zenodo.3491668

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ДОКОЛОНИЗАЦИОННОГО ПЕРИОДА В ОКРЕСТНОСТЯХ СЕВАСТОПОЛЯ

Ступко М.В.

**Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»**

В статье на основе материалов полевых разведок 2017–2018 гг. вводятся в научный оборот два новых ранее не известных памятника доколонизационного периода. Первый – стоянка периода энеолита – ранней бронзы «Балка Голландия» на северном берегу Севастопольской бухты, второй – поселение финальной бронзы – раннего железного века «Нахаловка» в нижнем течении реки Бельбек. На основе анализа подъемного материала обоснованы их датировка и периодизация.

The article is based on the field intelligence materials of 2017–2018. Two new previously unknown monuments of the pre-colonization period are introduced into the scientific circulation. The first is the settlement of the Eneolithic – the Early Bronze Age «Balka Holland» on the northern shore of the Sevastopol Bay. The second is the settlement of the final Bronze Age – the Early Iron Age «Nakhalovka» in the lower reaches of the Belbek River. On the basis of the the lifting material analysis their dating and periodization are substantiated.

Ключевые слова: энеолит, культура раковинных куч, ранний железный век, кизил-кобинская культура.

Key words: Eneolithic, shell heap culture, Early Iron Age, Kizil-Koba culture.

Археологическое изучение округи Херсонеса продолжается уже более столетия. На данный момент зафиксировано и исследовано несколько сотен (около четырехсот) памятников различных исторических периодов, от стоянок каменного века до поселений нового времени. Исторически так сложилось, что все археологические памятники Юго-Западного Крыма, часто обладающие своими характерными особенностями, присущими данному микрорегиону, делятся на «догреческие» (доколонизационные) и памятники, относящиеся к периоду от начала греческой колонизации. По вполне понятным объективным причинам, исследователи основное внимание уделяли именно второй

группе объектов, как значительно более многочисленной, с лучшей сохранностью, а потому более выразительной, дающей более впечатляющие, яркие находки с хорошо отработанной системой датировок. Самое главное, памятники второй группы чаще всего имеют прямое или косвенное отражение в письменных источниках, что, безусловно, облегчает их атрибуцию.

Закономерно, что по вышеназванным причинам в суммарных объемах исследований археологических памятников данного региона, образовался существенный перекос. Тем не менее, количество выявленных памятников доколонизационного периода также значительно и насчитывает несколько десятков объектов. Основное место среди них занимают памятники кизил-кобинской культуры различных этапов ее существования, поскольку они имеют наилучшую в данной группе сохранность. Эти памятники располагаются как на Гераклейском полуострове, так и на дальней окресте Херсонеса. Впервые о них упомянул П.С. Паллас, в 1793 г. осматривавший во время путешествия в Крым остатки древних поселений и могильников из каменных ящиков [35, с. 105]. Ф. Дюбуа де Монпере в 1833 г. описывает мегалитические памятники Горного Крыма уже в привязке их к таврам и сравнивает с мегалитическими памятниками Кавказа и Западной Европы [4].

Однако до конца XIX века более никаких значимых упоминаний в литературе не находится. Новый этап исследований по данной теме уже связан с привлечением археологических данных. В первую очередь это относится к тавским каменным ящикам, изучением которых занялись Ф.П. Кеппен и Ю.Д. Филимонов. Исследования добреческих памятников в конце XIX – начале XX вв. продолжили Ю.А. Кулаковский [28], Л.Н. Соловьев [71], [72], Н.М. Печенкин [36], [37], Н.И. Репников, [38], [39], [40], [41], [42]. В 1930 г. С.А. Семенов-Зусер проводил исследования дольменного могильника на 2 кордоне Мекензиевского лесничества [66]. Уже после Великой Отечественной войны исследования продолжили С.Ф. Стржелецкий [73] [74], [75], [76], Х.И. Крис [22], [23], [24], [25], [26], [27], А.М. Лесков [30], [31], [32], [33], А.А. Щепинский [80], [81], [82], [83], [84], [85], О.Я. Савеля [43], [44], [45], [46], [47], [48], [49], [50], [51], [52], [53], [54], [55], [56], [57], [58], [59], [60], [61], [62], [63], [64], [65], С.Н. Сенаторов [67], [68], [69], [70]. Особое место следует отвести обобщающим работам В.А. Колотухина, которые являются на сегодняшний момент наиболее полными трудами по данной проблематике [9], [10]. Серьезный вклад в изучение памятников кизил-кобинской культуры уже в новом тысячелетии внесла Э.А. Кравченко [12], [13], [14], [15], [16], [17], [18], [19], [20], [21].

Если памятники кизил-кобинской культуры в Юго-Западном Крыму исчисляются десятками, то объекты более раннего периода, относящиеся к эпохам неолита и раннего металла в основном представлены курганами, а поселений и могильников известны лишь единицы. Их исследования проводились уже в последние десятилетия XX века [65], [79]. Историография вопроса весьма обширна и, в рамках этой статьи не ставилась цель ее подробно проанализировать, чему, без сомнения, стоит посвятить отдельную работу.

Непрерывно возрастающее антропогенное воздействие, в частности интенсивная застройка, приводит к безвозвратной утрате все большего числа памятников, многие из которых остаются неисследованными. Вместе с тем, хозяйственная деятельность (распашка полей, выемка грунта и т.д.) и, как это ни парадоксально, ее отсутствие (прекращение обработки полей, открывающее доступ для обследования) в ряде случаев позволило выявить несколько новых, до сих пор неизвестных памятников доколонизационного периода, ранее не попадавших в поле зрения исследователей. Так, в ходе археологических разведок в 2017–2018 гг. были выявлены два объекта исследуемой эпохи: стоянка энеолита – ранней бронзы «Балка Голландия» и поселение поздней бронзы – раннего железного века «Нахаловка» на Северной стороне г. Севастополя (рис. 1). Далее рассмотрим эти памятники более подробно, насколько позволяют сделать материалы, полученные при разведках.

СТОЯНКА ЭНЕОЛИТА – РАННЕЙ БРОНЗЫ «БАЛКА ГОЛЛАНДИЯ»

Объект расположен на водораздельном плато близкой (в плане) к треугольнику формы, в глубине мыса, образованного балкой Голландия Западная и балкой Голландия

Восточная при впадении их в Севастопольскую бухту. Участок ограничивается с севера коттеджной застройкой и Севастопольской солнечной электростанцией, которые располагаются вдоль автодороги 67 К-14 («Подъезд к пос. Кача»). С востока – балкой Голландия с проходящей по ее тальвегу улицей Курчатова поселка Голландия. С запада участок ограничен балкой Голландия Западная, с юга – обрывами мыса, выходящего к бухте Голландия, входящей в систему Севастопольской (Большой) бухты. Все плато имеет незначительный уклон к западу. От центральной части плато к западному склону простирается пологое понижение рельефа, на котором и находится стоянка (рис. 2,3). Почва на памятнике представляет собой красновато-коричневый суглинок со значительным количеством мелкого камня. В нескольких местах в результате хозяйственной деятельности появились обнажения скального основания, сложенного известняками верхнего сарматского яруса. Мощность грунтового покрова составляет от 0,3 до 0,7 м, в зависимости от микрорельефа подстилающей скалы. Растительность представлена травяным покровом, состоящим из видов, характерных для крымской лесостепи.

Стоянка была обнаружена в конце 80-х гг. XX в. после выемки местными жителями плодородного слоя для близлежащих дач. По словам местного жителя И.А. Мамаева, проживающего в пос. Голландия, школьники из его дома несколько раз приносили и показывали небольшие кремни в светлой патине со следами обработки, найденные именно на месте выемки грунта. Также им было отмечено большое количество раковин морских моллюсков в размытом дождями грунте стоянки. Кремневые орудия были переданы в музеи школ, по всей видимости, расположенных на Северной стороне Севастополя (средние школы № 9 и № 31). Однако в настоящий момент прояснить судьбу упомянутых изделий не удалось.

Обследование территории памятника позволило предварительно оценить его приблизительные границы. По разбросу археологического материала, представленного в основном раковинами морских моллюсков и осколками кремня – продуктами расщепления кремневых галек, были предварительно установлены границы и определено, что площадь стоянки занимает примерно 0,74 га. Собранный на территории стоянки «Балка Голландия» подъемный материал представлен следующими находками.

Изделия из мелкокристаллического камня. Найдены два фрагмента каменных сверленых топоров-молотков. Один из фрагментов представляет собой клиновую часть сверленого топора-молотка так называемого «клиновидного типа» из серой с белесыми вкраплениями плотной породы вулканического происхождения (рис. 4,1). Форма орудия, получаемого в реконструкции, достаточно проста и даже примитивна. Каменные сверленые топоры такой формы в различных вариациях известны на всей территории расселения культур с боевыми топорами: от Ирландии на западе до Внутренней Монголии на востоке, и от Скандинавии на севере до Анатолийского полуострова на юге. В Северном Причерноморье такие изделия присущи культурам энеолита–бронзы [5, с. 111–112, рис. 26,4, с. 113, рис. 27,17,18, с. 114–117], в том числе ямной культурно-исторической общности [29, с. 133, табл. XXII,10].

Второй фрагмент каменного топора-молотка (рис. 4,2) представляет собой бойковую (обушную) часть. Изготовлен из камня такой же породы, как и первый. Задняя поверхность скругленная, несколько асимметричная, что может быть обусловлено зашлифованым сколом. Дорсальная (верхняя) поверхность выполнена с изломом, образующим продольное ребро. Реконструируемая форма изделия также достаточно проста – оживальная форма, относимая к тому же типу, что и первый образец. Топоры этого типа с ребром по дорсальной части известны также из поселения «702-я батарея-северное», расположенного в Севастополе в районе Максимовой дачи [77, с. 195, 201, рис. 4,1,2] и исследованного экспедицией О.Я Савели. Подобные топоры-молотки в целом, имея широчайшее географическое распространение и хронологические рамки бытования от энеолита до конца эпохи бронзы, характерны для культур энеолита – ранней бронзы Северного Причерноморья [7, с. 34, 47, рис. 8,12, 68, 97, рис. 29,8; 11, с. 191–192] и сопредельных территорий [86, с. 82, fig. 5, pl. LXX, 164/2, pl. XCIV, 227/26].

Фрагмент зернотерки. Изготовлена из плитки крупнозернистого камня желтовато-серого цвета. Одна из плоских сторон выровнена и заметно зашлифована (рис. 4,3) [11, с. 187, рис. 90,1].

Изделия из кремня. Основным сырьем для кремневого производства стоянки «Балка Голландия» служила кремневая галька, месторождения которой характерны для слагающих рельеф приморской части Северной стороны Севастополя неогеновых глинисто-галечных конгломератов. Это сырье не отличается высоким качеством и достаточно проблемно при обработке. Кремень в таких гальках непрозрачный, серого или серого с оливковым оттенком цвета, снаружи покрыт меловой очень плотной коркой, иногда весьма толстой. Корка близка по свойствам к самому кремню и поэтому иногда использовалась для изготовления орудий. Небольшие выходы кремневого галечника имеются непосредственно вблизи стоянки – на западном склоне севернее памятника. Более крупное месторождение с выходами крупных фракций кремневой гальки находится на возвышенности за Братским кладбищем Первой обороны Севастополя 1854–1855 гг., в пределах прямой видимости, менее чем в километре от стоянки. Среди собранных кремневых материалов присутствуют два изделия и несколько мелких фрагментов из темно-серого, почти черного кремня высокого качества, ближайшее месторождение которого известно в Чернореченской долине, в основании восточных склонов Сапун-горы и восточнее их, на Федюхинских высотах.

Несмотря на большое количество кремневых сколов и отщепов, кремневые изделия встречаются довольно редко. Большая часть собранного кремневого материала представлена отходами кремневого производства – мелкими сколами и отщепами случайной формы. Количество орудий в сравнении с общей массой сборов кремня относительно невелико, но их типология вполне представительна и характерна для эпохи раннего металла.

Отбойники. Представлены двумя целыми и одним фрагментированным экземплярами. В качестве этих орудий использованы кремневые ядрища неправильной формы с примерно равными параметрами в трех плоскостях. Основной признак, определяющий такое назначение этих орудий, это наличие характерных забоин на рабочих поверхностях (рис. 4,4–6). Один из образцов представляет собой отщеп линзовидной формы, сколотый с отбойника, переделанного из нуклеуса. Сохранился участок поверхности с характерной застывостью (рис. 4,6) [11, с. 112, рис. 52].

Нуклеусы. Все собранные кремневые ядрища можно разделить на две группы.

Ядрища неправильной формы с иррегулярными сколами (рис. 4,7–9). Размеры таких орудий непосредственно связаны с размерами кремневых галек из близлежащих месторождений. С таких ядрищ откалывались небольшие отщепы произвольной формы. Невозможность скальвания с таких галек пластин правильной формы обычно обусловлена наличием внутренних трещин, мешающих развитию длинного скола.

Нуклеусы с параллельными фасетками сколов представлены тремя экземплярами. Первый из них выполнен на округлой гальке из темно-желтого кремня. Несколькими сколами образована ударная площадка, пластинки отжимались только с одной стороны – фасетками покрыто около 60% боковой поверхности. На остальной части сохранилась меловая корка (рис. 5,1) [80, с. 115, рис. 11,15]. Следующий нуклеус относится к так называемому карандашевидному типу, характерному для времени энеолита – ранней бронзы [1, с. 182, 271, табл. LVII,24,25; 2, с. 322, рис. 85,11, с. 323, рис. 86,24, с. 332, рис. 89,10; 80, с. 98–99, рис. 3,2, с. 100–101, рис. 4,2; 85, с. 230, рис. 2,19, с. 232, рис. 4,25–29]. Он имеет граненую форму, близкую к параболической, все поверхности покрыты фасетками сколов (рис. 5,2).

Третий, наиболее крупный экземпляр, также сплошь покрыт фасетками и имеет вытянутую подпрямоугольную в плане форму и овальное сечение. Сделан из гальки серого кремня (рис. 5,3). Такие нуклеусы также характерны для культур энеолита – ранней бронзы причерноморского региона [80, с. 110, рис. 9,1; 83, с. 127, рис. 4,30, с. 129, рис. 5,31].

Пластины-вкладыши. Собраны в количестве пяти экземпляров. Все, кроме одной, изготовлены из местного сероватого непрозрачного кремня и покрыты белой или белесой патиной. Один экземпляр, имеющий по острым граням отжимную подработку кромок, изготовлен из темно-серого, почти черного кремня (рис. 5,4–8). Ближайшее месторождение такого сырья расположено на Федюхинских высотах, разделяющих Чернореченскую и Балаклавскую долины. В том районе, а именно на самой западной из высот (Жалобницкого) и на противолежащем склоне Сапун-горы известны так называемые «кремневые мастерские», представляющие собой значительные по площади россыпи продуктов расщепления

кремня – пластинок, отщепов, сколов и т.д., среди которых попадаются единичные изделия со следами отжимной ретуши. Подобные пластинки хорошо известны из памятников энеолита – ранней бронзы, как в Крыму, так и на всей территории Северного Причерноморья и сопредельных территорий [85, с. 232, рис. 4,39–40, 47–54; 86, с. 403–407].

Ножи. Известны несколько экземпляров, все фрагментированы. Наиболее сохранившийся представлен лезвийной частью (рис. 6,1). Он имеет сплошную бифасиальную обработку. Одно лезвие изогнутое, другое прямое, оба лезвия сформированы пильчатой ретушью. Сечение сохранившейся лезвийной части – линзовидное [29, с. 119, табл. XIX,6, с. 121, табл. XXI,7; 82, с. 13, рис. 3,18; 83, с. 132, рис. 6,1].

Следующий экземпляр представляет собой фрагмент (примерно половину) ножа сегментовидного типа (рис. 6,2). Выполнен на полукруглом плоском отщепе. Поверхности частично покрыты сколами. Лезвие округлое, сформировано струйчатой ретушью, все короткие фасетки которой имеют идентичный угол наклона к нормали и сделаны в одном направлении на обеих сторонах орудия. Прямые аналогии такому изделию находятся в памятниках ямной культуры Северного Причерноморья [29, с. 120–121, рис. 35,5, с. 122–123, табл. XX,3,4,5,17].

Еще один нож представлен только пятой клинка размером 4×4 см (рис. 6,3). Обработан сплошной уплощающей ретушью с крупными фасетками сколов. Само лезвие утрачено, поэтому невозможно установить его оригинальную длину. В памятниках ямной культурно-исторической общности и, в частности, кеми-обинской культуры, известны кремневые ножи с бифасиальной обработкой и подпрямоугольной пятой [83, с. 131–132, рис. 1,22].

Наконечники метательного оружия (стрел и/или дротиков). В сборах имеется четыре экземпляра, все двусторонне обработанные. Два экземпляра подтреугольной формы со слегка выгнутым основанием. Первый из них сделан из темного «федюхинского» кремня, размерами 2,5×1,6 см (рис. 6,4). Поверхность его покрыта довольно крупными фасетками сколов, направленных под углом к вертикальной оси наконечника. Второй крупнее, 3,6×2,2 см (рис. 6,5). Острие и часть лезвий утрачены. Исходная длина восстанавливается в пределах 4,0–4,2 см. Сделан из серого кремня, поверхности покрыты толстой белесой патиной. Наконечник такого вида появляются в культурах степного нео-энеолита типа Средний Стог [7, с. 20, 30, рис. 5,1,2,8] и продолжают существование до позднего энеолита ямной культурно-исторической общности [7, с. 42–43, рис. 17, 1–3,32,33].

Третий из наконечников с треугольным пером и трапециoidalным основанием, размером 3,5×1,9 см. Сделан на отщепе серого кремня с двусторонней обработкой поверхностей уплощающей ретушью. Он относится к типу, характерному исключительно для крымского энеолита – ранней бронзы [80, с. 100–101, рис. 4,21, с. 103, рис. 6,12, с. 110, рис. 9,36; 85, с. 230, рис. 2,20, с. 232, рис. 4,59, с. 241, рис. 13,4].

Четвертый наконечник размером 3,3 (4 см – в реконструкции)×2,2 см, морфологически близок к предыдущему, но имеет основание в форме гиперболической воронки, которое может рассматриваться как очень широкий черен (рис. 6,7). Наконечники с подпрямоугольным череном столь же характерны для периода энеолита – бронзы Северного Причерноморья, появляясь в памятниках нео-энеолита дереивского типа [7, с. 20, 30, рис. 5,10], продолжая существование в культурах ямной культурно-исторической общности позднего энеолита [7, с. 43, 56, рис. 17,18,20,24] и доживают до ранней бронзы в восточных вариантах ямной культурно-исторической общности [7, с. 63, 90, рис. 22,16].

Скребки. В сборах присутствует пять экземпляров данной категории орудий. Все они укладываются в морфологию этих орудий описываемой эпохи. Три из них сделаны на отщепах сегментовидной формы (рис. 6, 8–10), один полигональной (рис. 6,11) и еще один сделан из продолговатого призматического отщепа (рис. 6,12). Данный тип широко представлен в памятниках как причерноморского, так и собственно крымского периода энеолита – ранней бронзы [29, с. 117, 118, рис. 34, с. 121, табл. XX,7, с. 122; 80, с. 94, рис. 1,5, с. 98–99, рис. 3,4,5, с. 118, рис. 12,21].

Среди собранных отщепов и сколов, составляющих более 95% от исследованных кремневых артефактов, выявлено некоторое количество изделий, несущих на себе слабые следы обработки в виде нескольких мелких сколов подправляющей отжимной ретуши на

одной из граней или следы использования отщепов в качестве ножей, скобелей, скребков. Это выражается в характерной выкрошке рабочей поверхности.

Вся поверхность памятника, на которой производилась выемка грунта, обильно усеяна раковинами морских моллюсков. По наблюдениям примерно 85–90% из них составляют раковины устриц (*Ostrea sp.*), остальное – мидия (*Mytilus galloprovincialis*). Данный признак и обусловил историческое название крымских памятников этого вида как «культура раковинных куч Крыма» [78]; [80]. Такое название создало коллизию, отразившуюся в научно-популярной литературе, когда крымские энеолитические памятники этого типа сопоставляются с культурой «куч кухонных остатков» (*Kjokkenmødding*) Северной Европы [34, с. 79–81], что принципиально не соответствует действительности [84, с. 11].

Характерной особенностью памятника, коррелирующей с уже известными южнобережными, является отсутствие керамики, что однозначно определяет его как сезонную стоянку, основной задачей обитателей которой была заготовка морепродуктов во время благоприятного сезона [84, с. 12]. Между тем, на обследованной территории в сбоях есть наличие керамического материала, однако, относящегося к ранневизантийскому периоду и представленным мелкими фрагментами амфор. Связаны они с небольшим поселением, скорее, хутором второй половины VI в., который располагается на противоположном склоне балки Голландия Западная. Вероятно, площадь стоянки использовалась в хозяйственных нуждах этого поселения.

* * *

Таким образом, исходя из анализа имеющегося материала и сопоставляя его с результатами предшествовавших исследований, можно сделать следующие выводы.

1. Стоянка «Балка Голландия» на данный момент является самым северным из известных и единственным из оставшихся, и доступна для комплексного исследования.
2. Подтверждается утверждение А.А. Формозова о датировке таких памятников эпохой энеолита.

3. Материалы стоянки, в частности каменные топоры-молотки, вполне соотносятся с предположением А.А. Щепинского, что время функционирования подобных стоянок выходит в эпоху ранней бронзы: «*Не исключено, что при тщательном просмотре собранного материала, его критическом анализе и дополнительных сборах окажется, что часть “неолитических” стоянок Крыма в действительности является энеолитическими или даже времени ранней бронзы. Возможно, этим и объясняется то, что в Крыму, где известно не менее 150 «неолитических» поселений, нет ни одного неолитического погребения и, наоборот, при наличии более 200 подкурганных энеолитических погребений здесь нельзя назвать достоверных поселений этого времени. Это тем более странно, что среди памятников палеолита и мезолита Крыма, которых значительно меньше, известны и поселения, и погребения. То же отмечается и для эпохи бронзы, где соотношение погребений и поселений примерно равно. Вряд ли причина только в том, что неолитические погребения и энеолитические поселения еще не обнаружены археологами*» [83, с. 133].

ПОСЕЛЕНИЕ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА «НАХАЛОВКА»

Поселение расположено на заброшенном пахотном поле на первой приречной террасе левого берега р. Бельбек у подножия хребта Карши-Тау (рис. 7,1–2, 8,1). По южной границе поселения проходит грунтовая дорога, являющаяся продолжением переулка Речной, с севера поселение ограничено склонами приречной террасы. Западная и восточная границы определены по разбросу подъемного материала. В настоящее время поверхность территории памятника покрыта низкорастительностью и молодыми деревьями самосевного миндаля. Поле не распахивается в течение примерно десяти лет (рис. 8,2,3). По этой причине сбор подъемного материала серьезно затруднен.

Название поселения принято из фольклорной топонимики по наименованию прилегающего к нему с запада поселку, расположенному по ул. Речной и пер. Речному. Такое несходное с обычной практикой номерных наименований название было призвано облегчить идентификацию памятника, так как практический опыт показывает, что номерные названия осложняют идентификацию памятников по прошествии времени.

Датировка на данный момент возможна только предварительная по найденным фрагментам характерной для этого времени керамики и кремневых орудий. Особая ценность памятника представляется именно в его принадлежности к переходному периоду от позднебронзового этапа истории Юго-Западного Крыма к раннему железному веку.

Поселение входит в систему памятников доколонизационного периода Бельбекской долины. Однако среди уже описанных или просто упомянутых в работах исследователей XIX–XX вв. поселений Бельбекской долины данное поселение отсутствует, несмотря на значительную занимаемую площадь (почти 2,5 га).

Собранный на поселении подъемный материал незначителен по объему из-за указанной выше причины, однако, достаточно разнообразен. Основную массу находок составили фрагменты керамики.

Керамический материал. Наиболее ранним по времени является фрагмент лепного лощеного сосуда с роговидным налепом и окружающими его концентрическими низко-профильными валиками (рис. 9,1). Гальштатское влияние на культуры Северного Причерноморья – явление, давно исследуемое специалистами [6]; [17]. Элементы гальштатской культуры отмечаются от Подунавья на западе [3, с. 31–32], вплоть до Западного Кавказа, где встречаются на памятниках кобанской культуры [8, с. 184, рис. 10,2]. В Крыму также отмечается присутствие гальштатских элементов, в основном в качестве подражаний [10, с. 99, рис. 32,11]. Фрагмент из поселения «Нахаловка» наиболее близок к сосуду из Рошкан [3, с. 29, рис. 3,19, с. 31–32], который датируется не моложе VIII в. до н.э.

Другим датирующим материалом являются два фрагмента чернолощеных сосудов с линейным и волнистым гребенчатым орнаментом (рис. 9,2,3). Такие изделия хорошо известны по памятникам кизил-кобинской культуры Крыма и датируются около VI–V вв. до н.э. [9, с. 30, 139, рис. 39,10,15, с. 32, 140, рис. 40,22; 20, с. 76, 181, рис. 114,5, с. 93–94, 198, рис. 141; 27, с. 24, 97, табл. 17, 2, 4, 6, с. 26, 104, табл. 21,1, с. 28, 110, табл. 30,5].

Несмотря на обилие фрагментов керамики, в основной массе это мелкие невыразительные фрагменты с бежевой или землисто-коричневой поверхностью, часто имеющей следы лощения, и черно-серым рыхловатым тестом черепка (рис. 9,4,5).

Изделия из мелкокристаллического камня. Данная группа представлена только одним экземпляром – незаконченным каменным топором-молотком. Изделие имеет клиновидную форму, вся поверхность носит следы пикетажной обработки (рис. 9,6). На самой широкой трети туловища сверху и снизу заметны слабые линзовидные углубления – кернение под будущую сверловку. Примерно на четверти длины от обуха проходит слабо заглубленная опоясывающая канавка, также не законченная. Такая проточка является характерным признаком привязных топоров-молотов, существовавших со второй половины среднебронзового периода (рубеж III–II тысячелетий до н.э.) и в продолжение существования срубной культурно-исторической общности. То есть орудие сначала готовилось под сверление для насадки на рукоять. Позже (не известно насколько) была предпринята попытка оформить опоясывающую проточку для привязного крепления, что также не было завершено.

Каменные топоры-молоты в заметном количестве встречаются на поселениях финальной бронзы – раннего железа [21, с. 78, рис. 3.1.2, с. 79, 80, рис. 3.1.3, с. 81, рис. 3.1.4], однако, в подавляющем большинстве случаев это фрагменты изделий более ранних эпох, попавших во вторичное использование, либо просто подобранные в окрестностях и принесенные на поселение предметы. Например, к последним вариантам попадания в поздние культурные слои, можно отнести многочисленные находки каменных сверленых топоров-молотков при раскопках античных усадеб хоры Херсонеса. Вместе с тем, примитивность формы и качества обработки топора-молота из «Нахаловки» позволяет предположить, что его изготовление относится ко времени существования самого

поселения, тем более что известны аналоги из подобных памятников, как, например, незаконченный топор-молот близкой формы из Ашлама-дере [27, с. 87, табл. 7,9].

Изделия из кремня. Орудий на поселении найдено два. Одно из них – наконечник стрелы, а возможно и нож из кварцита с довольно грубой двусторонней обработкой (рис. 9,7). Имеет асимметричную форму, что и подсказывает его интерпретацию как ножа. Для периода финальной бронзы Крыма известен один морфологически близкий, но более тщательно выполненный наконечник из поселения Бурун-Эли [10, с. 45, с. 131, рис. 64,11]. В то же время изделие может быть случайно занесенным на поселение и относиться к значительно более раннему историческому периоду, например, кеми-обинской культуре, на памятниках которой морфологически близкие изделия имеют большее распространение [82, с. 20, рис. 3,14; 85, табл. 65,3].

Второе орудие – характерный для кизил-кобинских памятников кремневый вкладыш серпа треугольной формы (рис. 9,8). Изделия этого вида хорошо изучены, как правило, изготовлены на технически весьма высоком уровне и являются «эндемичными» именно для ранних этапов этой культуры [9, с. 115, рис. 15,24, с. 127, рис. 27,5–8; 10, с. 45, 132, рис. 65,22].

Кроме этого собраны три отщепа со следами использования в качестве резцов, отжимников и т.п. При этом только один сделан из местной коричневато-серой кремневой гальки с рыжеватой меловой коркой (рис. 9,9). Два других изготовлены из качественного черно-серого кремневого сырья (рис. 9,10,11), близкого по виду уже упомянутому «федюхинскому».

То обстоятельство, что практически вся территория поселения была в свое время отведена под распашку и активно обрабатывалась, самым негативным образом отразилось на качестве и количестве подъемного материала. Лепная керамика непрочная по структуре, разрушается до мелких неопределяемых фрагментов, а крупные каменные изделия «тонут» в земле, обрабатываемой плоскорезами. Тем не менее, именно распашка позволила в свое время выявить наличие на этом участке следов поселения.

* * *

На данном этапе исследования датировка памятника базируется в основном на керамическом материале, который определяет две хронологические границы. Фрагмент гальштатского сосуда дает *terminus ante quem* VIII в. до н.э., до которого уже существовало поселение, а чернолощеная керамика с гребенчатым орнаментом показывает *terminus post quem* VI–V вв. до н.э., раньше которого эта керамика не могла там появиться. Можно утверждать, что только дальнейшие исследования могут дать ответ на вопросы об этапах существования поселения и их четких хронологических рамках. Дальнейшее исследование памятника, относящегося, по-видимому, к переходному периоду от бронзы к железу, является весьма перспективным в свете открывающихся возможностей уточнения хронологии этапов доколонизационного периода истории Юго-Западного Крыма.

В заключение необходимо констатировать, что памятников, подобных описанным, из-за все более усиливающегося антропогенного воздействия, остались считанные единицы. Их комплексное изучение является насущной задачей историков и археологов, что будет весомым вкладом в сохранение культурно-исторического наследия.

Источники и литература.

1. Археология СССР. Энеолит СССР / отв. ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт. М.: Наука, 1982. 360 с.
2. Археология Украинской ССР / отв. ред. Д.Я. Телегин. К.: Наукова думка, 1985. Т. 1. Первобытная археология. 568 с.
3. Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (Х–V вв. до Р.Х.). Кишенев: Высшая антропологическая школа, 2005. 358 с.
4. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. Т. 5, 6 / пер. с фр. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
5. Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. 224 с.

6. Кашуба М.Т. О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье – современное состояние исследований // АВ. 2012. № 18. С. 232–252.
7. Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). К.: АртЕк, 1996. 337 с.
8. Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Тайс, 2013. 177 с.
9. Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века (Этнокультурные процессы). К.: Южногородские ведомости, 1996. 161 с.
10. Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма. К.: Стилос, 2003. 139 с.
11. Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский Дом, 2005. 316 с.
12. Кравченко Е.А. Карта пам'яток Гераклейського півострова та межирічча Бельбеку та Чорної рубежу VIII/VII – IV ст. до н.е. // Наукові записки НаУКМА. 2002. Т. 20. Спеціальний випуск. Ч. 1. С. 58–63.
13. Кравченко Е.А. Матеріали доби пізньої бронзи з поселення Уч-Баш // Археологія. 2004. № 4. С. 52–66.
14. Кравченко Э.А. Материалы эпохи раннего железа с поселения Уч-Баш в Юго-Западном Крыму // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы междунар. научн. конф. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2005. С. 299–305.
15. Кравченко Э.А. Материалы эпохи раннего железа с поселения Уч-Баш в Юго-Западном Крыму // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 485–496.
16. Кравченко Э.А. К вопросу об изменениях в материальной культуре населения Горного Крыма в пред斯基фское время // Revista archeologica. 2007. Vol. III. № 1-2. P. 282–294.
17. Кравченко Е.А. Матеріали ранньогальштатського часу поселення Уч-Баш // Археологія. 2009. № 1. С. 26–40.
18. Кравченко Э.А. Металлургический комплекс на поселении Уч-Баш // ССПК. 2009. Вып. XV. С. 71–76.
19. Кравченко Э.А. Поселение древних металлургов в Юго-Западном Крыму // Експериментальна археологія: завдання, методи, моделювання. К.: Видавництво Ліра-К, 2011. С. 119–133.
20. Кравченко Е.А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. К.: ІА НАН України, 2010. 276 с.
21. Кравченко Э.А., Горбаненко С.А., Горобец Л.В., Кройтор Р.В., Разумов С.Н., Сергеева М.С., Яниш Е.Ю. От бронзы к железу: хозяйство жителей Инкерманской долины (по материалам исследований поселений Уч-Баш и Сахарная Головка). К.: ІА НАН України, 2016. 318 с.
22. Крис Х.И. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 35–44.
23. Крис Х.И. Раннетаврское поселение в Инкермане // ИАДК. К.: Изд-во АН УССР, 1957. С. 47–53.
24. Крис Х.И. К вопросу о периодизации кизил-кобинской культуры // СА. 1961. № 4. С. 66–77.
25. Крис Х.И. Классификация таврских каменных ящиков // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 23–30.
26. Крис Х.И. О таврах и кизил-кобинской культуре // ВДИ. 1971. № 4. С. 156–169.
27. Крис Х.И. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. М.: Наука, 1981. Вып. Д 1-7. 128 с.
28. Кулаковский Ю.А. Отчет профессора Ю.А. Кулаковского об археологических исследованиях его в Крыму в 1896 г. // ОАК за 1896 г. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1898. С. 28–43.
29. Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. К.: Вид-во АН УРСР, 1962. 248 с.
30. Лесков А.М. О хронологии таврских каменных ящиков Горного Крыма // КСИА УССР. 1959. Вып. 8. С. 156–165.
31. Лесков А.М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. К.: Наукова думка, 1965. 198 с.
32. Лесков А.М. Кировское поселение // Древности восточного Крыма / отв. ред. А.М. Лесков. К.: Наукова думка, 1970. С. 7–59.
33. Лесков О.М., Кравченко Е.А. Грязь А могильника кизил-кобинської культури Уркуста I у Південно-Західному Криму // Археологія. 2007. № 4. С. 11–22.
34. Нидерле Л. Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археология Европы и въ частности славянскихъ земель. СПб: Издание Пантелеева, 1898. XXVII, 656 с.
35. Паллас П.С. Путешествие в Крым // ЗООИД. 1881. Т. XII. С. 102–153.
36. Печёнкин Н.М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. 1905. Т. 38. С. 158–161.
37. Печёнкин Н.М. Археологические разведки в местностях Страбонова старого Херсонеса // ИИАК. 1911. Т. 42. С. 108–126.
38. Репников Н.И. Каменные ящики Байдарской долины // ИИАК. 1909. Т. 30. С. 127–155.
39. Репников Н.И. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. // ИИАК. 1909. Т. 30. С. 99–126.
40. Репников Н.И. О так называемых «дольменах Крыма» // ИТУАК. 1910. Т. 44. С. 11–22.
41. Репников Н.И. Предполагаемые древности тавров // ИТОИАЭ. 1927. Т. I. С. 137–140.
42. Репников Н.И. О новейших раскопках крымских «дольменов» // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. С. 126–134.
43. Савеля О.Я. Разведки в окрестностях Севастополя // АО за 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 427.
44. Савеля О.Я. О керамике с резным орнаментом из Херсонеса // КСИА СССР. 1970. Вып. 124. С. 48–50.
45. Савеля О.Я. Раскопки и разведки в окрестностях Севастополя // АО за 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 401.
46. Савеля О.Я. Раскопки и разведки // АО за 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 381.
47. Савеля О.Я. Раскопки и разведки у Сапун-горы // АО за 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 398.

48. Савеля О.Я. О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном Крыму в VI–IV вв. до н.э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 166–176.
49. Савеля О.Я. Поселения кизил-кобинской культуры и мегалитические могильники на Гераклейском полуострове // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2042.
50. Савеля О.Я. Работы Севастопольской экспедиции // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2042.
51. Савеля О.Я. Работы Севастопольской экспедиции // АО за 1979 г. М.: Наука, 1980. С. 298.
52. Савеля О.Я. Работы Севастопольской экспедиции // АО за 1981 г. М.: Наука, 1982. С. 360.
53. Савеля О.Я. Раскопки и разведки у Сапун-горы. Научные статьи, газетные и журнальные статьи за 1979 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2042.
54. Савеля О.Я. Альбом иллюстраций к отчету Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции в 1985 г. (ГУ-14) // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2609.
55. Савеля О.Я. Работы Севастопольской экспедиции // АО за 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 408.
56. Савеля О.Я. Поселение кизил-кобинской культуры в устье Мартыновской балки в Инкермане (по материалам охранных археологических доследований на территории жилого массива ПО «Севморзавод им. С. Орджоникидзе» по ул. Погорелова в 1990 г.) // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2976/І.
57. Савеля О.Я. Эпизодические охранные исследования в г. Севастополе в 1992 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3123.
58. Савеля О.Я. Охранные доследования поселения кизил-кобинской культуры на 5 км Балаклавского шоссе в 1993 г. Археологическая разведка на Мекензиевых горах // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3187.
59. Савеля О.Я. Работы Севастопольской экспедиции // АИК 1993 г. Симферополь: Таврия, 1994. С. 235–238.
60. Савеля О.Я. Археологические материалы к истории Гераклейского полуострова доколонизационного периода // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 13–18.
61. Савеля О.Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 88–95.
62. Савеля О.Я., Май Е.А. Поселение «Чёрная речка» (ГУ-14) // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2697.
63. Савеля О.Я., Савеля Д.О. Курганы III–II вв. до н.э. в окрестностях Херсонеса Таврического // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов междунауч. конф. Севастополь, 1997. С. 106–108.
64. Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Исследования Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции в 1984 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2488.
65. Савеля О.Я., Тощев Г.Н. Могильник «Штурмовое» эпохи средней бронзы // ДСПК. 1992. Т. III. С. 122–128.
66. Семенов-Зусер С.А. Раскопки крымских дольменов // СГАИМК. 1931. № 7. С. 23–24.
67. Сенаторов С.Н. О керамике с гребенчатым орнаментом из Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг.: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 87–103.
68. Сенаторов С.Н. Поселение позднего этапа кизил-кобинской культуры Карапь-2 // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 8–16.
69. Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: типология и хронология.: Автoref. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 22 с.
70. Сенаторов С.Н. Кизил-кобинская керамика конца VI – первой половины IV вв. до н.э. из раскопок в Херсонесе // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 14–28.
71. Соловьёв Л.Н. Дневники разведок 1922–1927 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 633/1384-1386.
72. Соловьёв Л.Н. Поселения бронзовой эпохи в балке Сарандинаки // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1802.
73. Стржелецкий С.Ф. Дневник // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 690/Іб.
74. Стржелецкий С.Ф. Дневник и фотографии к отчету // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 690/Іа.
75. Стржелецкий С.Ф. Коллекционная опись // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 686.
76. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках раннетаврского поселения Уч-Баш. Севастополь, 1953 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 690/І.
77. Ступко М.В. Найдены каменных сверленых топоров-молотков в Севастопольском районе // ХСб. 2011. Вып. XVI. С. 193–207.
78. Телегин Д.Я., Зализняк Л.Л. Отчет об исследовании культуры раковинных куч первобытной эпохи на Южном берегу Крыма в 1973 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1693.
79. Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: ЗНУ, 2007. 304 с.
80. Формозов А.А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (Материалы к изучению неолита Юга СССР) // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1962. № 102. С. 89–123.
81. Щепинський А.О. Кемі-обінська культура // Археологія Української РСР. К.: Наукова думка, 1971. Т. 1. С. 258–263.
82. Щепинский А.А. Культуры энеолита и бронзы в Крыму // СА. 1966. № 2. С. 10–23.
83. Щепинский А.А. О неолите и энеолите Крыма // СА. 1968. № 1. С. 121–133.
84. Щепинский А.А. Энеолит Крыма. Автoref. дис. ... канд. ист. наук. К., 1975. 24 с.
85. Щепинский А.А. Памятники кеми-обинской культуры (Свод археологических источников), 1983. Запорожье: Изд-во ЗНУ, 2002. 340 с.
86. The Copper Age cemetery of Budakalász / eds. M. Bondár, P. Raczkay. Budapest: Pytheas, 2009. 484 s.

References.

1. Arkheologija SSSR. Eneolit SSSR / otv. red. V.M. Masson, N.Ia. Merpert. M.: Nauka, 1982. 360 s.
2. Arkheologija Ukrainskoj SSR / otv. red. D.Ia. Telegin. K.: Naukova dumka, 1985. T. 1. Pervobytnaja arkheologija. 568 s.
3. Bruiako I.V. Rannie kochevniki v Evrope (X–V vv. do R.Kh.). Kishenev: Vysshaia antropologicheskaja shkola, 2005. 358 s.
4. Diubua de Monpere F. Puteshestvie po Kavkazu, k cherkassam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniju i v Krym. T. 5, 6 / per. s fr. T.M. Fadeevoi. Simferopol': Biznes-Inform, 2009. 328 s.
5. Dergachev V.A. Moldaviia i sosednie territorii v epokhu bronzy. Kishinev: Shtiintsa, 1986. 224 s.
6. Kashuba M.T. O gal'shtatte i Gal'shtatte v Severnom Prichernomor'e – sovremennoe sostoianie issledovanii // AV. 2012. № 18. S. 232–252.
7. Klochko V.I. Ozbrojennja ta vijs'kova sprava davn'ogo naselennja Ukrai'ny (5000–900 rr. do R.H.). K.: ArtEk, 1996. 337 s.
8. Kozenkova V.I. Kobanskaia kul'tura i okruzhaiushchii mir (vzaimosviazi, problemy sud'by i sledov raznokul'turnykh infil'tratsii v mestnoi srede). M.: Taus, 2013. 177 s.
9. Kolotukhin V.A. Gornyi Krym v epokhu pozdnei bronzy – nachale zheleznogo veka (Etnokul'turnye protsessy). K.: Iuzhnogorodskie vedomosti, 1996. 161 s.
10. Kolotukhin V.A. Pozdnii bronzovyj vek Kryma. K.: Stilos, 2003. 139 s.
11. Korobkova G.F., Shaposhnikova O.G. Poselenie Mikhailovka – etalonnyi pamiatnik drevneiamnoi kul'tury (ekologija, zhilishcha, orudiia truda, sistemy zhizneobespechenija, proizvodstvennaia struktura). SPb.: Evropeiskii Dom, 2005. 316 s.
12. Kravchenko E.A. Karta pam'jatok Geraklejs'kogo pivostrova ta mezhyrichcha Bel'beku ta Chornoj' rubezhu VIII/VII – IV st. do n.e. // Naukovi zapysky NaUKMA. 2002. T. 20. Special'nyj vypusk. Ch. 1. S. 58–63.
13. Kravchenko E.A. Materialy doby pizn'oi' bronzy z poselemnja Uch-Bash // Arheologija. 2004. № 4. S. 52–66.
14. Kravchenko E.A. Materialy epokhi rannego zheleza s poseleñija Uch-Bash v Iugo-Zapadnom Krymu // Bosporskii fenomen: problema sootnosheniia pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov. Materialy mezdunar. nauchn. konf. SPb.: Gos. Ermitazh, 2005. S. 299–305.
15. Kravchenko E.A. Materialy epokhi rannego zheleza s poseleñija Uch-Bash v Iugo-Zapadnom Krymu // Sugdeiskii sbornik. 2005. Vyp. 2. S. 485–496.
16. Kravchenko E.A. K voprosu ob izmeneniiakh v material'noi kul'ture naseleniya Gornogo Kryma v predskifskoe vremia // Revista archeologica. 2007. Vol. III. № 1-2. R. 282–294.
17. Kravchenko E.A. Materialy rann'ogal'shtats'kogo chasu poselemnja Uch-Bash // Arheologija. 2009. № 1. S. 26–40.
18. Kravchenko E.A. Metallurgicheskii kompleks na poseleñii Uch-Bash // SSPK. 2009. Vyp. KhV. S. 71–76.
19. Kravchenko E.A. Poselenie drevnikh metallurgov v Iugo-Zapadnom Krymu // Ekspерimental'na arheologija: zavdannya, metody, modeljuvannja. K.: Vydavnyctvo Lira-K, 2011. S. 119–133.
20. Kravchenko E.A. Kyzyl-kobyns'ka kul'tura u Zahidnomu Krymu. K.: IA NAN Ukrai'ny, 2010. 276 s.
21. Kravchenko E.A., Gorbanenko S.A., Gorobets L.V., Kroitor R.V., Razumov S.N., Sergeeva M.S., Ianish E.Iu. Ot bronzy k zhelezu: khoziaistvo zhitelei Inkermanskoi doliny (po materialam issledovanii poselenii Uch-Bash i Sakharnaia Golovka). K.: IA NAN Ukrayny, 2016. 318 s.
22. Kris Kh.I. Raskopki rannetavrskogo poselenija v Inkermane // KSIIMK. 1955. Vyp. 58. S. 35–44.
23. Kris Kh.I. Rannetavrskoe poselenie v Inkermane // IADK. K.: Izd-vo AN USSR, 1957. S. 47–53.
24. Kris Kh.I. K voprosu o periodizatsii kizil-kobinskoi kul'tury // SA. 1961. № 4. S. 66–77.
25. Kris Kh.I. Klassifikatsija tavrskikh kamennykh iashchikov // KSIA. 1967. Vyp. 112. S. 23–30.
26. Kris Kh.I. O tavrakh i kizil-kobinskoi kul'ture // VDI. 1971. № 4. S. 156–169.
27. Kris Kh.I. Kizil-kobinskaia kul'tura i tavry // SAI. M.: Nauka, 1981. Vyp. D 1-7. 128 s.
28. Kulakovskii Iu.A. Otchet professora Iu.A. Kulakovskogo ob arkheologicheskikh issledovaniakh ego v Krymu v 1896 g. // OAK za 1896 g. SPb.: Tipografija Glavnogo upravlenija udelov, 1898. S. 28–43.
29. Lagodovs'ka O.F., Shaposhnikova O.G., Makarevich M.L. Mikhailivs'ke poselennia. K.: Vid-vo AN URSSR, 1962. 248 s.
30. Leskov A.M. O khronologii tavrskikh kamennykh iashchikov Gornogo Kryma // KSIA USSR. 1959. Vyp. 8. S. 156–165.
31. Leskov A.M. Gornyi Krym v I tysiacheletii do nashei ery. K.: Naukova dumka, 1965. 198 s.
32. Leskov A.M. Kirovskoe poselenie // Drevnosti vostochnogo Kryma / otv. red. A.M. Leskov. K.: Naukova dumka, 1970. S. 7–59.
33. Leskov O.M., Kravchenko E.A. Grjada A mogyl'nyka kyzyl-kobyns'koi' kul'tury Urkusta I u Pivdenno-Zahidnomu Krymu // Arheologija. 2007. № 4. S. 11–22.
34. Niderle L. Chelovechestvo v doistoricheskie vremena. Doistoricheskaja arkheologija Evropy i v chastnosti slavianskikh zemel'. SPb.: Izdanie Panteleeva, 1898. XXVII, 656 s.
35. Pallas P.S. Puteshestvie v Krym // ZOOID. 1881. T. KhII. S. 102–153.
36. Pechenkin N.M. Raskopki v okrestnostiakh g. Sevastopolia // ITUAK. 1905. T. 38. S. 158–161.
37. Pechenkin N.M. Arkheologicheskie razvedki v mestnostiakh Strabonova starogo Khersonesa // IIAK. 1911. T. 42. S. 108–126.
38. Repnikov N.I. Kamennye iashchiki Baidarskoi doliny // IIAK. 1909. T. 30. S. 127–155.

39. Repnikov N.I. Razvedki i raskopki na iuzhnom beregu Kryma i v Baidarskoi doline v 1907 g. // IIAK. 1909. T. 30. S. 99–126.
40. Repnikov N.I. O tak nazyvaemykh «dol'menakh Kryma» // ITUAK. 1910. T. 44. S. 11–22.
41. Repnikov N.I. Predpolagaemye drevnosti tavrov // ITOIAE. 1927. T. I. S. 137–140.
42. Repnikov N.I. O noveishikh raskopkakh krymskikh «dol'menov» // IGAIMK. 1935. Vyp. 117. Materialy Eski-Kermenskoi ekspeditsii 1931–1933 gg. S. 126–134.
43. Savelia O.Ia. Razvedki v okrestnostiakh Sevastopolia // AO za 1967 g. M.: Nauka, 1968. S. 427.
44. Savelia O.Ia. O keramike s reznym ornamentom iz Khersonesa // KSIA SSSR. 1970. Vyp. 124. S. 48–50.
45. Savelia O.Ia. Raskopki i razvedki v okrestnostiakh Sevastopolia // AO za 1973 g. M.: Nauka, 1974. S. 401.
46. Savelia O.Ia. Raskopki i razvedki // AO za 1975 g. M.: Nauka, 1976. S. 381.
47. Savelia O.Ia. Raskopki i razvedki u Sapun-gory // AO za 1978 g. M.: Nauka, 1979. S. 398.
48. Savelia O.Ia. O greko-varvarskikh vzaimootnosheniiakh v Iugo-Zapadnom Krymu v VI–IV vv. do n.e. // Problemy grecheskoi kolonizatsii Severnogo i Vostochnogo Prichernomor'ia. Tbilisi: Metsniereba, 1979. S. 166–176.
49. Savelia O.Ia. Poseleniya kizil-kobinskoi kul'tury i megaliticheskie mogil'niki na Gerakleiskom poluostrove // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 2042.
50. Savelia O.Ia. Raboty Sevastopol'skoi ekspeditsii // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 2042.
51. Savelia O.Ia. Raboty Sevastopol'skoi ekspeditsii // AO za 1979 g. M.: Nauka, 1980. S. 298.
52. Savelia O.Ia. Raboty Sevastopol'skoi ekspeditsii // AO za 1981 g. M.: Nauka, 1982. S. 360.
53. Savelia O.Ia. Raskopki i razvedki u Sapun-gory. Nauchnye stat'i, gazetnye i zhurnal'nye stat'i za 1979 g. // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 2042.
54. Savelia O.Ia. Al'bom illiustratsii k otchetu Sevastopol'skoi okhranno-novostroechochnoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1985 g. (GU-14) // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 2609.
55. Savelia O.Ia. Raboty Sevastopol'skoi ekspeditsii // AO za 1984 g. M.: Nauka, 1986. S. 408.
56. Savelia O.Ia. Poselenie kizil-kobinskoi kul'tury v ust'e Martynovskoi balki v Inkermane (po materialam okhrannyykh arkheologicheskikh dosledovanii na territorii zhilogo massiva PO «Sevmorzavod im. S. Ordzhonikidze» po ul. Pogorelova v 1990 g.) // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 2976/I.
57. Savelia O.Ia. Epizodicheskie okhrannyye issledovaniia v g. Sevastopole v 1992 g. // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 3123.
58. Savelia O.Ia. Okhrannye dosledovaniiia poseleniya kizil-kobinskoi kul'tury na 5 km Balaklavskogo shosse v 1993 g. Arkheologicheskaya razvedka na Mekenzievskikh gorakh // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 3187.
59. Savelia O.Ia. Raboty Sevastopol'skoi ekspeditsii // AIK 1993 g. Simferopol': Tavrilia, 1994. S. 235–238.
60. Savelia O.Ia. Arkheologicheskie materialy k istorii Gerakleiskogo poluostrova dokolonizatsionnogo perioda // KhSb. 1996. Vyp. VII. S. 13–18.
61. Savelia O.Ia. Nekotorye rezul'taty rabot Sevastopol'skoi arkheologicheskoi ekspeditsii v okrige Khersonesa v 1990–1995 gg. // KhSb. 1997. Vyp. VIII. S. 88–95.
62. Savelia O.Ia., Mai E.A. Poselenie «Chernaia rechka» (GU-14) // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 2697.
63. Savelia O.Ia., Savelia D.O. Kurgany III–II vv. do n.e. v okrestnostiakh Khersonesa Tavricheskogo // Khersones v antichnom mire. Istoriko-arkheologicheskii aspekt. Tezisy dokladov mezhd. nauch. konf. Sevastopol', 1997. S. 106–108.
64. Savelia O.Ia., Savelia D.Iu. Issledovaniia Sevastopol'skoi okhranno-novostroechochnoi ekspeditsii v 1984 g. // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 2488.
65. Savelia O.Ia., Toshchev G.N. Mogil'nik «Shturmovoe» epokhi srednei bronzy // DSPK. 1992. T. III. S. 122–128.
66. Semenov-Zuser S.A. Raskopki krymskikh dol'menov // SGAIMK. 1931. № 7. S. 23–24.
67. Senatorov S.N. O keramike s grebenchatym ornamentom iz Khersonesa // Problemy issledovaniia antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. 1888–1988 gg.: Tez. dokl. Sevastopol', 1988. S. 87–103.
68. Senatorov S.N. Poselenie pozdnego etapa kizil-kobinskoi kul'tury Karan'-2 // KhSb. 1998. Vyp. IKh. S. 8–16.
69. Senatorov S.N. Lepnaia keramika kizil-kobinskoi kul'tury: tipologija i khronologija.: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. SPb., 2002. 22 s.
70. Senatorov S.N. Kizil-kobinskaia keramika kontsa VI – pervoi poloviny IV vv. do n.e. iz raskopok v Kherosone // KhSb. 2003. Vyp. XII. S. 14–28.
71. Solov'ev L.N. Dnevniiki razvedok 1922–1927 gg. // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 633/1384–1386.
72. Solov'ev L.N. Poseleniya bronzovoi epokhi v balke Sarandinaki // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 1802.
73. Strzheletskii S.F. Dnevnik // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 690/ Ib.
74. Strzheletskii S.F. Dnevnik i fotografii k otchetu // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 690/Ia.
75. Strzheletskii S.F. Kollektionsnaja opis' // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 686.
76. Strzheletskii S.F. Otchet o raskopkakh rannetavskogo poseleniya Uch-Bash. Sevastopol', 1953 g. // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 690/I.
77. Stupko M.V. Nakhodki kamennykh sverlenykh toporov-molotkov v Sevastopol'skom raione // KhSb. 2011. Vyp. XVI. S. 193–207.
78. Telegin D.Ia., Zalizniak L.L. Otchet ob issledovanii kul'tury rakovinnyykh kuch pervobytnoi epokhi na Iuzhnom beregu Kryma v 1973 g. // NAO GMZ KhT. F. 1. Op. 1. D. 1693.
79. Toshchev G.N. Krym v epokhu bronzy. Zaporozh'e: ZNU, 2007. 304 s.
80. Formozov A.A. Neolit Kryma i Chernomorskogo poberezh'ia Kavkaza (Materialy k izucheniiu neolita Iuga SSSR) // Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. № 102. S. 89–123.
81. Shhepyns'kyj A.O. Kemi-obyns'ka kul'tura // Arheologija Ukrains'koi RSR. K.: Naukova dumka, 1971. T. 1. S. 258–263.

82. Shchepinskii A.A. Kul'tury eneolita i bronzy v Krymu // SA. 1966. № 2. S. 10–23.
83. Shchepinskii A.A. O neolite i eneolite Kryma // SA. 1968. № 1. S. 121–133.
84. Shchepinskii A.A. Eneolit Kryma. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. K., 1975. 24 s.
85. Shchepinskii A.A. Pamiatniki kemi-obinskoi kul'tury (Svod arkheologicheskikh istochnikov), 1983. Zaporozh'e: Izd-vo ZNU, 2002. 340 s.
86. The Copper Age cemetery of Budakalász / eds. M. Bondár, P. Raczkay. Budapest: Pytheas, 2009. 484 s.

Сокращения.

АВ –	Археологические вести.
АИК –	Археологические исследования в Крыму.
ВДИ –	Вестник древней истории.
ДСПК –	Древности Степного Причерноморья и Крыма.
ЗООИД –	Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАДК –	История и археология древнего Крыма.
ИГАИМК –	Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
ИТОИАЭ –	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК –	Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК –	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
НАО ГМЗ ХТ –	Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».
СА –	Советская археология.
САИ –	Свод археологических источников.
СГАИМК –	Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
ССПК –	Старожитності Степового Причорномор'я і Криму.
ХСб. –	Херсонесский сборник.

Abbreviations.

AV –	Arkheologicheskie vesti (Archaeological News).
AIK –	Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Archaeological researches in Crimea).
VDI –	Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History).
DSPK –	Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea).
ZOOID –	Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities).
IADK –	Istoriia i arkheologiia drevnego Kryma (History and Archaeology of the Ancient Crimea).
IGAIMK –	Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury (Proceedings of the National Academy of the History of Material Culture).
IIMK RAN –	Institut istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk (Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences).
ITOIAE –	Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography).
ITUAK –	Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission).
KSIA –	Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology).
KSIIMK –	Kratkie soobshcheniia o dokladakh i polevyykh issledovaniakh Instituta istorii material'noi kul'tury (Summary of the reports and field studies of the Institute of History of Material Culture).
NAO GMZ KhT –	Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeia-zapovednika «Khersones Tavricheskii» (Scientific and Archives Department of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»).
SA –	Sovetskaia arkheologija (Soviet Archeology).
SAI –	Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources).
SGAIMK –	Soobshcheniya Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the National Academy of the History of Material Culture).
SSPK –	Starozhytnosti Stepovogo Prychernomor'ja i Krymu (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea).
KhSb. –	Khersonesskii sbornik (Chersonesus Collection).

Ступко М. В. Новые памятники доколонизационного периода в окрестностях Севастополя / Ступко М. В. // Причерноморье. История, политика, культура. – Серия А : Античность и средневековье. – 2019. – № XXX(IX). – С. 35–57.

Stupko M. V. New archaeological location of the precolonization period in the Sevastopol area / Stupko M. V. // The Black Sea region. History, politics, culture. – Series A : Antiquity and the Middle Ages. – 2019. – № XXX(IX). – P. 35–57.

ОБ АВТОРЕ

Ступко
Михаил Валериевич

Научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника
«Херсонес Таврический»
E-mail: tombdefensor@mail.ru

STUPKO
Mikhail Valerievich

Researcher at the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»
E-mail: tombdefensor@mail.ru

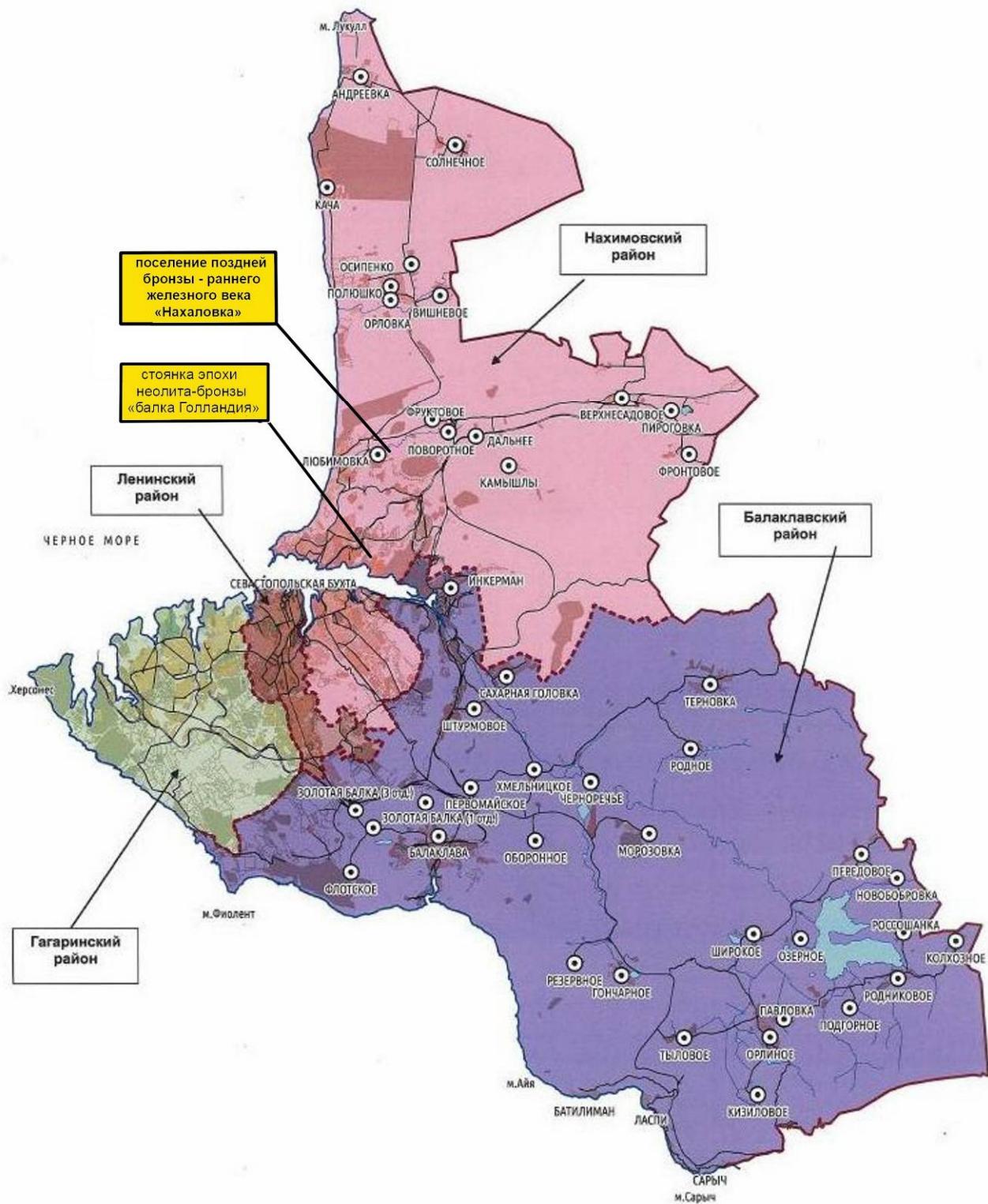

Рис. 1. Расположение выявленных поселений доколонизационного периода на административной карте Севастополя

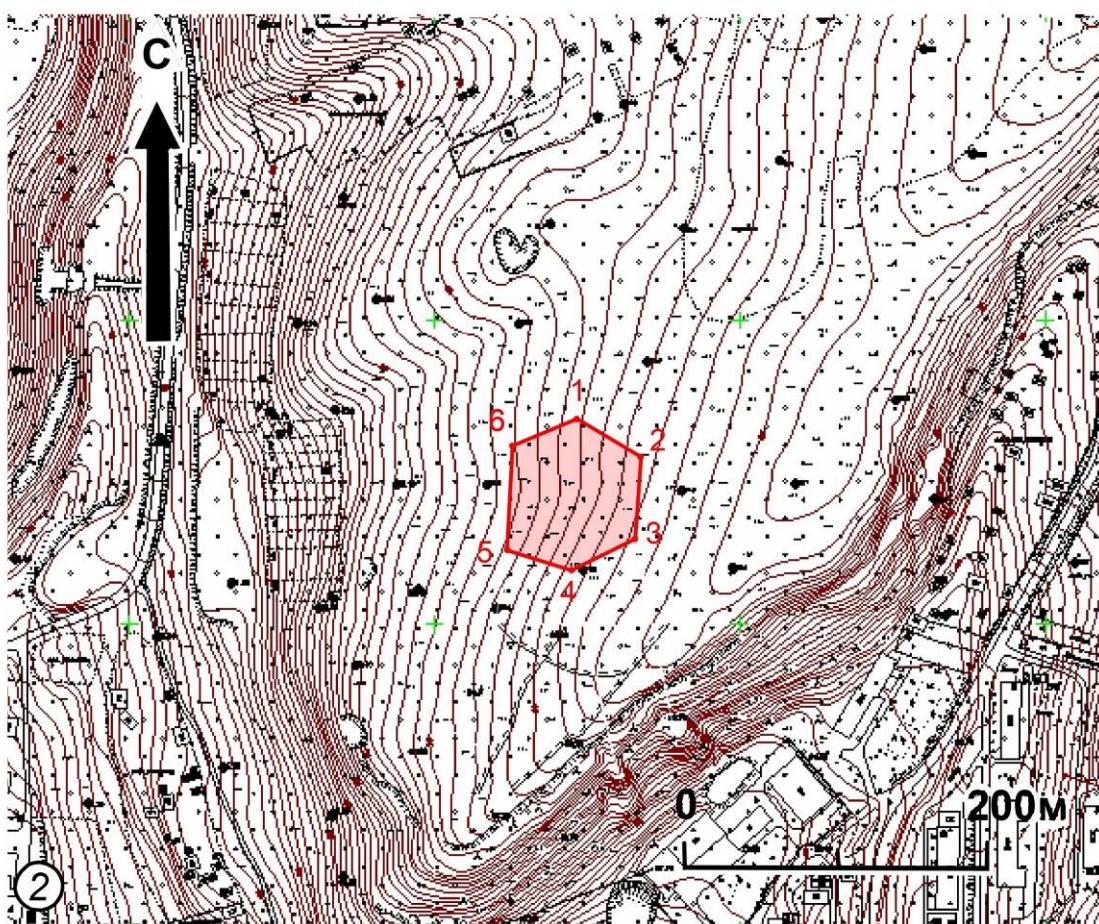

Рис. 2. Стоянка «Балка Голландия»: 1 – вид из космоса, 2 – топографический план

Рис. 3. Панорамы стоянки «Балка Голландия»:
1 – вид с запада, 2 – вид с юго-востока, 3 – вид с северо-востока

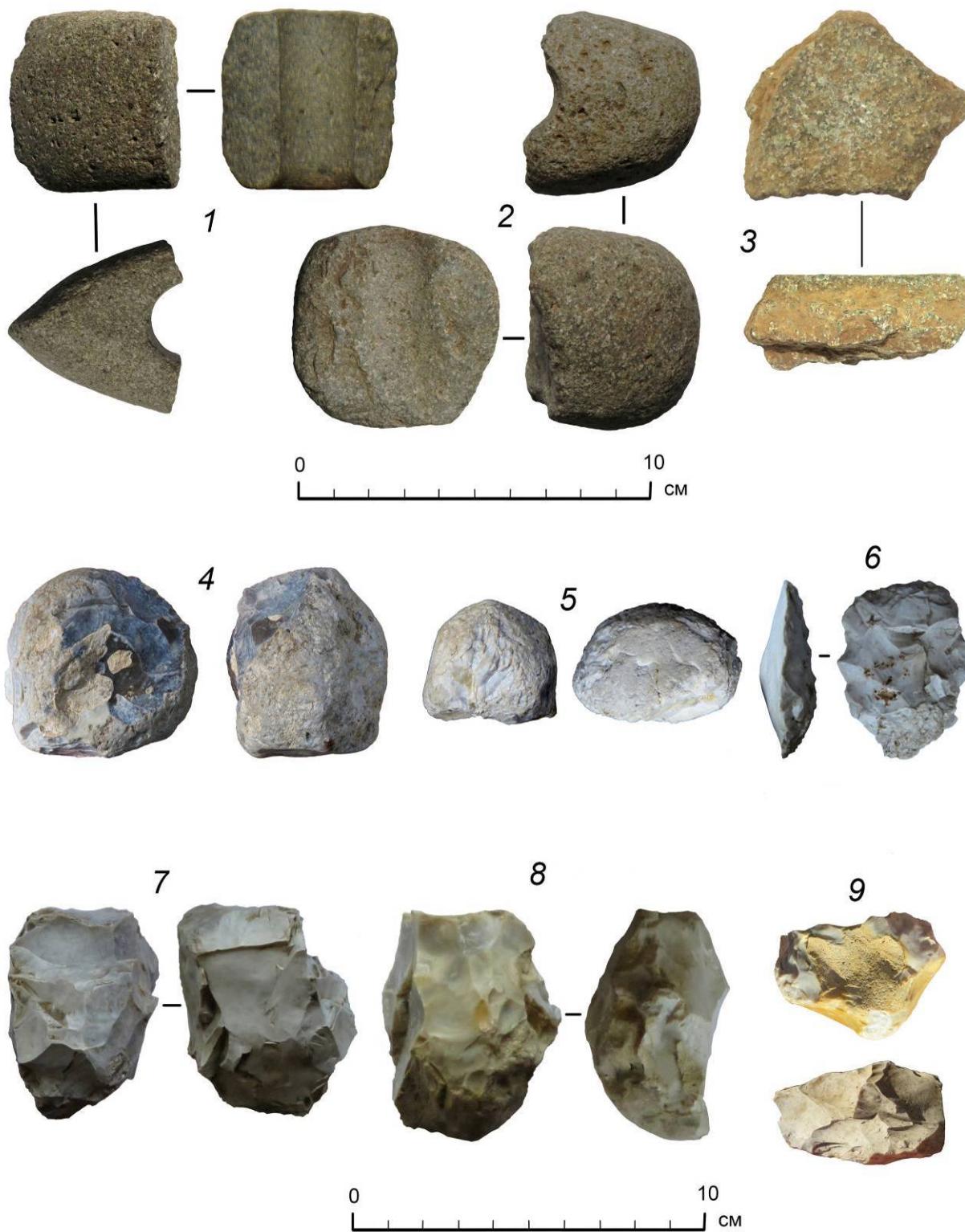

Рис. 4. Подъемный материал со стоянки «Балка Голландия»:
1–2 – каменные топоры-молотки; 3 – зернотерка, 4–6 – отбойники,
7–9 – ядрища неправильной формы

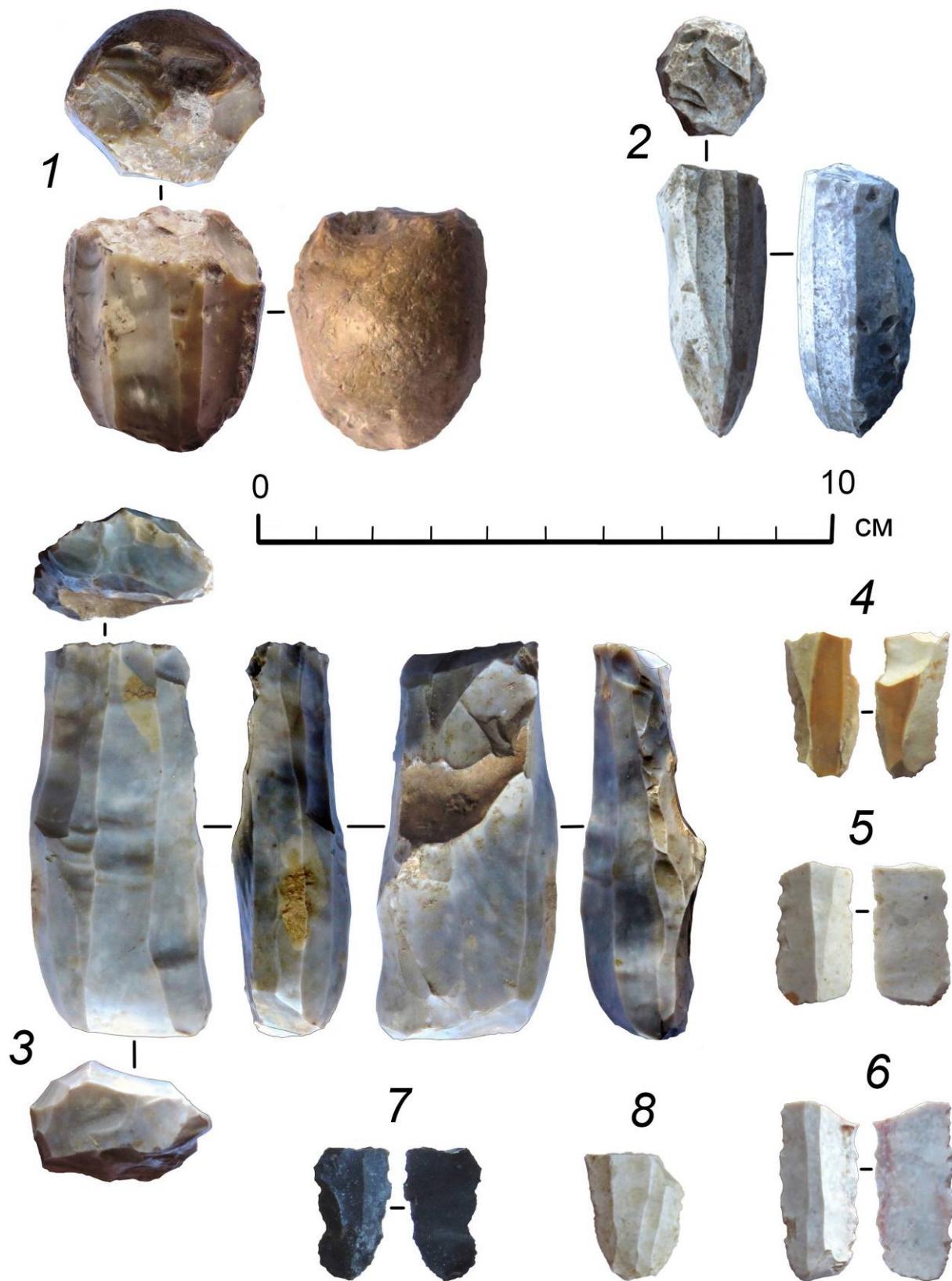

Рис. 5. Подъемный материал со стоянки «Балка Голландия»:
1–3 – нуклеусы с регулярными сколами, 4–8 – пластины-вкладыши

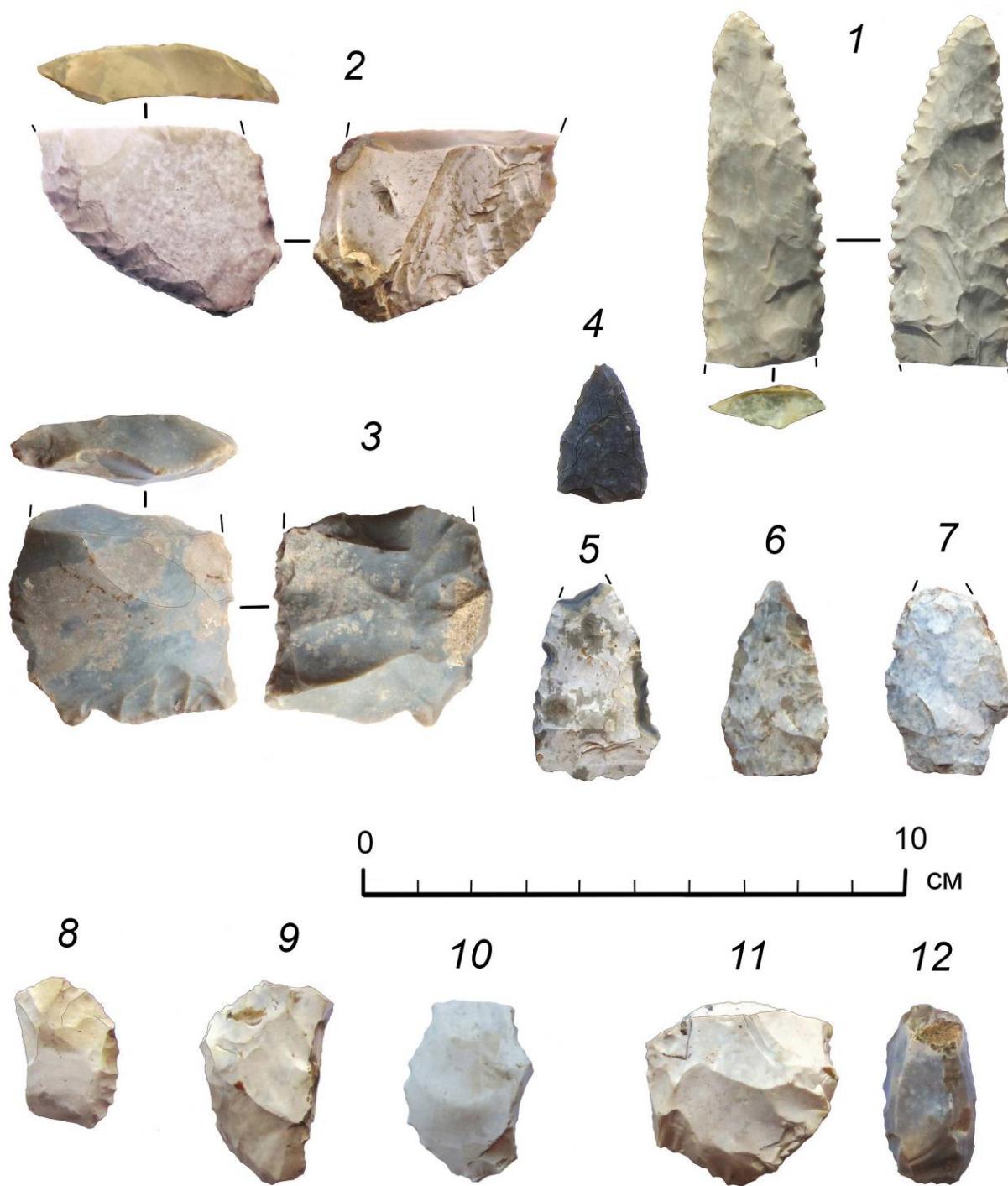

Рис. 6. Подъемный материал со стоянки «Балка Голландия»:
1–3 – ножи кремневые, 4–7 – наконечники стрел (дротиков), 8–12 – скребки

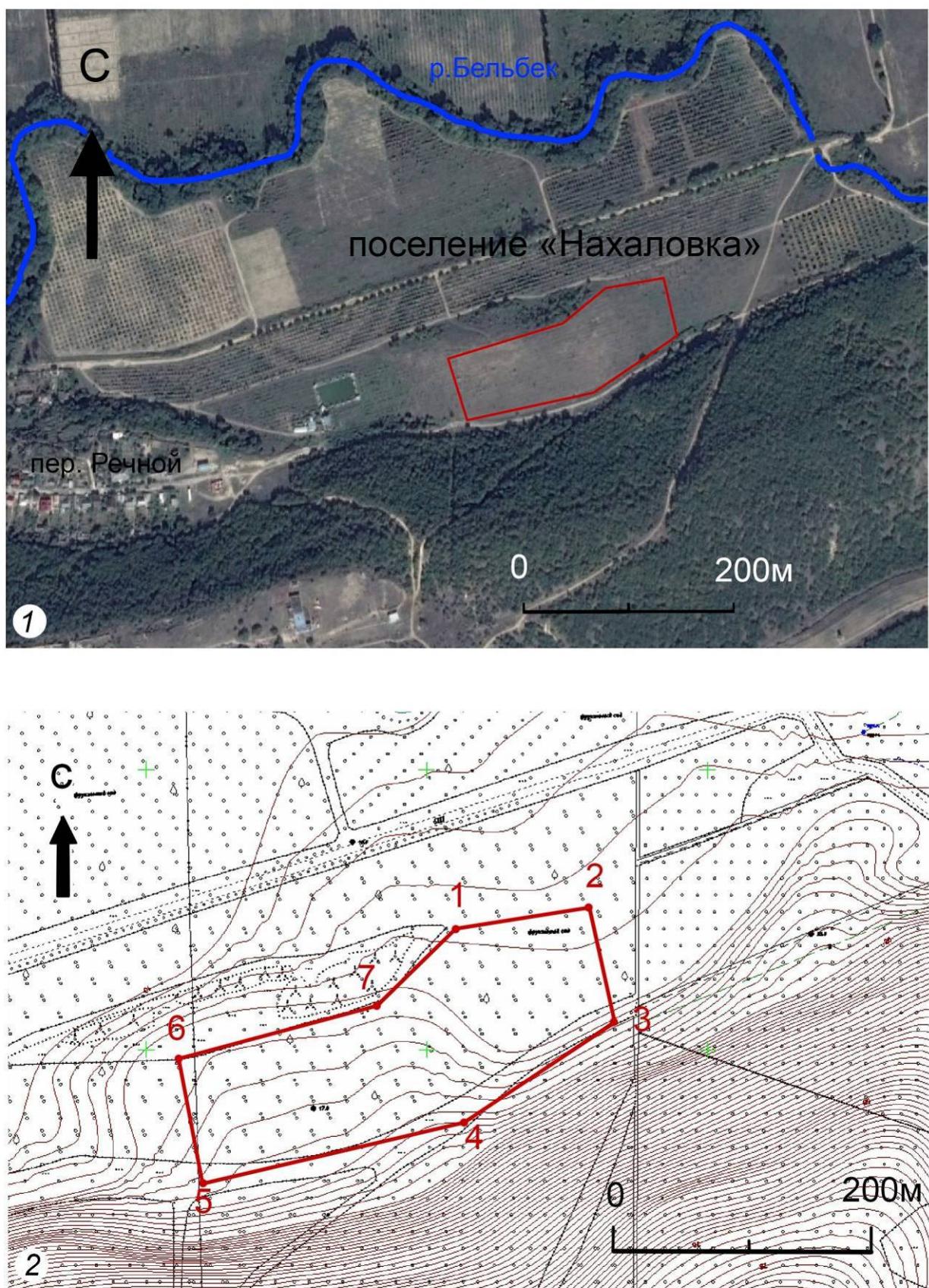

Рис. 7. Поселение «Нахаловка»:
1 – вид из космоса, 2 – топографический план

Рис. 8. Панорамы поселения «Нахаловка»:
1 – вид с противоположного (северного) борта Бельбекской долины,
2 – вид с востока, 3 – вид с запада

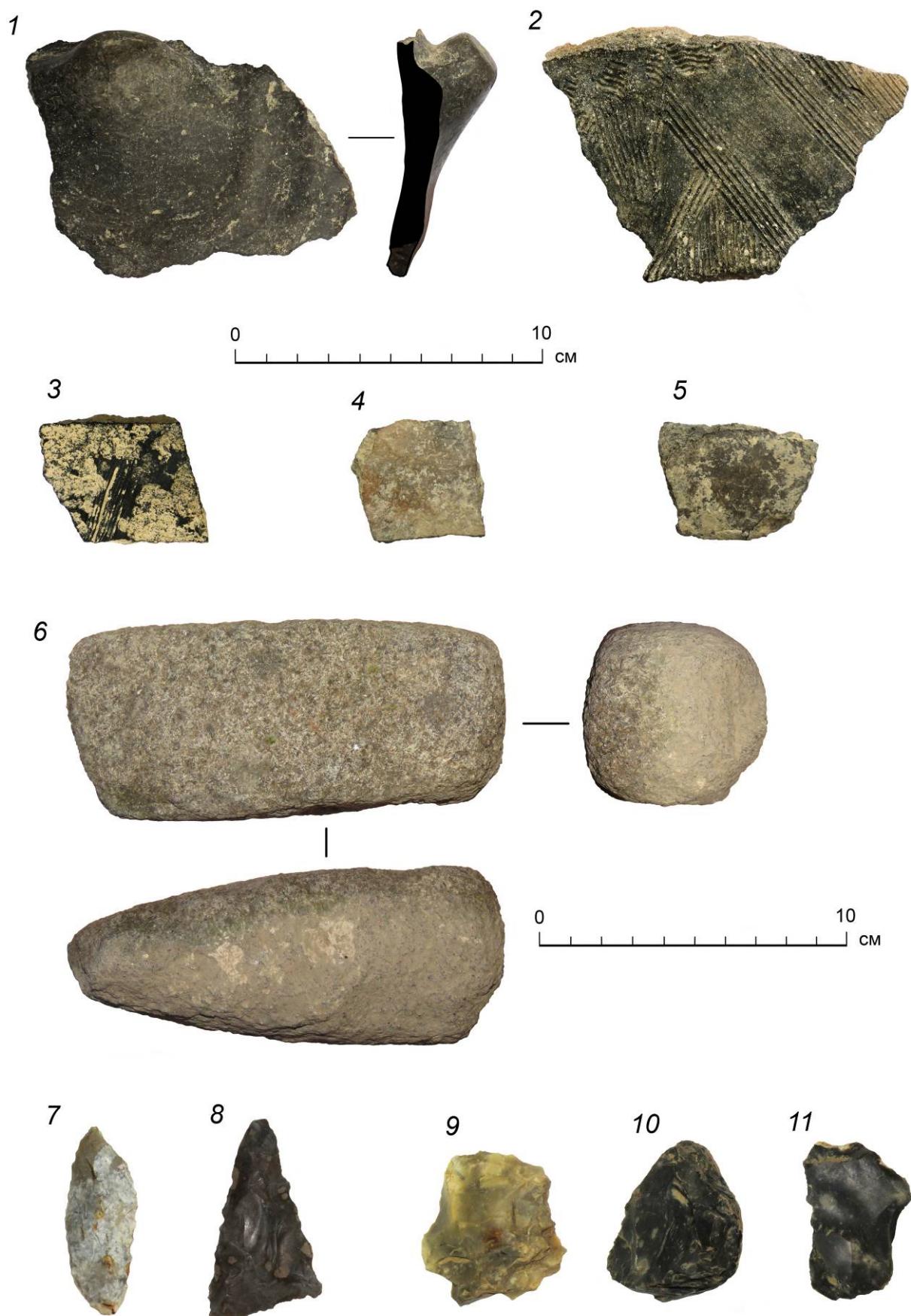

Рис. 9. Подъемный материал с поселения «Нахаловка»:
1–5 – фрагменты керамических сосудов,
6 – незаконченный каменный топор-молот, 7–11 – изделия из кремня

IV

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94"4/7"(093)

DOI 10.5281/zenodo.3491690

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ «СОЮЗНИЧЕСКИХ СИСТЕМ» ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (364–476 ГГ.) И ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (518–640 ГГ.)

МАТРОСОВ М.А.

**Севастопольский государственный университет,
Институт археологии Крыма РАН**

В статье изучены основные нарративные источники – исторические сочинения авторов IV–IX веков, помогающие исследовать вопросы складывания, кризиса и разрушения «союзнических систем» и объяснить основные политические изменения, сопровождавшие переход из Античности в Средневековье на Западе и Востоке Римской империи. Автор приходит к выводу, что решающую роль в трансформации государственности частей Римской империи в V–VII вв. сыграл кризис сложившейся системы отношений с внешним окружением, стремившейся обеспечить защиту границ империи силами других народов.

The article studies the main narrative sources - historical works of authors of the 4th – 9th centuries, which help to study the formation, crisis and destruction of the “Allied systems” and explain the main political changes that accompanied the transition from Antiquity to the Middle Ages in the West and East of the Roman Empire. The author comes to the conclusion that the crisis of the existing system of relations with the external environment, which sought to ensure the protection of the borders of the empire by forces of other peoples, played a decisive role in the transformation of the statehood of parts of the Roman Empire in the 5th – 7th centuries.

Ключевые слова: Поздняя античность, Западная Римская империя, Восточная Римская империя, германцы, арабы, позднеантичные трансформационные процессы, союзнические системы, исторические источники.

Key words: Late antiquity, Western Roman Empire, Eastern Roman Empire, Germans, Arabs, late antique transformation processes, allied systems, historical sources.

К настоящему времени выработано некоторое количество концепций, объясняющих различия в развитии частей Римской империи в позднеантичное время. Среди тех, кто внес вклад в становление этих концепций, много известных имен: Э. Гибbon [27], Дж. Бьюри

[25], Р. Ремондон [29], П. Браун [24], А.Х. Джонс [6], [28], М. Грант [4], А. Кэмерон [26], М.Я. Сюзюмов [19], З.В. Удальцова [20] и многие другие. Не говоря уже о простых рассуждениях и высказываниях на эту тему «по ходу изложения» в публикациях, не связанных прямо ни с распадом Римской империи, ни с поздней Античностью вообще. Наиболее распространен взгляд, что в разных частях Римской империи происходили одни и те же изменения, но из-за разных причин их протекание шло по-разному. Их список можно считать более или менее устоявшимся, хотя разные исследователи в зависимости от своих предпочтений и внешних обстоятельств могут варьировать смысловые акценты.

Но даже при такой изученности вопроса сохраняются некоторые «пробелы» в знании и понимании предмета. В частности, до сих пор обойден вниманием тот факт, что некоторым из решающих изменений в государственности Востока и Запада Римской империи предшествовал кризис в системе, которую империя веками создавала для защиты своих границ. Мы видим этот кризис на Западе, где практика наделения землями союзников-германцев и использования их в качестве военной силы во внутренних междуусобицах привела к обособлению обширных и важных регионов от Центра уже к середине V в. Мы видим это и на Востоке, где к началу VII века практика заключения союза с империей превратилась в формальность, позволяющая сделать территориальное приобретение или получить крупную сумму денег от Константинополя. Кризисы эти протекали в каждой части со своими особенностями, их последствия и результаты были столь же различными. Но в обоих случаях кризис этот имел один и тот же источник и идентичную сущность, и последствиями его были в обоих случаях определяющие историческую судьбу затронутых ими регионов изменения.

На Западе итогом кризиса такой системы можно считать ликвидацию института западного римского императора, после чего на бывшем римском Западе под чисто формальным главенством Константинополя стали развиваться совершенно независимые германские королевства. На Востоке кризис в отношениях с окружением привел к существенному сокращению территории Восточной Римской империи и радикальному внутреннему переустройству государственности. Восточная империя вынуждена была отказаться от опоры на союзников-иноземцев и обеспечивать защиту территории государства силами своего же боеспособного населения.

Благодаря сохранившимся источникам мы имеем возможность более-менее полно восстановить ход событий, оформивших кризисы «союзнических систем» в обеих частях Римской империи. Круг материала по истории «союзнических систем» очень обширен и многообразен, так как глубокая разработка этой темы требует обращения и к нарративным источникам, и к законодательным актам, и к археологическому материалу. В статье предполагается рассмотреть лишь ту часть источников, которая создавалась авторами, чтобы изложить ход событий в определенное время и определенном месте, т.е. прежде всего предметом нашего рассмотрения будут исторические сочинения.

Говоря о кризисе «союзнических систем» на Западе и Востоке Римской империи, нельзя не остановиться на источниках, освещающих ранние этапы истории этих систем и предпосылки рассматриваемых кризисов. Два эти предмета тесно связаны между собой, и поэтому прежде, чем приступить к обзору основного материала, упомянем о некоторых малоизвестных авторах, освещавших события времен античной Римской империи.

Сведения о ранней истории «союзнических систем» привел в труде «Исторические события» автор VI века Петр Магистр, чья активная деятельность пришла на время правления Юстиниана I. В истории Восточной Римской империи его личность заметна – дипломатическая деятельность его засвидетельствована рядом письменных источников. В 534 г. он вел переговоры с остготской королевой Амалазунтой, а в 552 г. возглавлял посольство по поводу «дела о трех главах» к папе Вигилию. Помимо этого, Петр был участником нескольких посольств в Иран [3, с. 281–282].

Византийская энциклопедия X в. «Свида» приписывает Петру два произведения: «Исторические события» и «О гражданском устройстве» [3, с. 285–286]. От первого до нашего времени дошли фрагменты, охватывающие время от 35 до 358 года.

Так, в отрывках № 5 и № 6¹ раскрываются некоторые подробности отношений Римской империи и германского окружения в правление Марка Аврелия. В числе германцев, чье наступление на дунайские границы империи описывается в отрывке № 5, автор называет народ «лангивардов» (лангобардов?) [3, с. 295]. В отрывке № 11 имеется свидетельство об относящемся к 270 г. договору Аврелиана с вандалами [3, с. 300]. Интересен отрывок № 7, показывающий, что причины будущего кризиса «союзнических систем» проявляли себя еще во времена единой империи. Речь идет о посольстве к императору Александру Северу от народа карпов, поводом для которого стала, по словам Петра, зависть, что «готы получали ежегодно от римлян дань» (цит. по: [3, с. 296–297]).

Другим ценным источником по ранней стадии «союзнических систем» являются произведения Дексиппа Афинянина (III в.). Для исследования данной темы важны, прежде всего, его труды «Хроника» и «О скифской войне» [3, с. 10–12]. В «Хронике», начинавшейся с древнейших времен, изложение событий доводилось до первого года правления Клавдия Готского (268–269 гг.); сочинение «О скифской войне» – рассказ о вторжениях варваров в Римскую империю в III в. Все эти труды дошли до нас во фрагментах.

Например, интересен отрывок № 23 [3, с. 43–53], где речь идет о посольстве готов-«юфунгов» к императору Аврелиану. Дексипп приводит две речи, с которыми стороны обращались друг к другу на переговорах. Из этих речей мы узнаем, что уже в 270 г. (или около того) готы получали субсидии от Римской империи. Причем, в речи вождя юфунгов звучит фраза «*Мы были спокойны до самого дня битвы и, вместе с вашей военной силой, отражали тех, которые производили на вас нападения*» (цит. по: [3, с. 46]), показывающая, что обязанность нести службу в пользу империи в договоренностях также присутствовала. Интерес представляет и сообщение этого отрывка о договоре Аврелиана с вандлами (вандалами?), согласно которому две тысячи избранных «из всего народа» конников перешли на службу Риму и были «причислены к союзникам» (цит. по: [3, с. 52]).

Сочинение «О скифской войне» представляет значительный интерес, во-первых, своим предметом – первыми крупномасштабными столкновениями Римской империи с варварской периферией. Во-вторых, важно, что оно создавалось очевидцем и активным участником событий.

Из других источников, отражающих ранние этапы складывания «союзнических систем», можно упомянуть сочинения ряда авторов III–IV вв.: «Историю императорской власти после Марка» Геродиана, «Римскую историю» Диона Кассия, сборник биографий императоров от Адриана до Диоклетиана (известный ныне под названием «Авторы истории Августов (SHA)» и др. Если говорить о работах более позднего происхождения, то в первую очередь следует упомянуть сочинение «О происхождении и деяниях гетов», созданное историками Иорданом и Исидором Севильским, на которых мы остановимся ниже.

Переходя к обзору основного материала, замечу, что характеристика некоторых источников может показаться неожиданной: особенно в случае Аммиана Марцеллина и Павла Диакона. Сочинение первого можно охарактеризовать как источник по истории кризиса западной «союзнической системы», так как описанные Марцеллином события 376–379 гг. являются прямой, хотя и сильно опосредованной, причиной передела Западной империи во второй половине V века. Вместе с тем, вторжение лангобардов в Италию, нередко понимаемое как последняя волна «переселения народов» в Западной Европе, – следствие действий восточноримской администрации. Соответственно этим и подобными соображениями определяется сфера применения тех или иных источников.

Труд «Деяния», принадлежащий перу историка IV в. Аммиана Марцеллина – один из наиболее ценных источников по событиям первой фазы Великого переселения народов [2]. Отношения Римской империи с внешним окружением описаны разносторонне: в нем рассказывается о войнах, которые римляне вели с германцами в Галлии, а с персами – на Ближнем Востоке. Для нас, однако, важно обстоятельное изложение отношений, складывавшихся в то время с готами: Марцеллин подробно описывает противостояние между империей и готами после подавления мятежа Прокопия, бегство части готов из-за Дуная в римские провинции

¹ Здесь и далее нумерация отрывков дана по изданию 1860 г. с переводом С. Дестуниса.

Мёзия и Фракия, последовавшее за этим расселением начало «готского кризиса» 376–379 гг. и его решающий момент – Адрианопольскую битву (9 августа 379 г.).

«Деяния» дают сведения о ранней стадии взаимодействия Римской империи с будущими родоначальниками Франкского королевства – войнах Юлиана II с салическими франками¹. Этот момент тоже важен, так как воспоминания о начале этих взаимодействий у самих франков были весьма смутными. Описывая историю пребывания цезаря Юлиана в Галлии, Марцеллин приводит подробности того, как представители центральной власти империи использовали свое влияние в варварской среде для собственных целей. В связи с этим очень показательно упоминание о перехваченных Юлианом (в Галлии?) письмах Констанция II к некоторым германским вождям, где последним предлагалось напасть на Галлию [2, с. 227].

Аммиан Марцеллин предстает в своем труде как представитель коренного населения империи, в IV в. еще воспринимавшего интегрирующихся в ее общество представителей других народов как чужаков и даже завоевателей. Варвары постоянно наделяются отрицательными качествами, хотя автор не скрывал и отрицательных явлений, характерных для внутренней жизни империи [2, с. 260–261]. В последующем отношение к варварам в римской среде станет менее однозначным.

Евнапий Сардийский, уроженец малоазиатского города Сарды (начало V в.) – автор нескольких литературных произведений, из которых для нас важно сочинение «История». Этот труд задумывался как продолжение исторического сочинения Дексиппа Афинянина; события в нем описываются с 270 года, на котором остановился предшественник, до 404 г. [3, с. 66].

«История» Евнапия дошла до нас фрагментарно. В издании сборника византийских историков 1860 г. опубликовано 89 отрывков, содержание которых относится к событиям от правления Аврелиана до начала V в. Фотий, характеризуя в «Мириобиблионе» труд Евнапия, пишет, что его текст был в основных чертах воспроизведен более поздним историком Зосимом; в сочинении последнего изложение было более кратким, и отсутствовали насмешливые выпады против Стилихона. В остальном же, как пишет Фотий, «Можно было бы сказать, что Зосим не написал историю сам, но что он только переписал ее у Евнапия» (цит. по: [7, с. 4]).

Содержание ряда сохранившихся отрывков дает сведения по римско-готским столкновениям IV в. и событиям «готского кризиса» на рубеже IV–V вв. При известном соотношении текста Евнапия с текстом Зосима, правда, не совсем ясны пределы возможного использования его в качестве самостоятельного источника.

«Новая история», написанная Зосимом около 498 г. [7, с. 9], является интересным источником по отношениям Римской империи с внешним окружением в конце IV – начале V века. Изложение исторических событий в этой работе идет с древнейших времен до осады Рима вестготами под главенством Алариха летом 410 г. [7, с. 10]. Особенno подробным является изложение событий конца IV – начала V века, поэтому данное сочинение – незаменимый источник по вопросам «готской политики» Феодосия I и событиям «готского кризиса» в Восточной Римской империи, разразившегося на рубеже IV–V вв.

Значение работы Зосима заключается также в возможности сопоставления ее сообщений с параллельными свидетельствами, известными от других авторов. Переоценивать эту возможность, правда, не стоит: создавая свой текст, Зосим временами некритично заимствовал информацию из своих источников – главным образом, Евнапия Сардийского (о чем говорилось выше) и Олимпиодора Фивянина. Например, в разных местах текста Зосим дает две противоположные оценки личности регента Западной Римской империи Стилихона, что объясняют заимствованием соответствующих мест у авторов, выражавших различное отношение к этому деятелю [21, с. 98].

С другой стороны, в тексте Зосима настолько отчетливо выражается негативное отношение к Константину I или Феодосию I, что надо полагать, в этих моментах Зосим либо выражал собственную точку зрения, либо отбирал для работы материал, созвучный его мыслям. Для предмета нашего исследования показательно, что авторское отношение к тем

¹ См.: [2, с. 75–76, 123–124].

или иным правителям основывается, в числе всего прочего, на их политике по отношению к варварам: так, политику, направленную на укрепление союзнических отношений с окружением, Зосим считает гибельной для империи [21, с. 97–98]. Отсюда и неодобрительные отзывы в адрес Константина I и Феодосия I. В то же время его восхищение вызывает прославившийся своими победами над варварскими народами Юлиан II – единственный из правителей, по мнению Зосима, проводивший мудрую политику [21, с. 98].

Источником сведений по «готскому кризису» на Востоке и миграциям готов на Западе в начале V века является «История» Олимпиодора Фивянина. Это сочинение в полном виде до нас не дошло: вся имеющаяся у нас информация содержится лишь в «Мириоблионе» Фотия. Кроме того, какая-то часть текста может быть предположительно восстановлена из содержания последних книг «Новой истории» Зосима [3, с. 180].

Олимпиодор, уроженец египетского города Фивы, – пример представителя тех кругов римского общества, которые считали возможным и желательным сближение римского и варварского миров. События, описанные в «Истории» Олимпиодора, относятся ко времени с 407 до 425 год. Для автора предмет интереса – Западная империя; к событиям в восточных провинциях он обращается редко. Это очень важно, так как сообщения Олимпиодора дают нам сведения о наиболее ответственном моменте кризиса «союзнической системы» Запада. В эти хронологические рамки укладываются вторжение вестготов в Италию и основание ими своего королевства в Аквитании, а также знаменитый, хотя и слабо изученный прорыв рейнской границы в 406 году, последствием которого стали вандальские завоевания в Африке.

Сохранивший краткое изложение содержания «Истории» Фотий, к счастью, выписал не только событийную его основу, но и передал нам основные мысли и идеи Олимпиодора, считавшего, что империя без помощи варваров *«не в состоянии победить варварство»* (цит. по: [21, с. 92]). Такая ориентация объясняется тем, что Олимпиодор, состоявший на дипломатической службе, имел непосредственное отношение к делам Западной Римской империи и был близок к окружению некоторых германских вождей того времени [21, с. 89].

Уникальным источником об эпохе кризиса «союзнической системы» Западной империи являются фрагменты сочинения Приска Паннийского. В первую очередь здесь следует выделить описание посольства от восточно-римского императора Феодосия II к гуннам, в котором Приск принимал непосредственное участие. Кроме того, считается, что некоторые части сочинения Приска были сохранены через заимствование авторами VI в.: Иорданом, Иоанном Малалой, Стефаном Византийским, Прокопием Кесарийским и др. [21, с. 106]. Известно, что в изначальном виде содержание «Византийской истории» Приска охватывало события с 411 по 472 г: изложение Приск начал с тех событий, на которых прежде остановился Зосим. Труд самого Приска был позже продолжен Малхом Филадельфийцем [21, с. 104].

Приск активно участвовал в дипломатических сношениях Восточной Римской империи с западными странами. В 448 году он принимал участие в посольстве к Аттиле (о чем рассказывает в сохранившихся записках); в начале 450-х гг. вел переговоры с франками, пытаясь, по-видимому, помешать заключению сепаратного соглашения между ними и Западной империей [21, с. 102]. Кроме того, Приск участвовал в работе нескольких посольств в восточной части империи: допускается, что при его участии проходили переговоры об условиях заключения мира между империей и Лазикой в 456 г. [21, с. 104].

Из сказанного видно, что даже фрагменты, сохранившиеся от работ Приска, представляют собой источник огромной ценности, так как автор был очевидцем многих описанных им событий и, к тому же, по ряду моментов истории 430–450-х гг., связанных с кризисом «союзнической системы» на Западе, свидетельства Приска уникальны. Например, параллельных современных событиям источников о жизни гуннов, личности их вождя Аттилы, подробностям Каталаунской битвы 451 года до нашего времени не дошло.

Продолжатель Приска, Малх Филадельфиец, создал сочинение «Византийские события» в 7 книгах. Фотий, сохранивший сведения о нем, пишет, что здесь были описаны события периода 474–480 гг., до момента смерти западно-римского экс-императора Юлия Непота [3, с. 218]. Правда, по утверждению «Свиды», изложение в сочинении Малха охватывало время от правления Константина I (306–337) до Анастасия I (491–518) [3, с. 221].

В целом автор ведет речь о времени правления Зенона в Восточной Римской империи, то есть сочинение является источником, главным образом, по истории римского Востока. Однако, несомненно и то, что сочинение Малха интересно и для исследования истории Запада, так как автор уделяет большое внимание отношениям, складывавшимся в это время с остготами. Особую ценность представляет отрывок № 12 [3, с. 241–242], в котором идет речь о посольствах, отправленных к Зенону из Италии от Одоакра и из Далмации от считавшегося законным на тот момент западно-римского императора Юлия Непота. Как известно, предметом первого посольства была передача императорских инсигний в Константинополь, так как Одоакр, от имени Ромула Августула (!), заявил об отказе Запада от собственного императора. Второе посольство преследовало цель добиться помощи от Константинополя в восстановлении на Западе власти законного императора Юлия Непота. Таким образом, знание данного отрывка необходимо для адекватной оценки событий 476–480 годов и последовавших за ними кардинальных изменений в политической картине позднеантичной Ойкумены. Впрочем, интересны и другие места этого сочинения: например, в отрывке № 2 автор сообщает об условиях договоренности императора Льва с готами в 473 году и о ходе переговоров [3, с. 229–231].

По истории «союзнической системы» Востока первой половины VI века главным источником являются сочинения Прокопия Кесарийского (500–565). Литературное наследие этого автора состоит из сочинений, описывающих войны, которые Юстиниан вел на разных направлениях, а также из трудов «О постройках» и «Тайная история». Для изучаемой темы ценность представляют все его работы, но особо следует выделить сочинения «Война с готами» [16] и «Война с вандалами» [17], а также трактат «О постройках».

В первых двух Прокопий подробно рассказывает о войнах Юстиниана с германскими королевствами Запада. При этом автор не ограничивает изложение самими событиями, а раскрывает и предысторию описываемых конфликтов, т.е. историю складывания отношений Восточной Римской империи с остготами и вандалами. События в этих сочинениях доходят до 552 года: война с остготами осталась описанной не до конца, по-видимому, в связи со смертью автора. О первом этапе Юстиниановых войн Прокопий пишет как очевидец, так как в это время он состоял при полководце Велизарии сначала секретарем, а во время Вандальской войны – советником по юридическим делам [21, с. 147]. Со слов самого Прокопия известно, что перед началом войны с вандалами он лично ездил в Сиракузы выяснить обстановку [21, с. 149]. В 536–540 гг. Прокопий вместе с Велизарием находился в Италии, а затем, вместе с ним же, отправился на Восток, для ведения действий против персов [21, с. 157].

В трактате «О постройках», созданном в 560 году, Прокопий описал масштабную строительную деятельность, которая велась по всей империи в правление Юстиниана I. Этот трактат ценен тем, что содержит описания самих построек и природы регионов, в которых они велись; по ходу изложения делаются уникальные исторические сообщения. Но для нашего вопроса особенно важна четвертая книга этого трактата, где Прокопий описывает военное строительство в Придунавье [21, с. 163].

Исследователи творчества Прокопия отмечают в его текстах интересную для нашего предмета двойственность. В трактате «О постройках» он сообщает, что приграничные укрепления должны были защищать империю от варварских вторжений, но в «Тайной истории» порицает те чрезмерные уступки, которые делались варварам: в частности, гуннам [21, с. 164].

Продолжатель работ Прокопия Агафий Миринейский родился около 536–537 г. в городе Мирины; умер около 582 г. Получив образование в Александрии Египетской, занимался адвокатской деятельностью и литературным творчеством в Константинополе. Историческое сочинение Агафия охватывает события периода 552–558 гг. и задумывалось изначально как продолжение работ Прокопия Кесарийского. Из указаний самого Агафия видно, что при создании труда предполагалось описать события до 577 г., однако эта работа не была доведена до конца [1, с. 177].

Описывая время правления Юстиниана I, Агафий затрагивает подробности отношений империи с варварским окружением. Предметом его внимания являются многочисленные войны, которые в описанный период империя вела как на Западе, так и на Востоке.

Причем, антиварварская внешняя политика Юстиниана – одна из основ положительного отношения Агафия к этому правителю. Войны на Западе автор сравнивает с войнами, которые греки вели за независимость от персов и считает их актом возвращения того, что принадлежит империи по праву [1, с. 190–191]. Из восточного направления внимание Агафия привлекали отношения с гуннами, аварами; несколько освещены подробности отношений со славянами [21, с. 208].

Однако, несмотря на восторженное отношение к войнам, которые вел с варварами Юстиинан, Агафий не испытывает к самим варварам отношения, какое было характерно для историков IV–V веков. Отмечается, что порой он даже склонен идеализировать варваров, что проявляется, например, в его описании обычая и образа жизни франков [1, с. 198]. В частности, Агафий отмечает, что у них, в отличие от Восточной империи, царят единство и внутренний мир [1, с. 198], [21, с. 229]. Но, характеризуя отношение этого автора к варварам, отмечают и то, что во многих вопросах Агафий был осведомлен мало и поэтому его описания требуют критичного отношения.

Сведения о Менандре Византийце (или Протекторе) восстанавливаются, главным образом, из указаний, оставленных самим Менандром, и из византийской энциклопедии «Свида» [3, с. 312]. Историческое сочинение Менандра охватывает время с 558 по 582 год; т.е. изложение начинается там, где обрывает описание истории Агафий Миринейский, а завершается смертью императора Тиберия II [3, с. 312].

Само это сочинение сохранилось фрагментарно, но сохранившиеся отрывки дают нам весьма интересные сведения о взаимоотношениях империи с аварами, гуннами, антами, турками и др.

Например, отрывки № 19 [3, с. 374] и № 20 [3, с. 374–382] содержат описание посольства из Восточной Римской империи к туркам. Здесь же Менандр рассказывает о культуре, быте, образе жизни этого народа: это описание по ценности сопоставляется с описанием гуннов, составленным Приском Панийским [21, с. 247]. В сочинении Менандра содержатся подробности о взаимоотношениях варваров-союзников друг с другом и о способах, которыми императоры VI века влияли на деятельность «союзнической системы»: так, в отрывке № 3 [3, с. 319–320] идет речь о том, как Юстиинан пытался спровоцировать конфликт между двумя группами гуннов – угригурами и катригурами, а в отрывках № 23 [3, с. 383–384] и № 24 [3, с. 384–385] – о взаимодействиях франков, аваров и лангобардов друг с другом. Для понимания состояния «союзнической системы» во второй половине VI века представляют интерес отрывки № 64–67 [3, с. 456–465], рассказывающие о разногласиях римлян и авар в 580–581 гг. относительно принадлежности крепости Сирмий на Дунае.

Несмотря на фрагментарность сохранившегося текста, можно делать некоторые выводы об отношении Менандра к варварам: в оценках он старается придерживаться золотой середины, избегая как резкости, так и идеализации. Впрочем, это не исключает отсутствия какого-либо мнения: к аварам он явно выказывает недоброжелательное отношение, славян оценивает более положительно, о многих народах упоминает мимоходом [21, с. 263].

Труд Феофана Византийца, «История» в десяти книгах охватывает события с 565 по 581 годы, т.е. автором были описаны события, относящиеся к правлению двух ближайших преемников Юстиниана I – Юстина II и Тиберию II. Известно, что существовали и другие сочинения этого автора, посвященные правлениям Юстиниана и Маврикия, однако до нашего времени их тексты не сохранились и точных сведений о них не имел даже Фотий в X веке [3, с. 490]. Как видно из сохранных Фотием деталей содержания этого сочинения, Феофаном Византийцем были описаны контакты Восточной империи с турками и аварами в правление Юстина II.

Феофилакт Симокатта создавал свою «Историю» незадолго до начала арабских вторжений; считается, что закончено оно было к 638 году [23, с. 13]. Это сочинение описывает события рубежа VI–VII вв. и оканчивается на перевороте Фоки в 602 г. и казни Маврикия [23, с. 11]. Впрочем, данный труд либо дошел до нас в незавершенном виде, либо не был завершен автором.

С особым вниманием Феофилакт относится к вопросам отношений империи с внешним окружением, и для нас важно подробное описание войн, которые Восточная Римская империя вела на рубеже VI–VII вв. на Балканах против авар и славян [23, с. 11]. В характеристиках «Истории» отмечается, что Симокатта больше, чем его предшественники, был склонен к некритичному отбору материала и риторике в изложении [21, с. 294], [23, с. 14]. Однако содержательно сочинение Симокатты крайне важно для исследования истории «союзнической системы» Востока, так как речь в нем идет об одном из ключевых периодов ее существования.

Отдельно следует сказать о произведениях, целью которых было не описание событий того или иного периода, а повествование об историческом пути народов, начиная со времени их происхождения. Известны произведения такого рода, раскрывающие историю остготов, вестготов, вандалов, свевов, лангобардов, франков.

Принадлежащее автору VI в. Иордану сочинение «О происхождении и деяниях гетов» или «*Getica*» (второе название, данное этому труду Т. Моммзеном) – ценнейший источник по истории готов и, в частности, остготов [9].

Время жизни Иордана неясно; впрочем, даже сама его личность до сих пор ни с кем известным не идентифицирована. Можно уверенно говорить о его неримском происхождении, но был ли он готов, как считает Е.Ч. Скржинская, или аланом, как полагает ряд других исследователей (в частности, Т. Моммзен), не ясно [9, с. 10]. Известно, что по своей фамильной традиции Иордан был нотарием [9, с. 13], а в определенный период жизни был то ли монахом [9, с. 16], то ли священником [9, с. 17]. Некоторые исследователи отождествляют его с епископом Кротона Иорданом, упомянутым в письмах папы Вигилия от 551 г. [9, с. 17].

От Иордана до нашего времени дошло 2 сочинения: упомянутая выше «Гетика» и «*Romana*» (авторское название – «Сокращение хроник»). Последнее посвящено истории Рима, но изложение, в отличие от «Гетики», где события обрываются на 540 г., доведено до последних лет существования в Италии королевства остготов [9, с. 27].

В «Гетике», основанной на недошедших до нас письменных источниках (в частности, истории готов, написанной Флавием Кассиодором), приводятся уникальные сведения о миграции готов к Причерноморью, выступлениях готских войск в союзе с римскими и др. Описания событий от подчинения Италии Теодерием до войны Юстиниана с остготами могут рассматриваться как источник, параллельный Прокопию Кесарийскому.

Об отношении Иордана к варварам говорить, ясное дело, не приходится, но сравнительный анализ его произведений свидетельствует о разнородности самой германской среды по своей ориентации. По словам Е.Ч. Скржинской, в силу идеологической направленности произведение Иордана (как и его предшественника Кассиодора) не свободно от фальсификаций [9, с. 32]. Но установка самого Иордана – скорее провизантийская, что обусловлено ситуацией 551 г., т.е. того времени, когда автор завершал написание своих трудов [9, с. 40].

Ценным источником по истории нескольких германских народов (и в первую очередь вестготов) является «История королей готов, вандалов и свевов» вестготского историка и энциклопедиста Исидора Севильского, жившего в VII веке. Родился он около 570 года, умер в 636 г., происходил из семьи знатного испано-римлянина и дочери вестготского короля [22, с. 197]. Он оставил после себя богатейшее литературное наследие, состоящее из исторических, естественно-научных, религиозных сочинений [22, с. 199]. Особую известность приобрела созданная Исидором энциклопедия в 20 книгах, «Этимологии», где содержатся сведения по самым разным направлениям античной и средневековой науки.

Историю вестготов Исидор описывает, начиная ее с ранних времен существования этого народа до своего времени. Происхождение готов он раскрывает иначе, нежели Иордан: после пролога следует небольшая ремарка о происхождении готов от Магога, сына Иафета. Затем делается замечание, что готов боялись такие полководцы, как Александр Македонский и Юлий Цезарь. Последовательно, по годам, ход событий начинает раскрываться с 256 г., с начала римско-готских войн [11, с. 203–204]. Оканчивается изложение событиями 620-х гг. Истории вандалов и свевов прослеживаются Исидором более кратко: и та, и другая начинается 406 годом, а заканчиваются обе моментами ликвидации коро-

левств вандалов (534 г.) и свевов (585 г.). Из сказанного видно, что сочинение Исидора – источник, в первую очередь, по «союзнической системе» Запада. Что касается истории восточной «союзнической системы», то в этой области сообщения Исидора лучше использоваться как параллельные тому или иному автору свидетельства.

Будучи и в жизни, и в творчестве сторонником сильной центральной власти в своем королевстве, Исидор многозначительно проводит летосчисление в своей «Истории». В части, посвященной вестготам, он синхронизирует даты событий с годами правления восточно-римских императоров, ни разу при этом не прибегая к синхронизации с правлением королей вестготских. В частях с историями вандалов и свевов он ограничивается простыми указаниями «В году таком-то...» [10; 12].

Несколько особняком в данной группе, по своей применимости для исследования вопроса, находится «История франков» Григория Турского. Выходец из знатной галло-римской семьи, Григорий Флоренций, получивший прозвище по названию города, где был епископом, родился в 538 г. в Клермоне [5, с. 327]. Кроме церковной деятельности, осуществлял и дипломатическую, ведя переговоры по королевским поручениям [5, с. 329].

«История франков» создавалась Григорием в первые годы 590-х гг. Сочинение включает в себя семь книг, повествующих об истории франков, начиная со времени сотворения мира (первая книга является ни чем иным, как авторским пересказом библейской истории). Оканчивается описание событий 591 годом; датой смерти Григория считается 593 или 594 год [5, с. 329].

Это сочинение – важный источник по истории Франкского королевства меровингского периода; в частности, о деятельности выдающегося представителя Меровингов – Хлодвига (481–511). В то же время здесь содержатся некоторые подробности об истории Галлии последнего периода существования Римской империи и становлению контактов между римлянами и франками. О событиях 364–476 годов рассказывается в части книг I и II, но в том, что касается времени ранее середины V века, речь идет, в основном, о вещах религиозного порядка: о мучениках, о гонениях на христиан у вандалов, о различных еретических направлениях. Политико-исторических подробностей становится больше после 451 года: дается характеристика личности и деятельности Аэция [5, с. 35–36], повествуется о войнах Одоакра и Хильдерика [5, с. 43], саксов и римлян [5, с. 43]. Что же касается периода после 518 г., то, обращаясь к сочинению Григория, следует иметь в виду, что активных отношений с Восточной Римской империей у франков в то время не было. Следовательно, в этом отношении мы можем найти у Григория не столько прямые сообщения о каких-либо фактах истории восточно-римской «союзнической системы», сколько сообщения о реакции отдаленного государства на известные факты.

Павел Диакон, наиболее поздний по времени жизни историк рассматриваемой группы, вел свою литературную деятельность уже в конце VIII века. По происхождению его характеризуют как «североитальянского аристократа германского происхождения» [18, с. 35]. Родился он в знатной лангобардской семье, представители которой, возможно, были в числе первых поселенцев в Италии [18, с. 36].

Его перу принадлежат два исторических произведения – «Римская история» и «История лангобардов».

«Римская история», созданная в 774 году, буквально перед уничтожением Лангобардии франками, охватывает события с момента провозглашения императором Валентиниана I (364 г.) до окончания войны Юстиниана с остготами (555 г.). Здесь достаточно подробно рассматривается кризис третьей четверти V века на римском Западе и складывавшиеся в то время взаимоотношения между различными народами и политическими силами: в этом отношении «Римская история» представляется вполне самостоятельным источником. Части текста, связанные с историей «союзнической системы» Востока, менее подробны и, по-видимому, использовать их лучше как источник параллельно тому, или иному основному автору: описанные в них остготское правление в Италии, деятельность франков, Юстиниановы войны прекрасно известны из произведений других историков более раннего времени.

«Историю лангобардов» Павел писал в то время, когда самого королевства уже не существовало. Известно, что этот труд был окончен незадолго до смерти автора, в 799 го-

ду. [18, с. 38]. История лангобардов здесь описывается со времени его продвижения в Италию в VI веке до 744 года. Большой интерес представляет фрагмент книги II, где речь идет о мотивах, подвигнувших лангобардов на вторжение в Италию. Павел пишет, что лангобарды были привлечены к союзу с империей Нарзесом, которому в это время нужна была помочь этого воинственного народа в борьбе с остготским королем Тотилой. После победного завершения войны с остготами, из-за интриг при дворе, Нарзес был отстранен Юстинианом от управления Италией. Он, по словам Павла, из Неаполя выслал к лангобардам послов с предложением перейти из Паннонии в Италию [14]. Насколько эти события соответствуют действительности, не известно, но во всяком случае мы знаем, что Павел – не автор, а лишь наиболее известный распространитель этого рассказа. Сам сюжет начинает фигурировать в источниках с первой половины VII в.

Источники, упомянутые выше, ведут речь, как правило, о «союзнических системах», сложившихся на территории Европы. Применительно к Восточной Римской империи VI–VII вв. это – источники по отношениям империи с гуннами, тюрками, славянами и др. Однако в событиях VI–VII вв. ключевую роль играло южное приграничные империи, основным населением которых были арабы. Источники по этому вопросу систематизированы в литературе сравнительно слабо. В отечественной историографии мы можем сослаться, например, на работу Н.В. Пигулевской «Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв.» [15].

В качестве источников по «союзнической системе» Н.В. Пигулевская называет ряд имен, уже упомянутых по ходу нашей работы: Аммиана Марцеллина, Прокопия Кесарийского, Менандра Протектора, Феофилакта Симокатту. В то же время в ее обзоре мы видим, что источники могут быть и специфичными, как например сборник житий, созданный в середине VI в. Кириллом Скифопольским [15, с. 6], сирийские хроники VI–VII вв. и арабские сочинения, написанные в более позднее время [15, с. 7–8].

Наконец, следует упомянуть о военных и законодательных источниках, которые специально в этой работе не рассматриваются, но имеют огромное значение для разработки темы «союзнических систем».

В статье «Римская империя и федераты в IV в.» [8] исследовательница И.Е. Ермолова обращает внимание на то, что различия понятий «союзники» и «федераты» в настоящее время не ясны: известные источники не дают достаточных оснований для различия «союзников» от «foederatis» [8]. Первый термин, означавший «союзников», был официальным еще в республиканское время и оставался таковым, по-видимому, и в позднеантемный период. Второй появляется в источниках, начиная с V века и нередко употребляется как синоним «союзника», а как специальный термин закрепляется лишь в VI веке. Например, в конституции Юстиниана от 530 г. федераты рассматриваются как часть регулярной армии [8].

Не представляет сомнений, что возможность претензии на территории внутри империи была связана с наличием «союзнического» или «федератского» статуса. Однако важно понимать и то, насколько различались эти статусы и какие особенности и политico-правовые последствия характерны для каждого из них. Можно ли, например, понимать федератский статус как особую разновидность союзнического? Какой конкретно статус был у германских вождей, перекраивавших Запад Римской империи? Отвечать на эти и другие вопросы необходимо, исходя из точного смысла терминов; а смысл можно понять, обращаясь лишь к точным и профессиональным описаниям, а не к нарративным источникам, где значение этих терминов может быть разным из-за субъективных причин.

Вышеперечисленными произведениями круг источников, которые можно привлечь к изучению истории «союзнических систем», далеко не исчерпывается. Существует ряд западноевропейских средневековых хроник, из которых, в частности, интересны те, где речь идет о происхождении германских народов и их догосударственной истории.

Из источников восточно-римского (византийского) происхождения нельзя оставить без упоминания «Хронографию» Феофана Исповедника (760–818), где содержится погодное изложение событий от начала правления Диоклетиана (284 г.) до времени жизни автора сочинения [13].

В конечном итоге, количество описанных источников достаточно, чтобы восстановить в связном виде историю кризиса и краха «союзнической систем» в обеих частях Рим-

ской империи. В завершение отмечу некоторые особенности работы с текстами источников по изучаемой нами теме.

Предмет «история союзнических систем» может представляться аналогом «истории Великого переселения народов» или «истории варваризации Римской империи», но эти предметы – отнюдь не тождественны. Если свидетельства о миграциях, вторжениях, конфликтах, назначениях на должности мы можем увидеть непосредственно в тексте, то сообщений о «союзнических системах» в явном виде мы не обнаружим. Авторы позднеантичного времени создавали свои труды, отражая понятия и идеи своего времени. То есть, помимо работы непосредственно с текстом источника, необходима и аналитическая работа – выработка соответствующей интерпретации изучаемого сообщения.

Кроме того, при работе с текстами в рамках истории «союзнических систем» важно помнить, что любое событие, в котором участвовали две стороны (заключение союза, военный конфликт и др.), является следствием взаимоотношений, сложившихся ранее (и не исключено, что – намного ранее). Учитывать этот момент крайне необходимо, а следовательно, нужно быть готовым к тому, что для раскрытия причинно-следственной цепочки, приведшей к тому или иному событию, может понадобиться обращение к другим источникам, возможно, за пределами круга тех, что рассмотрены в этой статье.

Источники и литература.

1. Агафий. О царствовании Юстиниана / пер. с греч. М.В. Левченко. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 224 с.
2. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. М.: АСТ; Ладомир, 2005. 631 с.
3. Византийские историки. Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандри, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / пер. с греч. С. Дестуниса. СПб.: Типография Леонида Демиса, 1860. XIV, 479 с.
4. Грант М. Крушение Римской империи / пер. с англ. Б. Бриксмана. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. 224 с.
5. Григорий Турский. История франков / изд. подг. В.Д. Савукова. М.: Наука, 1987. 464 с.
6. Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 576 с.
7. Зосим. Новая история / пер. Н.Н. Болгова. Белгород: Издательство Белгородского университета, 2010. 344 с.
8. Ермолова И.Е. Римская империя и федераты в IV в. [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4).. Режим доступа: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml
9. Иордан. О происхождении и деяниях готов (Getica) / пер. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2000. 512 с.
10. Исидор Севильский. История вандалов [Электронный ресурс] // Восточная литература. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/vand.phtml?id=582
11. Исидор Севильский. История готов, вандалов и свевов / пер. А.М. Поповой и В.М. Тюленева // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты): Сборник научных трудов памяти Клавдии Дмитриевны Авдеевой. Иваново: Ивановский государственный университет, 2000. С. 203–221.
12. Исидор Севильский. История свевов [Электронный ресурс] // Восточная литература. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/svev.phtml?id=583
13. Летопись византийца Феофана от Диоклитиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / пер. с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского. М.: Университетская типография (М. Катков), 1884. 370 с.
14. Павел Диакон. История лангобардов. Книга II [Электронный ресурс] // Восточная литература. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Diakon_P/frametext2.htm
15. Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.–Л.: Наука, 1964. 188 с.
16. Прокопий из Кесарии. Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 517 с.
17. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / пер. с греч. А.А. Чекалова. М.: Наука, 1993. 576 с.
18. Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху Каролингского возрождения. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. 352 с.
19. Сюзюмов М.Я. Историческая роль Византии и её место во всемирной истории // ВВ. 1969. № 29. С. 32–44.
20. Уdal'цова З.В. Генезис и типология феодализма // СВ. 1971. № 34. С. 13–38.
21. Уdal'цова З.В. Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным IV–VII вв.). М.: Наука, 1974. 351 с.
22. Уkolova B.I. Antichnoe nasledie i kultura rannego sredneviekovья (konets V – nachalo VII v.). M.: Nauchka, 1989. 320 c.
23. Феофилакт Симокатта. История / отв. ред. Н.В. Пигулевская. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 225 с.
24. Brown P. The World of Late Antiquity from Marcus Aurelius to Muhammad. London: Thames and Hudson, 1971. 216 p.

25. Bury J.B. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). London: Macmillan and Co, 1889. Vol. I. 484 p.
26. Cameron A. The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395–600. London–New-York: Taylor and Francis Group, 2001. 251 p.
27. Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. London: Strahan and Cadell, 1776–1788. Vol. 1–6.
28. Jones A.H.M. The Later Roman Empire. 284–602. Oxford: Basil Blackwell Oxford, 1964. Vol. I–III.
29. Remondon R. La Crise de L'Empire Romain de Marc-Aurèle à Anastase. Paris: Presses Universitaires de France, 1964. 363 p.

References.

1. Agafii. O tsarstvovanii Iustiniana / per. s grech. M.V. Levchenko. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1953. 224 s.
2. Ammian Martsellin. Rimskaya istoriya / per. s lat. Iu.A. Kulakovskogo, A.I. Sonni. M.: AST; Ladomir, 2005. 631 s.
3. Vizantiiskie istoriki. Deksiipp, Evnapii, Olimpiodor, Malkh, Petr Patritsii, Menandr, Kandid, Nonnos i Feofan Vizantiets / per. s grech. S. Destunisa. SPb.: Tipografia Leonida Demisa, 1860, XIV, 479 s.
4. Grant M. Krushenie Rimskoi imperii / per. s angl. B. Briksmana. M.: TERRA-Knizhnyi klub, 1998. 224 s.
5. Grigorii Turskii. Istoriiia frankov / izd. podg. V.D. Savukova. M.: Nauka, 1987. 464 s.
6. Dzhons A.Kh.M. Gibel' antichnogo mira. Rostov n/D.: Feniks, 1997. 576 s.
7. Zosim. Novaia istoriya / per. N.N. Bolgova. Belgorod: Izdatel'stvo Belgorodskogo universiteta, 2010. 344 s.
8. Ermolova I.E. Rimskaya imperiya i federaty v IV v. // Novyi istoricheskii vestnik. 2001. № 2 (4). [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml
9. Iordan. O proiskhozhenii i deaniakh gotov (Getica) / per. E.Ch. Skrzinskoi. SPb.: Aleteiia, 2000. 512 s.
10. Isidor Sevil'skii. Istoriiia vandalov [Elektronnyi resurs] // Vostochnaia literatura. Rezhim dostupa: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/vand.phtml?id=582
11. Isidor Sevil'skii. Istoriiia gotov, vandalov i svevov / per. A.M. Popovoi i V.M. Tiuleneva // Formy istoricheskogo soznaniiia ot pozdnei antichnosti do epokhi Vozrozhdeniiia (Issledovaniia i teksty): Sbornik nauchnykh trudov pamiatii Klavdii Dmitrievny Avdeevoi. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2000. S. 203–221.
12. Isidor Sevil'skii. Istoriiia svevov [Elektronnyi resurs] // Vostochnaia literatura. Rezhim dostupa: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/shev.phtml?id=583
13. Letopis' vizantiitsa Feofana ot Dioklitiana do tsarei Mikhaila i syna ego Feofilakta / per. s grech. V.I. Obolenskogo i F.A. Ternovskogo. M.: Universitetskaia tipografia (M. Katkov), 1884. 370 s.
14. Pavel Diakon. Istoriiia langobardov. Kniga II [Elektronnyi resurs] // Vostochnaia literatura. Rezhim dostupa: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Diakon_P/frametext2.htm
15. Pigulevskaia N.V. Araby u granits Vizantii i Irana v IV–VI vv. M.–L.: Nauka, 1964. 188 s.
16. Prokopii iz Kesarii. Voina s gotami / per. s grech. S.P. Kondrat'eva. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 517 s.
17. Prokopii Kesariiskii. Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaia istoriia / per. s grech. A.A. Chekalova. M.: Nauka, 1993. 576 s.
18. Sidorov A.I. Otyruk nastoiaishchego. Istoricheskaiia mysl' v epokhu Karolinskogo vozrozhdeniiia. SPb.: ITs «Gumanitarnaia Akademiiia», 2006. 352 s.
19. Siuzumov M.Ia. Istoricheskaiia rol' Vizantii i ee mesto vo vsemirnoi istorii // VV. 1969. № 29. S. 32–44.
20. Udal'tsova Z.V. Genezis i tipologiiia feodalizma // SV. 1971. № 34. S. 13–38.
21. Udal'tsova Z.V. Ideino-politicheskaiia bor'ba v rannei Vizantii (po dannym IV–VII vv.). M.: Nauka, 1974. 351 s.
22. Ukolova V.I. Antichnoe nasledie i kul'tura rannego srednevekov'ia (konets V – nachalo VII v.). M.: Nauka, 1989. 320 s.
23. Feofilakt Simokatta. Istoriiia / otv. red. N.V. Pigulevskaia. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 225 s.
24. Brown P. The World of Late Antiquity from Marcus Aurelius to Muhammad. London: Thames and Hudson, 1971. 216 p.
25. Vury J.V. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). London: Macmillan and Co, 1889. Vol. I. 484 p.
26. Cameron A. The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395–600. London–New-York: Taylor and Francis Group, 2001. 251 p.
27. Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. London: Strahan and Cadell, 1776–1788. Vol. 1–6.
28. Jones A.H.M. The Later Roman Empire. 284–602. Oxford: Basil Blackwell Oxford, 1964. Vol. I–III.
29. Remondon R. La Crise de L'Empire Romain de Marc-Aurèle à Anastase. Paris: Presses Universitaires de France, 1964. 363 p.

Сокращения.

ВВ – Византийский временник.
СВ – Средние века.

Abbreviations.

VV – Vizantiiskii vremennik (Vizantiyskiy vremennik).

SV – Srednie veka (Srednie veka (SREDNIE VEKA. Studies on Medieval and Early Modern History).

Матросов М. А. Источники по истории «союзнических систем» Западной Римской империи (364–476 гг.) и Восточной Римской империи (518–640 гг.) / Матросов М. А. // Причерноморье. История, политика, культура. – Серия А : Античность и средневековье. – 2019. – № XXX (IX). – С. 58–70.

Matrosov M. A. Sources on the history of the «allied systems» of the Western Roman Empire (364–476 AD) and the Eastern Roman Empire (518–640 AD) / Matrosov M. A. // The Black Sea region. History, politics, culture. – Series A : Antiquity and the Middle Ages. – 2019. – № XXX (IX). – P. 58–70.

ОБ АВТОРЕ

МАТРОСОВ

Михаил Александрович

Магистрант, Институт общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, стажер-исследователь Института археологии Крыма РАН.
E-mail: mikelonster@gmail.com

MATROSOV

Mikhail Alexandrovich

Graduate Student, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University. Research Intern at the Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences
E-mail: mikelonster@gmail.com

УДК 904(477.75-14)"653"

DOI 10.5281/zenodo.3491708

СВЯТИЛИЩЕ БАИР В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Неделькин Е.В., Ступко М.В.

**Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»**

В 2018 г. Инкерманской археологической экспедицией Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» были проведены археологические разведки на территории святилища Баир. Памятник занимает вершину горы Баир (162,0) близ Севастополя. В конце ХХ – начале ХХI вв. святилище подверглось активному разграблению. Оно располагалось в непосредственной близости от западной окраины раннесредневекового поселения, занимавшего западный склон г. Чирка-Каясы и восточный склон г. Баир, а также небольшую седловину между ними. Сделан вывод, что основная масса керамического материала датируется в пределах IV–VII вв. Однако нумизматические находки и металлические изделия имеют более узкую датировку с рубежа первой-второй трети IV века до конца третьей – начала четвертой четверти VI в.

In 2018, the Inkerman archaeological expedition of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese» conducted archaeological fieldwalking reconnaissance on the territory of the Bair sanctuary. The archaeological monument is located on the top of Mount Bair (162,0) not far from Sevastopol. In the late 20th – the beginning 21st centuries, the sanctuary was subjected to active looting. The sanctuary was located in close proximity to the western outskirts of the Early Medieval settlement, which was located on the western slope of Mount Chirka-Kayasy and the eastern slope of Mount Bair, as well as on a small saddleback between them. The main part of ceramic wares dates from the 4th–7th centuries. However, coins and metal objects have a narrower dating from the turn of the first-second third of the 4th century to the end of the third – the beginning of the fourth quarter of the 6th century.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Севастополь, гора Баир, средневековые, святилище, керамика, монеты.

Key words: South-Western Crimea, Sevastopol, Mount Bair, Medieval period, sanctuary, ceramic wares, coins.

Гора Баир (высота 162,0) расположена на правом берегу р. Сухой, которая в свою очередь является притоком р. Черной. Возвышенность имеет продолговатую форму с двумя вершинами, между которыми находится небольшая седловина. Южный и юго-западный склоны покрыты можжевеловым редколесием, северный и северо-восточный склоны поросли лиственным лесом. На вершине и северо-восточном склоне имеются обширные поляны, поросшие низкотравной растительностью, редкими кустарниками и можжевельником. Часть северо-восточного склона подверглась техногенному воздействию в результате строительства вспомогательных сооружений бывшей производственной площадки Балаклавского рудоуправления им. А.М. Горького у г. Гасфорта (рис. 1–5).

Впервые эта территория была обследована О.Я. Савелем в 1976 г. в связи с вхождением ее в зону горно-обогатительного комбината [21, л. 7].

В 1979–1985 гг. проводились археологические раскопки раннесредневекового поселения на западном склоне горы Чирка-Каясы. По результатам исследований О.Я. Савеля полагал, что памятник также занимал часть горы Баир, как и небольшую седловину между ними.

В 1979 г. на восточном склоне г. Баир, на месте, где в выбросе грунта из траншеи водовода, прорезающей территорию поселения, зафиксировано скопление золы, обломков сырца или печины, фрагментов керамики, заложен шурф. Строительных остатков в нем не обнаружено. Археологический материал представлен фрагментами черепицы, пифосов, амфор, горшков, обработанными камнями, кольцом (из бронзы или низкопробного серебра), костями крупного и мелкого рогатого скота [21, л. 37–40], [28, с. 333].

О.Я. Савеля в этом же году обследовал юго-западный склон г. Баир. В ареале $0,15 \times 0,10$ км собраны немногочисленные фрагменты красноглиняных амфор, фрагмент пифоса и два фрагмента лепных сосудов. Общая дата керамического материала II–IV вв. [21, л. 13].

Исследования на восточном склоне г. Баир продолжены в 1981 г. Юго-восточнее шурфа 1979 г. заложен раскоп размерами 10×10 м. В результате открыты остатки подпорной стены террасы и сгоревшей легкой турлучной постройки с глиняным полом на фундаменте из мелкого бутового камня. Выше по склону исследован участок подпорной стены, сложенной из крупного необработанного камня в технике трехслойной двухпанцирной кладки с забутовкой мелким камнем и глиной. Толщина стены 0,8–1,0 м, сохранилась на высоту 0,5–0,6 м. Археологический материал представлен фрагментами черепиц, пифосов, амфор, кувшинов, в основной массе датируемых V–VII веками. В то же время выделяется незначительное количество амфор VIII–IX вв. Также обнаружены фрагменты лепных сосудов, изделий из стекла, железные кованые гвозди, ножи, подкова, обломки криц, кости домашних животных [21, л. 6–12], [29, с. 316].

Подъемный материал с северного и восточного склонов возвышенности представлен фрагментами амфор IV–VII вв., половиной жернова (диаметр – 37 см, толщина – 8,4 см, диаметр отверстия – 4 см). В районе строительства опоры ЛЭП (северная) обнаружен обломок каменного орудия со сверленым отверстием в центре, изготовленный из габбро-диорита. При сооружении южной опоры ЛЭП найдены фрагменты пифосов и амфор IV–VII вв. [22, л. 9–10].

В 1987 г. в восточном секторе верхней трети северного склона г. Баир было начато строительство вспомогательных сооружений горно-обогатительного комбината. При закладке котлована на глубине около 1,5 м от поверхности затронут культурный слой и разрушено помещение с находившимися в нем пифосами. Удалось исследовать незначительные фрагменты восточной стены постройки. Стена сложена из бутового мраморовидного известняка в технике трехслойной двухпанцирной кладки на грязевом растворе с забутовкой суглинком и мелким камнем. Толщина стены 0,7 м, сохранилась на высоту 0,2–0,3 м. В отвале собраны фрагменты пифосов и амфор, датирующиеся в пределах VIII–IX вв.

По дну котлована на площади до 60 кв. м уничтожены остатки построек на бутовых основаниях. Контуры и планировку сооружений проследить зачисткой не удалось [23, л. 33–35].

Таким образом, в ходе археологических раскопок на территории г. Баир святилище не было затронуто. Относительно археологических разведок на площади, которая впоследствии будет определена как территория святилища, О.Я. Савеля оставил следующую запись в отчете за 1987 год: «разведки на вершине и северном склоне выс. 162,0, проводились неоднократно, каких-либо определенных результатов не дали, в связи с чем проведение раскопок здесь не планировалось» [23, л. 33].

Фактически святилище было обнаружено в 1999 г., в эпоху широкого применения металлодетекторов с целью поиска предметов старины. В конце XX – начале XXI вв. вершина, восточный и верхняя часть западного склона г. Баир подверглись активному разграблению. В этот же период были уничтожены святилища на восточной высоте группы Федюхиных высот, на г. Ирита-Кая, на Караньских скалах массива Кая-Баш, на выс. 306,6 в урочище Чатыр-Тау в юго-восточной части возвышенности Кара-Тау и ряд других.

В результате разграбления святилища на г. Баир найдены монеты, исчисляемые сотнями экземпляров. Из разных источников известны характеристики 38 единиц, которые ограничены выпусками IV–VI вв. монетных дворов Херсонеса и Империи, номиналами от $\text{Æ}2$ до $\text{Æ}4$. Несмотря на низкий уровень статистической репрезентативности, вся группа

практически неразрывна в хронологической последовательности, от самых ранних монет, относящихся к правлению Константина I (312–337) до Херсонесских выпусков Юстина II. Монеты IV в. представлены выпусками Константина I (312–337) – 1 экз., датируемый в пределах 326–330 годов, Констанция II (337–361) – 4 экз., Константа (337–350) – 1 экз., Константина II (337–340) – 1 экз., Валента (364–378) – 1 экз., Гонория (395–423) – 1 экз., Аркадия (395–408) – 4 экз., а также 1 экз. №2 и 6 экз. №4 плохой сохранности, позволяющей установить только тип (рис. 7,1–12). Далее следуют выпуски: Феодосия II (402–450) – 2 экз., Льва I (457–474) – 7 экз., Зенона (474–491) – 1 экз. (рис. 7,13–22). Ранневизантийский период отмечен монетами Анастасия (491–518) – 1 экз., Юстина I (518–527) – 3 экз., Юстиниана I (527–565) – 3 экз., Юстина II (565–578) – 2 экз. (рис. 8,23–31).

Уровень износа от нахождения в обращении различается. Встречаются как экземпляры в хорошем состоянии, попавшие в приношение вскоре после выхода в обращение, так и в той или иной степени стертые, попавшие в землю через несколько десятилетий, как, например, монеты кладов из поселения «Капониры» [14, с. 31–32], [35, с. 65–79] и ряда других поселений [13, с. 108–138].

Косвенным подтверждением обрядового характера закладки монет на данном памятнике может служить наличие нескольких сломанных экземпляров (рис. 7,2,19–21). Причем у экземпляра монеты Льва I (рис. 7,19) сохранились оба фрагмента. Первоначальное предположение о том, что в данном случае присутствует брак монетной заготовки, после обстоятельного изучения поверхностей слома, покрытых однородной патиной и грунтовым налетом, абсолютно идентичным покрывающему всю поверхность монеты, было изменено в пользу мнения об умышленном сломе монеты. Версию умышленной порчи предметов, используемых в ритуальных целях, подтверждают и фрагменты бронзовых браслетов, характер излома на концах которых также говорит об этом. Традиция умышленной порчи вещей, отправляемых в иной мир, как в качестве погребального инвентаря (например, в погребениях пшеворской и салтово-маяцкой культур), так и в виде ритуальных приношений, хорошо известна в самых различных археологических культурах и на значительном временном промежутке [18, с. 60, 89–90], [25, с. 62–71].

В целом хронологический отрезок осуществления монетных приношений на святилище Баир относится к периоду активизации монетного обращения, когда в обороте и на руках у населения Херсонеса и округи находилась значительная денежная масса, в основном медной разменной монеты различных номиналов.

Такое важное качество монеты, как компактность при относительно высокой стоимости, сделало ее довольно универсальным средством, применяемым не только при товарно-денежных операциях, но и как ценные дары при совершении культовых отправлений, например, в качестве «обола Харона» в погребениях античного периода, культовых приношениях на раннехристианских погребениях херсонесского некрополя [34, с. 204–225]. В этот же период монеты начинают массово поступать в качестве приношений на местные капища округи Херсонеса. Однако монетные приношения на святилища известны еще в эллинистический период, как например, в святилище на Караньских высотах под Севастополем, исследования которого проводились в начале XX в. А.Л. Бертье-Делагардом и Д.О. Шпаком, и в 2014–2015 гг. В.В. Дорошко [5, с. 250–251], [9, с. 248–249], [10, с. 147–152], а также святилище Гурзуфское Седло [20].

В комплексные приношения святилища попадали не только монеты, но и инвентарь. Одно из таких состояло из железного рыболовного крючка (рис. 6,8а), кусочка свинца с выбитым крестообразным знаком (рис. 6,8б) и пентануммия Юстина I (518–527 гг.) чеканки Херсона (рис. 6,8с).

Помимо монет найдены металлические изделия, представленные в основном элементами этнографического костюма и украшениями. К ним относится фибула лучковая подвязная двуручная с расширенной ножкой (серия III по А.К. Амброзу) (рис. 6,1), длиной 65 мм с относительно массивным стержнем. Этот тип фибул датируется в пределах II–IV вв. [3, с. 52–53, табл. 9,18].

Представляет интерес деталь составной накладки в виде головы дневной хищной птицы на длинной шее (рис. 6,2). Она отлита из бронзы пустотелой, в основании сохранился медный штифт крепления к основе. В отверстие на месте глаза, вероятнее

всего, вставлялся второй штифт. В основании накладки присутствует клиновидный шип, служивший для соединения со следующей деталью (туловищем?). Общий художественный стиль изделия семантически близок к изображениям на хорошо известных орлиновоголовых пряжках, датируемых VI–VII вв. [2, с. 109].

Среди находок на территории святилища присутствуют три фрагмента концевых частей бронзовых браслетов (рис. 6,7). Один из них декорирован тремя опоясывающими канавками. Эти браслеты известны по раннесредневековым комплексам VI – начала VII вв. [2, с. 107, рис. 40,1, 41,8, 43,2].

С территории памятника происходят две подвески. Бронзовая подвеска-амulet вытянутой формы с двумя поперечными ребристыми выступами (рис. 6,4) и овальная пластинчатая подвеска, выполненная вместе с подвесной петлей из одного куска металла (рис. 6,6). Последняя украшена по центру пуансонным орнаментом в виде цветочной розетки.

Также известно о находке бронзовой овальной рамочной пряжки с железным язычком (рис. 6,3), датирующейся в целом III–V вв. [2, с. 27, 201, рис. 22,6], и бронзовой пластинчатой детали поясного набора, в нижней части оформленной декоративными выступами, с сохранившейся железной заклепкой и фиксирующей шайбой (рис. 6,5).

В 2018 г. Инкерманской археологической экспедицией Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» проведены археологические разведки на г. Баир. На ее вершине, восточном и в верхней части западного склона зафиксированы следы многочисленных грабительских шурфов. Выборка археологического материала в количественном отношении составляет порядка 100 фрагментов керамики. Найдены представлены следующими категориями керамических изделий.

1. Розовоглиняная широкогорлая амфора типа 83 по И.Б. Зеест. Этот тип тарных сосудов широко распространен на европейской и азиатской частях Боспора, в Восточном Крыму, тогда как в Западном Крыму встречается крайне редко. Датируется в пределах второй четверти II–III вв. [1, с. 49], [6, с. 124], [11, с. 115–116].

2. Красноглиняная круглодонная амфора (корчажка) типа 98 по И.Б. Зеест. Датируется IV в. [11, с. 120].

3. Розовоглиняные круглодонные амфоры с расширяющимся (овальным) корпусом класса 5 по XK-95. Производились в Сиро-Палестинском регионе и в районе египетского озера Мареотис. Датируются в пределах II/III – начала VIII вв. [27, с. 22–24], [30, с. 67–68].

4. Красноглиняные амфоры с цилиндрическим корпусом типа «Газа», соответствующие классу 4 по XK-95 и типу LRA 4 по классификации Дж. Райли. Место производства – южная Палестина. Этот тип амфор датируется IV–VII вв. [27, с. 21–22], [54, р. 165], [56, р. 223].

5. Красноглиняная амфора с воронкообразным горлом и гребенчатым рифлением в верхней части корпуса, соответствующая классу 18 по XK-95 и типу LRA 2 по Дж. Райли. Печи по производству амфор открыты на острове Хиос, в Арголиде и Хидосе. Суммарная датировка укладывается в пределах IV–VII вв. [7, с. 414]; [27, с. 38–40]; [30, с. 68–69].

6. Красноглиняные амфоры, соответствующие типу Делакеу, типу 100 по И.Б. Зеест и синопскому типу C Snp I по Д. Кассаб Тезгёр. Многочисленные печи по их производству открыты в Демирджи (14 км к югу от Синопы). Данный тип сосудов бытовал в пределах IV – начала VI в. [11, с. 120], [26, с. 194], [32, с. 358], [41, с. 120–139], [50, р. 128–129].

7. Светлоглиняные амфоры с рифлением корпуса типа «набегающая волна», соответствующие классу 12 по XK-95 и типу LRA 1 по Дж. Райли. Этот тип тарных сосудов бытовал в последней трети IV–VII вв. Производились в многочисленных центрах, расположенных в Киликии, Северной Карии, на западе Кипра, на Родосе, Хиосе и т.д. [27, с. 29–33], [56, р. 212–216], [58, р. 53].

8. Коричневоглиняные амфоры с вытянутым корпусом, с сужением в средней части, соответствующие классу 1 по XK-95 и типу 103 по И.Б. Зеест. Они продолжают линию развития позднеантичных коричневоглиняных амфор колхидаского производства, являясь массовым материалом на памятниках Северного Причерноморья и Подунавья с конца IV – первой половины V до конца VII вв. [7, с. 411–412; 27, с. 16–19].

9. Светлоглиняные амфоры с вытянутым корпусом типа «Carottes» соответствуют классу 2 по ХК-95. Мастерские по производству амфор открыты в Демирджи (14 км к югу от Синопы) [46, р. 331], [48, р. 440], [49, р. 119] и Селевкии (Сирия) [45, р. 232]. Этот тип сосудов датируется в целом концом IV – первой половиной VII вв. [27, с. 19–20], [31, с. 185–196], [42, с. 241–259].

10. Розоглиняные узкогорлые амфоры, соответствующие типу 95 по И.Б. Зеест и типу LRA 3 по Дж. Райли. Производились в различных городах западного берега Малой Азии (район Эфеса, Сарды, Милет, Пергам, Кушадасы) с конца IV – до начала VII вв. [8, с. 54], [11, с. 118–119], [57, р. 86–124].

11. Красноглиняная амфора с вытянутым корпусом на высокой ножке, соответствующая классу 19 по ХК-95, типу LR 8 или типу «самосской цистерны» (Samos Cistern Type). Производились данные амфоры в керамических центрах Эгейских островов. Датируются в пределах последней трети V в. – 650–670 гг. [27, с. 41], [43, р. 83], [51, р. 396].

12. Красноглиняные круглодонные желобчатые амфоры класса 6 по ХК-95. Датируются в пределах второй четверти VI–VII вв. [27, с. 24–25], [30, с. 61–64].

13. Красноглиняный яйцевидный гладкостенный пифос. Датируется в целом VIII – первой половиной X вв. [38, с. 189–197], [39, с. 46], [40, с. 36]. Один из предполагаемых центров их производства локализуется в урочище Пошалы на Южном берегу Крыма [24, с. 60–61].

14. Красноглиняные амфоры с яйцеобразным корпусом, украшенным в верхней части мелким зональным рифлением класса 24 по ХК-95. Многочисленные гончарные центры по их производству открыты в округе Херсонеса, на Южном берегу Крыма, в горной и юго-восточной частях полуострова. Этот тип амфор наиболее массово использовался в первой половине IX – конце XI вв. [24, с. 52–81], [27, с. 50–52].

15. Красноглиняная желобчатая амфора класса 36 по ХК-95. Производились одновременно с амфорами класса 24 по ХК-95 в ряде гончарных центров Юго-Западной и Юго-Восточной Таврики [24, с. 76–77], [27, с. 60–61].

16. Красноглиняные высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками. Этот тип тарной керамики хорошо известен по раскопкам памятников Северного Причерноморья, Приазовья и Подонья. По ХК-95 принадлежат к классу 41. Датируются последней третью IX – концом XI вв. [17, с. 50–57], [27, с. 63–66], [40, с. 33].

Исходя из приведенных выше данных, можно сделать некоторые предварительные выводы. Святилище располагалось в непосредственной близости от западной окраины раннесредневекового поселения. В данном контексте обнаруженные предметы, вероятнее всего, представляют собой следы ритуальных действий, которые совершались или остатки которых подвергались сокрытию на данной территории.

Нумизматический материал может свидетельствовать о времени наиболее активного функционирования святилища. При соотнесении его с керамическим материалом и металлическими изделиями, можно предположить о начале существования памятника с рубежа первой-второй трети IV в. Верхнюю дату святилища на г. Баир по имеющимся данным определить затруднительно. Наиболее поздние монеты датируются концом третьей – началом четвертой четверти VI в., что возможно считать временем или прекращения функционирования культового комплекса в целом, или прекращения монетных приношений. Однако для уточнения хронологии памятника и выявления стратиграфической ситуации необходимо проведение дальнейших археологических исследований.

Отдельно следует упомянуть о феномене размещения святилищ в подобных местах. Помимо прочего определенное влияние на процесс их появления и функционирования оказывал такой фактор, как окружающий ландшафт. В данном случае он обладает высокой эстетической ценностью. Оказавшись в таком месте, человек ощущает эмоциональный подъем, испытывает чувство восторга [19, с. 190–191]. При наличии соответствующего мировоззрения, человек придает происходящему с ним сакральное значение (иерофания) [16, с. 254–255].

КАТАЛОГ МОНЕТ

1. **Константин I (306–337).** Константинополь, 326–330 гг. Аверс. CONSTANTI-NVS MAX AVG. Голова императора в розетковидной диадеме вправо. Реверс. CONSTANTINI-ANA DAFNE / CONS. Сидящая на циппе Виктория влево, в каждой руке по вайе, смотрит вправо, впереди трофея, у подножия которого пленник, с повернутой назад головой, попираемый Викторией, оффицина €. №3; Ø19 мм; 3,3 г; 12:12 ч. [44, р. 574].

2. **Констанций II (337–361).** Константинополь. Аверс. DN CONSTAN-TIVSPFAVG. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. FEL TEMP RE-PARATIO / CONSE. Император в доспехах со щитом поражает копьем сверху конного варвара, все влево, слева оффицина Г. №2; Ø23×21,5 мм; 4,5 г; 12:6 ч. [52, р. 454].

3. **Констанций II (337–361).** Никомидия. Аверс. [DN CONSTAN] TIVSPFAVG. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. [FEL TEMP RE-PA]RATIO / [S]MNA. Император в рост влево, держит Лабарум с хризмой, опирает ногой одного из двух связанных варваров. №3; 17×11,5 (Ø17) мм; – г; 12:6 ч. Фрагментирована [52, р. 468, 476].

4. **Констанций II (337–361).** Гераклея. Аверс. FL IVL CONSTANTIVS NOB [C]. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. GLOR-IA EXERC-ITVS / SMHA*. Два легионера в шлемах и доспехах с копьями стоят, опираясь на щиты в зеркальных позах, между ними два штандарта. №3; Ø17×16 мм; 2,1 г; 12:12 ч. [44, р. 557].

5. **Констанций II (337–361).** Фессалоники. Аверс. DN CONSTAN-TIVSPFAVG. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. FEL TEMPRE-PARATIO / SMTS. Император в доспехах со щитом поражает копьем сверху конного варвара, все влево, слева оффицина В. №3; Ø17 мм; 2,4 г; 12:12 ч. [52, р. 419].

6. **Констант (337–350).** Кизик. Аверс. [FL IVL] CONSTANS PFAVG. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. GLORIA EXERC-ITVS / SMK[A]. Два легионера в шлемах и доспехах с копьями стоят, опираясь на щиты в зеркальных позах, между ними два штандарта. №4; Ø15,5×14 мм; 1,2 г; 12:6 ч. [44, р. 655].

7. **Валент (364–378).** Кизик. Аверс. [DN VALENS PF] AVG. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. [SECVRITAS REIPVBL]ICAЕ. Виктория в рост шагает влево, в правой руке перед лицом держит венок, в левой – ванию. №3; Ø16×14 мм; 1,2 г (с утратами); 12:6 ч. [55, р. 194].

8. **Гонорий (395–423).** Александрия. Аверс. DN HONORI[VS] PF AVG. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. [GLOR]IA ROMANORVM / ALEA. Три императора (Аркадий, Гонорий и Феодосий II) в рост с копьями опираются на щиты. №4; Ø16×14 мм; 1,9 г; 12:12 ч. [53, р. 68–69, pl. 6,157].

9. **Аркадий (395–408).** Гераклея. Аверс. DN ARCAD-IVS P F AVG. Бюст императора в диадеме вправо, перед грудью держит копье, над головой – венчающая Десница. Реверс. GLORIA RO-MANORVM / SMHE. Император в доспехах в рост, держит Лабарум, левой рукой опирается на щит, слева у ног сидит связанный пленник. №2; Ø22,5×22 мм; 4,5 г; 12:12 ч. [55, р. 195, 197].

10. **Аркадий (395–408).** Александрия. Аверс. DN ARCADIVS PF AVG. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. GLORIA-ROMANORVM / ALEA. Император в рост в плаще, в правой руке держит Лабарум, в левой – державу. №2; Ø23×22 мм; 4,0 г; 12:12 ч. [55, р. 304].

11. **Аркадий (395–408).** Гераклея. Аверс. DN ARCADIVS PF AVG. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. GLORIA ROMANORVM. Император в доспехах в рост, в правой руке – Лабарум, в левой – держава; снизу SMHA. №2; Ø20×22 мм; 3,79 г; 12:12 ч. [55, р. 198].

12. **Аркадий (395–408).** Фессалоники. Аверс. DN ARCA[DI]VS P F AVGO. Бюст императора в диадеме вправо, позади дифферент *. Реверс. [GLORIA ROMANORVM] / ANT[?]. Три императора с копьями в рост стоят, опираясь на щиты. №; Ø14 мм; 2,4 г; 12:6 ч. [52, р. 68–69, pl. 6,151].

13. **Феодосий II (402–450).** Константинополь–Херсонес. Аверс. DN THEODOSIVS PF AVG. Бюст императора в гребенчатом шлеме и диадеме со щитом вправо, перед грудью держит копье с листовидным наконечником. Реверс. CONCOR-DIA AVG / CONS. Два императора с нимбами в

доспехах и плащах держат между собой процессионный крест, у правого в левой руке Лабарум, у левого в правой руке копье. $\varnothing 2/3$; Ø20×19 мм; 4,4 г; 12:12 ч. [37, с. 128, табл. 26,338а].

14. **Феодосий II (402–450).** Константинополь–Херсонес. Аверс. DN THEODOSIVS PF AVG. Бюст императора в гребенчатом шлеме и диадеме со щитом вправо, перед грудью держит копье с двушипным наконечником. Реверс. CONCOD-[R]IAACV / COIS. Два императора в доспехах и плащах держат между собой процессионный крест. $\varnothing 2/3$; Ø20 мм; 4,6 г; 12:6 ч. [12, с. 223–224, рис. 1].

15. **Лев I (457–474).** Константинополь–Херсонес. Аверс. DN LEOPE-RPET AVC. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. VIRTVS EXRCITI / CONE. Император в доспехах в рост шагает вправо, в правой руке Лабарум, левой держит за горло связанного пленника. $\varnothing 2/3$; Ø20 мм; 4,6 г; 12:6 ч. [36, с. 126, табл. 8,30].

16. **Лев I (457–474).** Константинополь–Херсонес. Аверс. DN LEOPE-RPET AVC. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. SALVSR-PVRLCA / CON. Император в доспехах в рост шагает вправо, в правой руке Лабарум, левой держит за горло связанного пленника. $\varnothing 2/3$; Ø20×19 мм; 3,8 г; 12:6 ч. [36, с. 126, табл. 8,28].

17. **Лев I (457–474).** Константинополь–Херсонес. Аверс. DN LEOP-RPET AC. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. SALVSR-PVRLICA / CON. Император в доспехах в рост шагает вправо, в правой руке Лабарум, левой держит за горло связанного пленника. $\varnothing 2/3$; Ø19 мм; 3,6 г; 12:6 ч. [37, с. 128, табл. 26,343].

18. **Лев I (457–474).** Константинополь–Херсонес. Аверс. DN LEONI-SPP AVC. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. VIRTVS EXERCIT / CONE. Император в доспехах в рост шагает вправо, в правой руке Лабарум, левой держит за горло связанного пленника. $\varnothing 2/3$; Ø20 мм; 4,0 г; 12:6 ч. [15, с. 136, табл. I, табл. XXV,L303].

19. **Лев I (457–474).** Константинополь–Херсонес. Аверс. DN LEOP-RPET AC. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. SALV[SR]-PVRLICA / CON. Император в доспехах в рост шагает вправо, в правой руке Лабарум, левой держит за горло связанного пленника. $\varnothing 2/3$; Ø20×22 мм; 4,9 г; 12:6 ч. Сломана [36, с. 126, табл. 8,29].

20. **Лев I (457–474).** Константинополь–Херсонес. Аверс. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. Император в доспехах в рост шагает вправо, в правой руке Лабарум, левой держит за горло связанного пленника. $\varnothing 2/3$; 18×12 (Ø18) мм; – г; 12:6 ч. Утрачена ~1/3, стерта, легенды нечитаемы [36, с. 126, табл. 8].

21. **Лев I (457–474).** Константинополь–Херсонес. Аверс. [DN LEOP-R]PET AVC. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. [SALVSR]-PVRLIC[A] / CON (буква Р ретроградно). Император в доспехах в рост шагает вправо, в правой руке Лабарум, левой держит за горло связанного пленника. $\varnothing 2/3$; 20×9 (Ø20) мм; – г; 12:6 ч. Фрагмент <½ [15, с. 135–143].

22. **Зенон (474–491).** Херсонес. Аверс. DN ZEN[O.....]. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. Император в доспехах в рост вправо, в правой руке копье, в левой – держава; попирает ногой сидящего связанного пленника. $\varnothing 3$; 17×16 мм; 3,8 г; 12:6 ч. [37, с. 130, табл. 27,247].

23. **Анастасий (491–518).** Константинополь. Аверс. DN ANA-S PP AV. Реверс. Большая €, между гаст точки, слева оффицина В. \varnothing пентануммий; Ø 14 мм; 1,7 г; 12:6 ч. [47, S. 34, 101, taf. 3,37].

24. **Юстин I (518–527).** Херсонес. Аверс. DN IV~TI-NV PC. Бюст императора вправо. Реверс. VIC-TOR. Император в рост в военном одеянии с процессионным крестом, левой рукой опирается на щит. \varnothing пентануммий; Ø 15 мм; 2,9 г; 12:6 ч. [33, с. 226–227, рис. 3(о.с.), 4(л.с.)].

25. **Юстин I (518–527) (?).** Херсонес. Аверс. Бюст императора вправо. Реверс. VIC-TOR. Император в рост в военном одеянии с процессионным крестом, левой рукой опирается на щит. \varnothing пентануммий; 13,5×12 мм; 1,6 г; 12:6 ч. [33, с. 226–227, рис. 4].

26. **Юстин I (518–527).** Херсонес. Аверс. DN IVSTI-NVASC. Бюст императора вправо. Реверс. VIC-TOR. Император в рост в военном одеянии с процессионным крестом, в левой руке держава. \varnothing пентануммий; 14×15,5 мм; 2,5 г; 12:6 ч. [33, с. 227, рис. 13].

27. **Юстиниан I (527–565).** Херсонес. Аверс. Бюст императора вправо. Реверс. VIC-TOR. Император в рост в военном одеянии с процессионным крестом, в левой руке держава. \varnothing пентануммий; 15×17 мм; 2,6 г; 12:6 ч. [4, с. 99, табл. XXII,311].

28. **Юстиниан I (527–565).** Херсонес. Аверс. [DN IVS]TINI-ANVS PP AVC. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. Монограмма названия города (й) ПОЛІС ХЕРСΩΝΟС. ΆЕ пентануммий; Ø 13,5 мм; 2,4 г; 12:6 ч. [4, с. 99, табл. XXII,314].

29. **Юстиниан I (527–565).** Херсонес. Аверс. [DN IVS]TINI-ANVS PP AVC. Бюст императора в диадеме вправо. Реверс. Монограмма названия города (й) ПОЛІС ХЕРΣΩΝΟС. ΆΕ пентануммий; 14×14,5 мм; 3,5 г; 12:6 ч. [4, с. 99, табл. XXII,314].

30. **Юстин II (565–578).** Херсонес Аверс. ХЕР-СΩΝΟС. Император с державой и императрица с крестом в рост en face. Реверс. Номинал М (40) с крестом в изломе поперечной гасти, слева ростовая фигура, в левой руке держит процессионный константиновский крест. ΆΕ фоллис; 31,5×30,5 мм; 14,9 г; 12:6 ч. [37, с. 132; табл. 28,253].

31. **Юстин II (565–578).** Херсонес. Аверс. ХЕР-СΩΝΟС. Император с державой и императрица с крестом в рост en face. Реверс. Номинал Κ (20), сверху крест, слева ростовая фигура, в левой руке держит процессионный константиновский крест. ΆΕ ½ фоллиса; 27×25,6 мм; 7,6 г; 12:6 ч. [37, с. 132, табл. 28,254].

Источники и литература.

1. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 1993. Вып. 3. С. 4–135.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
3. Амбров А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ Д1-30. М.: Наука, 1966. 112 с.
4. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). К.: Наукова думка, 1977. 175 с.
5. Бертье-Делагард А.Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. 1906. Т. XXVI. С. 215–276.
6. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетейя, 2006. 320 с.
7. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Stratigraphic investigations on the southern slope of the Teshkli-Burun (Manzup) // MAIET. 2006. Вып. XII. Ч. 2. С. 371–494.
8. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, XA и XB) // MAIET. 2013. Вып. XVIII. С. 49–161.
9. Дорошко В.В. Разведки на территории Карапьских высот к северо-западу от с. Флотское г. Севастополя // Археологические открытия 2014 года. М.: Институт археологии РАН, 2016. С. 248–249.
10. Дорошко В.В., Дорошко О.П. Исследования на высоте 283 Карапьских высот к северо-западу от с. Флотское г. Севастополя в 2014–2016 гг. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / ред.–сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016. С. 147–152.
11. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. 179 с.
12. Коршенко А.Н. Херсонский выпуск монет Феодосия II и Валентиниана III // MAIET. 2000. Вып. VII. С. 222–246.
13. Коршенко А.Н. Крымские клады позднеримских медных монет // Нумизматика и эпиграфика. 2011. Т. XVIII. С. 108–138.
14. Коршенко А.Н. Новый клад позднеримский монет из Юго-Западного Крыма // ХЕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений V Международного Византийского Семинара (г. Севастополь, 27–31.05. 2013) / ред.–сост. Н.А. Алексеенко. Севастополь, 2013. С. 31–32.
15. Коршенко А.Н. Крупные медные монеты Льва I. Класс I – LEONIS // Нумизматика и эпиграфика. 2018. Т. XX. С. 135–143.
16. Мороз А.Б. «Святые» и «страшные» места. Создание сакрального пространства в традиционной культуре // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств / ред.–сост. А.М. Лидов. М.: Индрик, 2008. С. 253–262.
17. Науменко В.Е. Высокогорные кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь–Керчь, 2009. С. 50–57.
18. Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. / отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1974. С. 5–132.
19. Николаев В.А. Методологические проблемы эстетики ландшафта // Фізична географія та геоморфологія. 2013. Вип. 2 (70). С. 187–194.
20. Новиченкова Н.Г. Горный Крым: II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь: Н. Оріанда, 2015. 215 с.
21. Отчет о полевых исследованиях в Балаклавском районе г. Севастополя в 1979 году // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2087.
22. Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции в 1980 и 1981 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2252.

23. Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в Балаклавском районе г. Севастополя в 1987 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2766.
24. Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–Х вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї / гол. ред. М.И. Гладких. К.: Стилос, 2001. С. 52–81.
25. Плетнева С.А., Мажитов Н.А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII–Х в. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 62–82.
26. Рикман Э.А. Черняховское селище Делакеу (Молдавия) // МИА. 1967. № 139. С. 165–196.
27. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1995. 169 с.
28. Савеля О.Я. Работы Севастопольской экспедиции // Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 333–334.
29. Савеля О.Я. Работы Севастопольской экспедиции // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 314–316.
30. Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 60–72.
31. Сазанов А.В. Амфоры «Carottes» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология // Боспорский сборник. 1995. Вып. 6. С. 185–196.
32. Смоютина А.В. О хронологии амфор типа С Snp I («Делакеу») // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур / ред.–сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2011. С. 355–360.
33. Студицкий Я.В., Бутырский М.В. Монеты Херсона с именами Юстина I и Юстиниана I // Византийский временник. 2000. Т. 59 (84). С. 226–229.
34. Ступко М., Серебряков С. Монетные приношения на «Святых могилах» некрополя Херсонеса в Каортинной балке. К постановке проблемы // Наукові студії: Збірник наукових праць. 2014. Вип. 7. С. 204–225.
35. Ступко М.В. Клад позднеримских медных монет из поселения под Севастополем // Причерноморье. История, политика, культура. 2018. № XXVI (VIII). Серия А. Античность и средневековье. С. 65–79.
36. Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. I–II. Монеты от Аркадия до Анастасия. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1913. 224 с.
37. Туровский Е.Я., Горбатов В.М. Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель. Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. 160 с.
38. Якобсон А.Л. Средневековые пифосы Северного Причерноморья // СА. 1966. № 2. С. 189–202.
39. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 186. 224 с.
40. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
41. Яшная О.С. Амфоры типа Делакеу из раскопок Мангупа // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 120–139.
42. Яшная О.С. Амфоры типа «Carottes» из раскопок Мангуп-Кале (Юго-Западный Крым) // Stratum plus. 2016. № 4. С. 241–259.
43. Arthur P. Aspects of Byzantine Economy: an evaluation of amphora evidence from Italy // Recherches sur la Céramique Byzantine / eds. V. Déroche, J.-M. Spieser. Athènes–Paris: École française d'Athènes; Dépositaire, Diffusion de Boccard, 1989. P. 79–93.
44. Bruun P.M. The Roman Imperial Coinage. Vol. VII. Constantine and Licinius A.D. 313–337. London: Spink and Son Ltd., 1966. XXXI, 778 p.
45. Empereur J.-Y., Picon M. Les régions de production d'amphores impériales en Méditerranée orientale // Anfore Romane e Storia Economica: un Decennio di Ricerche: Atti del colloquio di Siena (22–24 maggio 1986) / eds. M. Lenoir, D. Manacorda, C. Panella. Rome: École Française de Rome, 1989. P. 223–248.
46. Garlan Y., Kassab Tezgör D. Prospection d'ateliers d'amphores et de céramiques de Sinope // Anatolia Antiqua. 1996. T. IV. P. 325–334.
47. Hahn W. Moneta Imperii Byzantini. Band I. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. 234 s.
48. Kassab Tezgör D., Tatlıcan I. Fouilles des Ateliers d'Amphores à Demirci près de Sinop en 1996 et 1997 // Anatolia Antiqua. 1998. T. VI. P. 423–442.
49. Kassab Tezgör D. Types amphoriques fabriqués à Demirci près de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Colloque international organisé à Istanbul, 25–28 mai 1994 / ed. Y. Garlan. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 1999. P. 117–123.
50. Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe–IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C // Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope / ed. D. Kassab Tezgör. Paris: French Institute of Anatolian Studies – De Boccard, 2010. P. 121–140.
51. Keay S.J. Late Roman amphorae in the western Mediterranean. A typology and economic study: the Catalan evidence. Part 1. Oxford: BAR Publishing, 1984. 738 p.
52. Kent J.P.C. The Roman Imperial Coinage. Vol. VIII. The Family of Constantine I. London: Spink and Son Ltd., 1981. XLIX, 605 p.
53. Kent J.P.C. The Roman Imperial Coinage. Vol. X. The Divided Empire and the fall of the western parts A.D. 395–491. London: Spink and Son Ltd., 1994. CLXXXII, 510 p.
54. Majcherek G. Gazan Amphorae: Typology Reconsidered // Hellenistic and Roman pottery in the Eastern

- Mediterranean: Advances in Scientific Studies. II Neiborow Pottery Workshop / eds. H. Meyza, J. Mlynarczyk. Warsaw: Polish Academy of Sciences, 1995. P. 163–178.
55. Pearce J.W.E. The Roman Imperial Coinage. Vol. IX. Valentinian I – Theodosius I. London: Spink and Son Ltd., 1951. XLIV, 334 p.
 56. Riley J.A. The coarse pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice). Vol. II / ed. J.A. Lloyd. Tripoli: Dept. of Antiquities, Ministry of Teaching and Education, 1979. P. 91–467.
 57. Riley J.A. The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2, and 1977.3 // Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan. Vol. VI / ed. J.H. Humphrey. Ann Arbor: University of Michigan, 1981. P. 86–124.
 58. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht: Parnassus Press, 2005. 223 p.

References.

1. Abramov A.P. Antichnye amfory. Periodizatsii i khronologiya // Bosporskii sbornik. 1993. Vyp. 3. S. 4–135.
2. Aibabin A.I. Etnicheskaya istoriya rannevizantiiskogo Kryma. Simferopol': DAR, 1999. 352 s.
3. Ambroz A.K. Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR // SAI D1-30. M.: Nauka, 1966. 112 s.
4. Anokhin V.A. Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.). K.: Naukova dumka, 1977. 175 s.
5. Bert'e-Delagard A.L. Neskol'ko novykh ili maloizvestnykh monet Khersonesa // ZOOID. 1906. T. XXVI. S. 215–276.
6. Vnukov S.Iu. Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Chast' II. Petrografija, khronologija, problemy torgovli. SPb.: Aleteiia, 2006. 320 s.
7. Gertsen A.G., Zemliakova A.Iu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraficheskie issledovaniia na iugovostochnom sklone mysya Teshkli-Burun (Mangup) // MAIET. 2006. Vyp. XII. Ch. 2. S. 371–494.
8. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Severnyi raion Khersonesa v rannevizantiiskoe vremia (kvartaly X, KhA i Kh-B) // MAIET. 2013. Vyp. XVIII. S. 49–161.
9. Doroshko V.V. Razvedki na territorii Karan'skikh vysot k severo-zapadu ot s. Flotskoe g. Sevastopolia // Arkheologicheskie otkrytiia 2014 goda. M.: Institut arkheologii RAN, 2016. S. 248–249.
10. Doroshko V.V., Doroshko O.P. Issledovaniia na vysote 283 Karan'skikh vysot k severo-zapadu ot s. Flotskoe g. Sevastopolia v 2014–2016 gg. // XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia / red.–sost. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko. Kerch', 2016. S. 147–152.
11. Zeest I.B. Keramicheskaya tara Bospora // MIA. 1960. № 83. 179 s.
12. Korshenko A.N. Khersonskii vypusk monet Feodosiia II i Valentiniiana III // MAIET. 2000. Vyp. VII. S. 222–246.
13. Korshenko A.N. Krymskie klady pozdnerimskikh mednykh monet // Numizmatika i epigrafika. 2011. T. XVIII. S. 108–138.
14. Korshenko A.N. Novyi klad pozdnerimskii monet iz Iugo-Zapadnogo Kryma // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperiia» i «polis». Tezisy dokladov i soobshchenii V Mezhdunarodnogo Vizantiiskogo Seminara (g. Sevastopol', 27–31.05. 2013) / red.–sost. N.A. Alekseenko. Sevastopol', 2013. S. 31–32.
15. Korshenko A.N. Krupnye mednye monety L'va I. Klass I – LEONIS // Numizmatika i epigrafika. 2018. T. XX. S. 135–143.
16. Moroz A.B. «Sviatyye» i «strashnye» mesta. Sozdanie sakral'nogo prostranstva v traditsionnoi kul'ture // Ierotopia. Sravnitel'nye issledovaniia sakral'nykh prostranstv / red.–sost. A.M. Lidov. M.: Indrik, 2008. S. 253–262.
17. Naumenko V.E. Vysokogorlye kuvshiny s shirokimi ploskimi ruchkami // Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arkheologicheskie kompleksy VIII–X vv. Simferopol'–Kerch', 2009. S. 50–57.
18. Nikitina G.F. Pogrebal'nyi obriad kul'tur polei pogrebenii Srednei Evropy v I tysiacheletii do n. e. – pervoi polovine I tysiacheletii n. e. // Pogrebal'nyi obriad plemen Severnoi i Srednei Evropy v I tysiacheletii do n. e. – pervoi polovine I tysiacheletii n. e. / otv. red. V.V. Sedov. M.: Nauka, 1974. S. 5–132.
19. Nikolaev V.A. Metodologicheskie problemy estetiki landshafta // Fizychna geografija ta geomorfologija. 2013. Vyp. 2 (70). S. 187–194.
20. Novichenkova N.G. Gornyi Krym: II v. do n. e. – II v. n. e. Po materialam raskopok sviatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo. Simferopol': N. Orianda, 2015. 215 s.
21. Otchet o polevykh issledovaniakh v Balaklavskom raione g. Sevastopolia v 1979 godu // NAO GMZ KhT. F. 1. D. 2087.
22. Otchet o polevykh issledovaniakh Sevastopol'skoi okhranno-novostroekhnii arkheologicheskoi ekspeditsii v 1980 i 1981 gg. // NAO GMZ KhT. F. 1. D. 2252.
23. Otchet Sevastopol'skoi arkheologicheskoi ekspeditsii o polevykh issledovaniakh v Balaklavskom raione g. Sevastopolia v 1987 g. // NAO GMZ KhT. F. 1. D. 2766.
24. Parshina E.A., Teslenko I.B., Zelenko S.M. Goncharnye tsentry Tavriki VIII–X vv. // Mors'ka torgivlya v Pivnichnomu Prychornomor'i / gol. red. M.I. Gladkikh. K.: Stilos, 2001. S. 52–81.
25. Pletneva S.A., Mazhitov N.A. Vostochnoevropeiskie stepi vo vtoroi polovine VIII–X v. // Arkheologija SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia / otv. red. S.A. Pletneva. M.: Nauka, 1981. S. 62–82.
26. Rikman E.A. Cherniakhovskoe selishche Delakeu (Moldaviia) // MIA. 1967. № 139. S. 165–196.
27. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 1995. 169 s.
28. Savelia O.Ia. Raboty Sevastopol'skoi ekspeditsii // Arkheologicheskie otkrytiia 1979 goda. M.: Nauka, 1980. S. 333–334.

29. Savelia O.Ia. Raboty Sevastopol'skoi ekspeditsii // Arkheologicheskie otkrytiia 1981 goda. M.: Nauka, 1983. S. 314–316.
30. Sazanov A.V. Amforyni kompleks pervoi chetverti VII v. n.e. iz Severo-Vostochnogo raiona Khersonesa // MAIET. 1991. Vyp. II. S. 60–72.
31. Sazanov A.V. Amfory «Carottes» v Severnom Prichernomor'e rannevizantiiskogo vremeni. Tipologija i khronologija // Bosporskii sbornik. 1995. Vyp. 6. S. 185–196.
32. Smokotina A.V. O khronologii amfor tipa C Snp I («Delakeu») // XII Bosporskie chteniiia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Vzaimovliianie kul'tur / red.–sost. V.N. Zin'ko. Kerch', 2011. S. 355–360.
33. Studitskii Ia.V., Butyrskii M.V. Monety Khersona s imenami Iustina I i Iustiniana I // Vizantiiskii vremennik. 2000. T. 59 (84). S. 226–229.
34. Stupko M., Serebriakov S. Monetnye prinosheniiia na «Sviatykh mogilakh» nekropolia Khersonesa v Karantinnoi balke. K postanovke problemy // Naukovi studii': Zbirnyk naukovyh prac'. 2014. Vyp. 7. S. 204–225.
35. Stupko M.V. Klad pozdnierimskikh mednykh monet iz poseleniiia pod Sevastopolem // Prichernomor'e. Istoria, politika, kul'tura. 2018. № XXVI (VIII). Seriia A. Antichnost' i srednevekov'e. S. 65–79.
36. Tolstoi I.I. Vizantiiskie monety. Vyp. I–II. Monety ot Arkadiia do Anastasiia. SPb.: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1913. 224 s.
37. Turovskii E.Ia., Gorbatov V.M. Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. Katalog-opredelitel'. Simferopol': DIAPI, 2013. 160 s.
38. Iakobson A.L. Srednevekovye pifosy Severnogo Prichernomor'ia // SA. 1966. № 2. S. 189–202.
39. Iakobson A.L. Rannesrednevekovye sel'skie poseleniiia Iugo-Zapadnoi Tavriki // MIA. 1970. № 186. 224 s.
40. Iakobson A.L. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki. L.: Nauka, 1979. 164 s.
41. Iashnaia O.S. Amfory tipa Delakeu iz raskopok Mangupa // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2015. № 3 (49). S. 120–139.
42. Iashnaia O.S. Amfory tipa «Carottes» iz raskopok Mangup-Kale (Iugo-Zapadnyi Krym) // Stratum plus. 2016. № 4. S. 241–259.
43. Arthur P. Aspects of Byzantine Economy: an evaluation of amphora evidence from Italy // Recherches sur la Céramique Byzantine / eds. V. Déroche, J.-M. Spieser. Athènes–Paris: École française d'Athènes; Dépositaire, Diffusion de Boccard, 1989. P. 79–93.
44. Bruun P.M. The Roman Imperial Coinage. Vol. VII. Constantine and Licinius A.D. 313–337. London: Spink and Son Ltd., 1966. XXXI, 778 p.
45. Empereur J.-Y., Picon M. Les regions de la production d'amphores impériales en Méditerranée orientale // Anfore Romane e Storia Economica: un Decennio di Ricerche: Atti del colloquio di Siena (22–24 maggio 1986) / eds. M. Lenoir, D. Manacorda, C. Panella. Rome: École Française de Rome, 1989. P. 223–248.
46. Garlan Y., Kassab Tezgör D. Prospection d'ateliers d'amphores et de céramiques de Sinope // Anatolia Antiqua. 1996. T. IV. P. 325–334.
47. Hahn W. Moneta Imperii Byzantini. Band I. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. 234 s.
48. Kassab Tezgör D., Tatlican I. Fouilles des Ateliers d'Amphores à Demirci près de Sinop en 1996 et 1997 // Anatolia Antiqua. 1998. T. VI. P. 423–442.
49. Kassab Tezgör D. Types amphoriques fabriqués à Demirci près de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Colloque international organisé à Istanbul, 25–28 mai 1994 / ed. Y. Garlan. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 1999. P. 117–123.
50. Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe–IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C // Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope / ed. D. Kassab Tezgör. Paris: French Institute of Anatolian Studies – De Boccard, 2010. P. 121–140.
51. Keay S.J. Late Roman amphorae in the western Mediterranean. A typology and economic study: the Catalan evidence. Part 1. Oxford: BAR Publishing, 1984. 738 p.
52. Kent J.P.C. The Roman Imperial Coinage. Vol. VIII. The Family of Constantine I. London: Spink and Son Ltd., 1981. XLIX, 605 p.
53. Kent J.P.C. The Roman Imperial Coinage. Vol. X. The Divided Empire and the fall of the western parts A.D. 395–491. London: Spink and Son Ltd., 1994. CLXXXII, 510 p.
54. Majcherek G. Gazan Amphorae: Typology Reconsidered // Hellenistic and Roman pottery in the Eastern Mediterranean: Advances in Scientific Studies. II Neiborow Pottery Workshop / eds. H. Meyza, J. Mlynarczyk. Warsaw: Polish Academy of Sciences, 1995. P. 163–178.
55. Pearce J.W.E. The Roman Imperial Coinage. Vol. IX. Valentinian I – Theodosius I. London: Spink and Son Ltd., 1951. XLIV, 334 p.
56. Riley J.A. The coarse pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khreish Benghazi (Berenice). Vol. II / ed. J.A. Lloyd. Tripoli: Dept. of Antiquities, Ministry of Teaching and Education, 1979. P. 91–467.
57. Riley J.A. The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2, and 1977.3 // Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan. Vol. VI / ed. J.H. Humphrey. Ann Arbor: University of Michigan, 1981. P. 86–124.
58. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht: Parnassus Press, 2005. 223 p.

Сокращения.

ЗООИД –	Записки Одесского общества истории и древностей.
МАИЭТ –	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР.
НАО ГМЗ ХТ –	Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».
СА –	Советская археология.
САИ –	Свод археологических источников.
RIC –	The Roman Imperial Coinage.

Abbreviations.

ZOOID –	Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities).
MAIET –	Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria).
MIA –	Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Investigations on Archeology of the USSR).
NAO GMZ KhT –	Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeia-zapovednika «Khersones Tavricheskii» (Scientific and Archives Department of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»).
SA –	Sovetskaia arkheologija (Soviet Archeology).
SAI –	Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources).
RIC –	The Roman Imperial Coinage.

Неделькин Е. В., Ступко М. В. Святилище Баир в Юго-Западном Крыму / Неделькин Е. В., Ступко М. В. // Причерноморье. История, политика, культура. – Серия А : Античность и средневековье. – 2019. – № XXX (IX). – С. 71–87.

Nedelkin E. V., Stupko M. V. The Bair sanctuary in South-Western Crimea / Nedelkin E. V., Stupko M. V. // The Black Sea region. History, politics, culture. – Series A : Antiquity and the Middle Ages. – 2019. – № XXX (IX). – P. 71–87.

ОБ АВТОРАХ

Неделькин
Евгений Владимирович

Научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»
E-mail: nedelkin-evgeniy2014@yandex.ru

Ступко
Михаил Валериевич

Научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»
E-mail: tombdefensor@mail.ru

NEDELKIN
Evgeniy Vladimirovich

Researcher at the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»
E-mail: nedelkin-evgeniy2014@yandex.ru

STUPKO
Mikhail Valerievich

Researcher at the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»
E-mail: tombdefensor@mail.ru

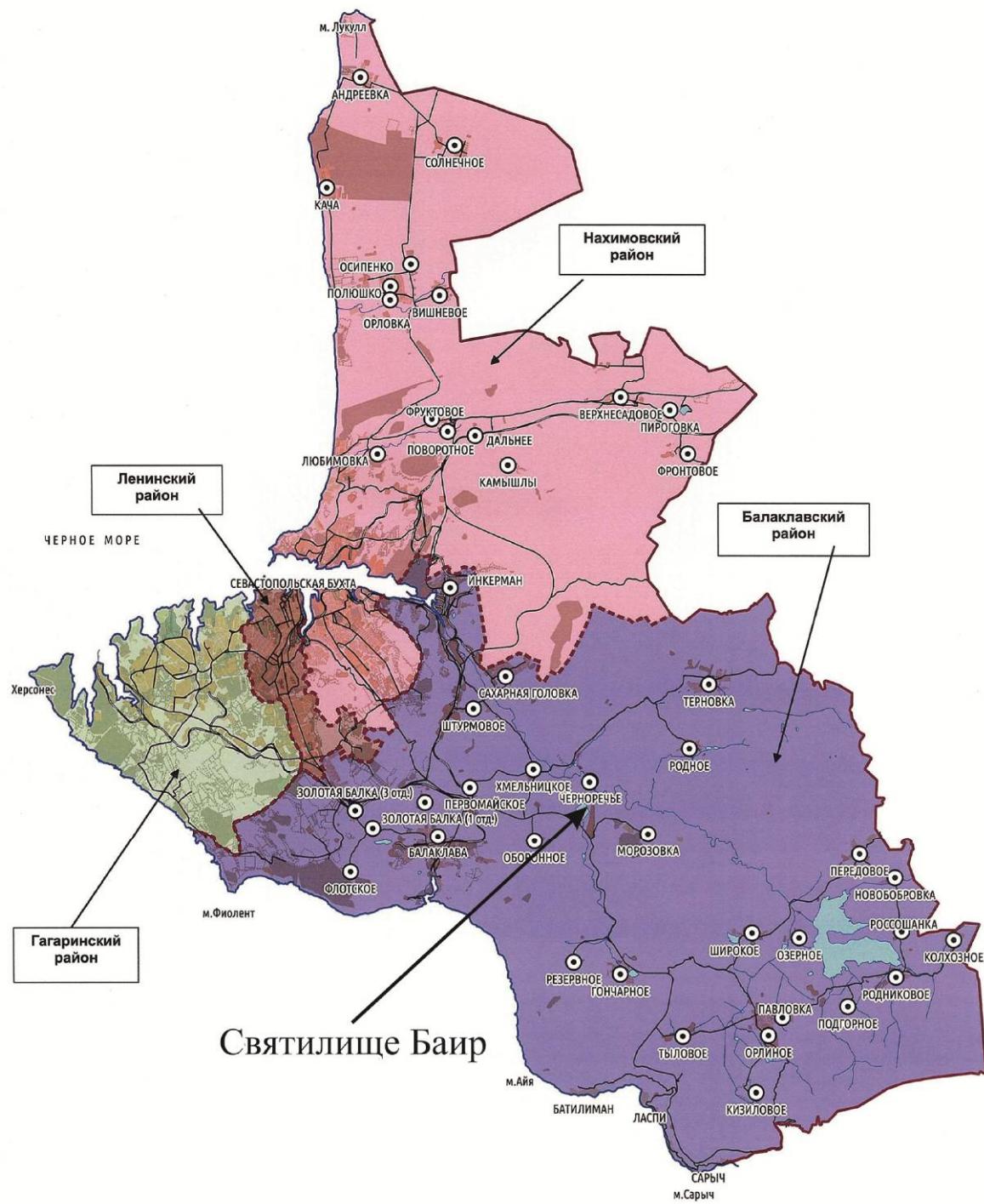

Рис. 1. Административная карта г. Севастополя с указанием местоположения святилища Баир

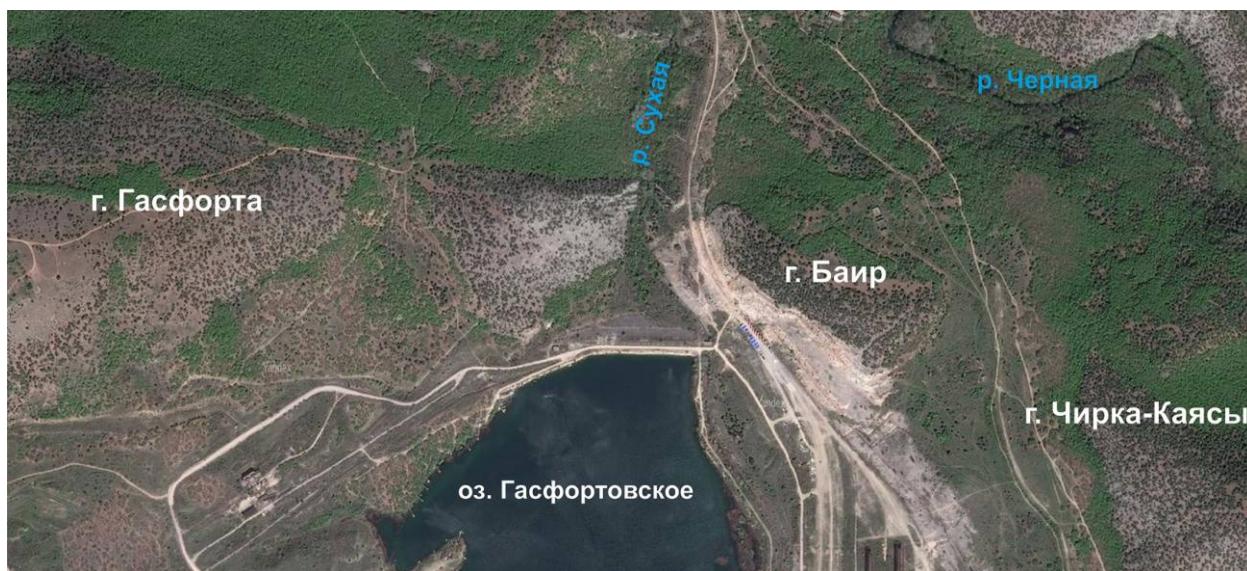

Рис. 2. Спутниковый снимок г. Баир и прилегающей местности

Рис. 3. Гора Баир. Вид с севера

Рис. 4. Гора Баир. Вид с юго-востока

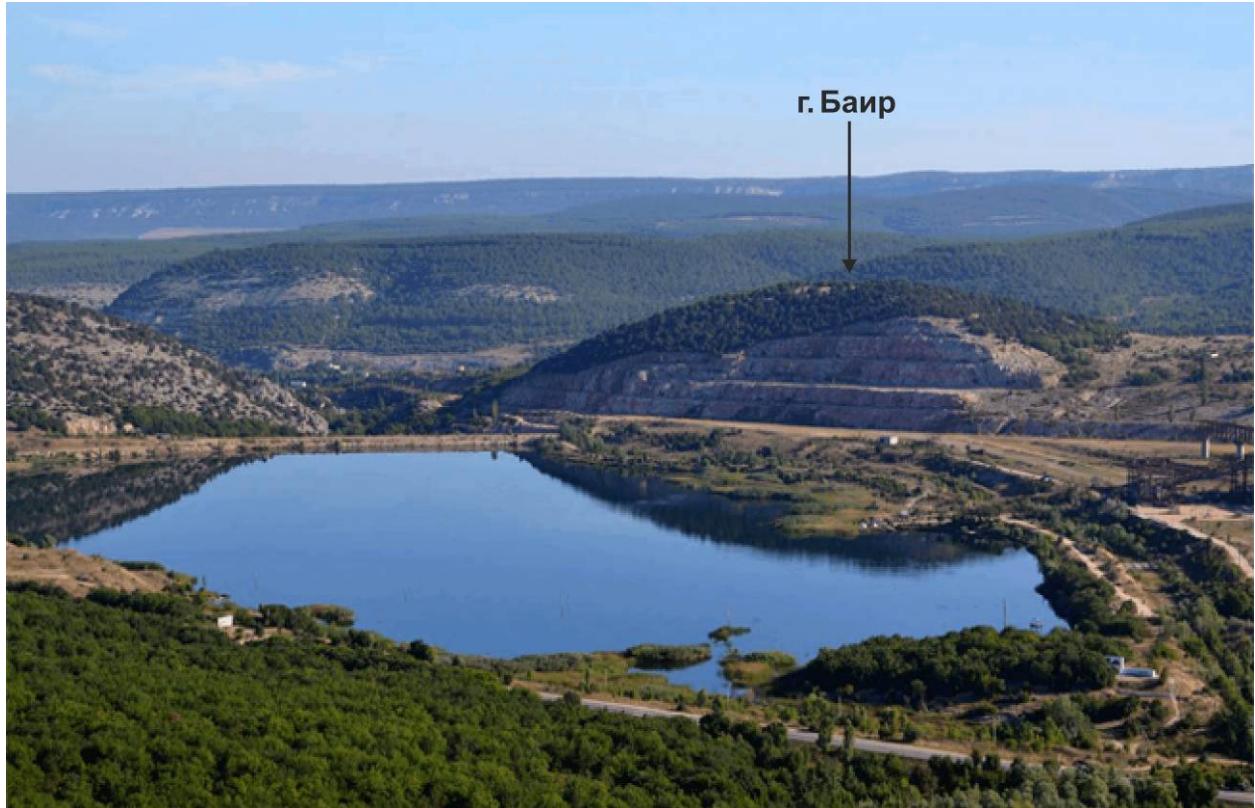

Рис. 5. Гора Баир. Вид с юго-запада

Рис. 6. Металлические предметы из святилища Баир:
1 – фибула бронзовая; 2 – деталь накладки бронзовой; 3 – пряжка бронзовая с
железным язычком; 4, 6 – подвески бронзовые; 5 – деталь поясного набора
бронзовая; 7 – фрагменты браслетов бронзовых; 8а – крючок рыболовный железный;
8б – изделие из свинца

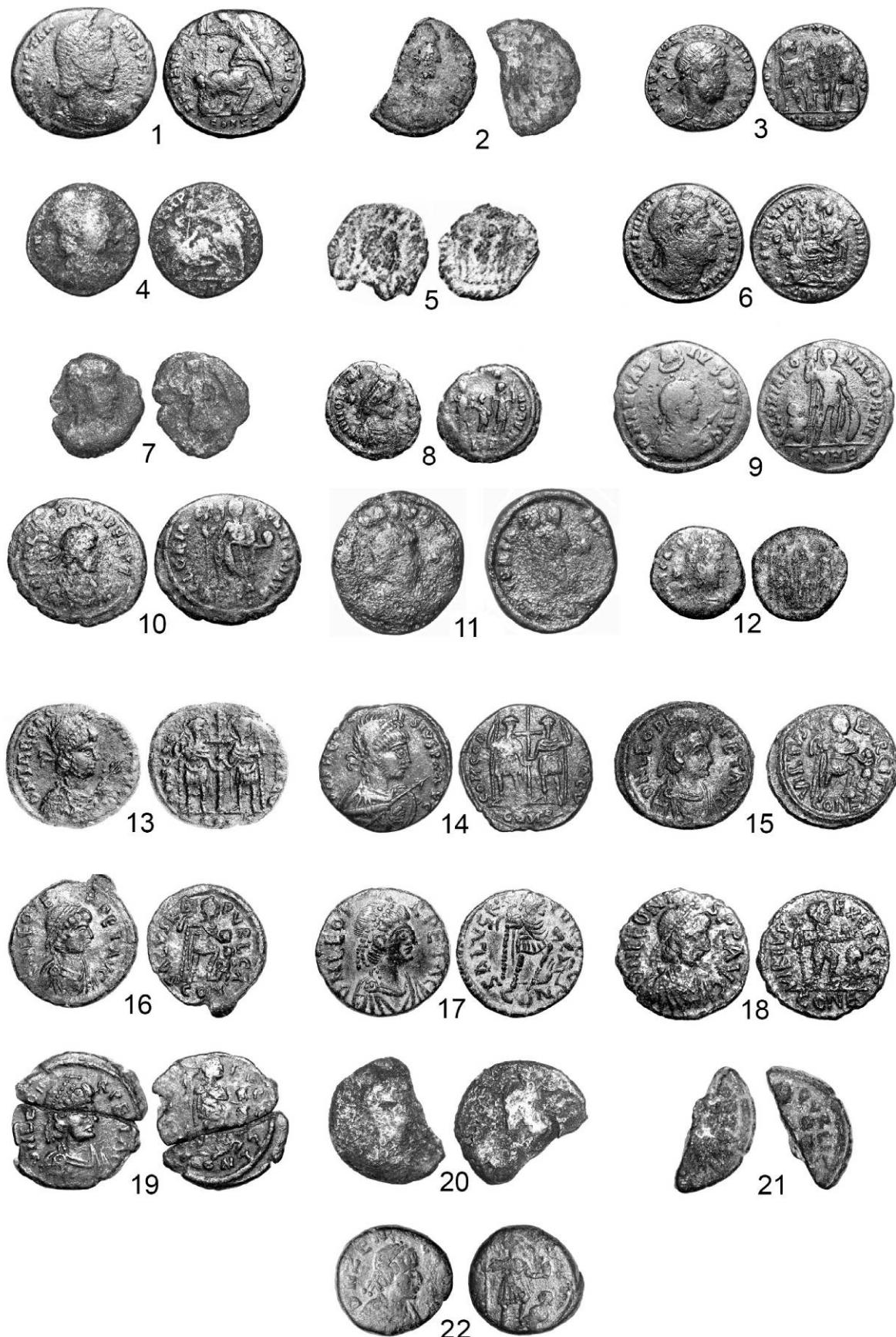

Рис. 7. Монеты римских и византийских императоров: 1 – Константин I; 2–5 – Констанций II; 6 – Констант; 7 – Валент; 8 – Гонорий; 9–12 – Аркадий; 13–14 – Феодосий II; 15–21 – Лев I; 22 – Зенон

Рис. 8. Монеты византийских императоров: 23 – Анастасий; 24–26 – Юстин I;
27–29 – Юстиниан I; 30–31 – Юстин II

V

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 930.85

DOI 10.5281/zenodo.3491799

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА КНЯЗЯ ЯРОПОЛКА: ФАКТЫ ПРОТИВ МИФОВ

КОЗЛОВ М.Н.

Севастопольский государственный университет

В статье представлен анализ религиозной политики одного из самых успешных древнерусских правителей – киевского князя Ярополка Святославича. Исследование проводилось в рамках проблемно-хронологического и историко-аналитического методов научного исследования. Основываясь на данных древнерусских летописей, сообщениях германских хронистов и материалах археологических исследований реконструированы основные принципы религиозной политики предшественника Владимира Святославича на киевском престоле в начальный период его правления. Проведен детальный анализ религиозной политики князя Ярополка Святославича накануне его гибели. Сделан вывод о существовании связи между попыткой Ярополка провести христианизацию восточнославянских земель и его последующей гибелью вследствие предательства собственных воевод.

This article presented an analysis of the religious policy of one of the most successful ancient Russian rulers – Kiev Prince Yaropolk Svyatoslavich. The study used the problem-chronological and historical-analytical methods of scientific research. The basic principles of the religious policy of the predecessor Vladimir Svyatoslavich on the Kiev throne in the initial period of his reign are reconstructed on the basis of the data of ancient Russian chronicles, reports of German chroniclers and materials of archaeological research. The detailed analysis of the religious policy of Prince Yaropolk Svyatoslavich on the eve of his death is also carried out in the article. The author points to an obvious connection between his attempt to Christianize the Eastern Slavic lands and the subsequent death of Yaropolk as a result of the betrayal of his own commanders.

Ключевые слова: Ярополк, Владимир, религиозная политика, христианизация, священники, католицизм, православная община.

Key words: Yaropolk, Vladimir, religious policy, Christianization, priests, Catholicism, Orthodox community.

В отечественной истории остается еще немало белых пятен. Так, нам практически ничего неизвестно о восьмилетнем правлении одного из самых успешных древнерусских князей – Ярополка Святославича. В «Повести временных лет» описания событий, связанных с его правлением практически отсутствуют. Летописец упомянул о нем лишь вскользь, в связи с деятельностью других князей – Святослава, Олега и Владимира. В большинстве других древнерусских летописей лишь повторяется информация, сообщенная в «Повести временных лет». Исключение составляют относительно поздние Никоновская и Иоакимовская летописи. В первой из них можно найти уникальное описание нескольких исторических событий, произошедших в период правления князя Ярополка. Большой интерес представляет в этой связи также компилятивная Иоакимовская летопись, содержащая драгоценную информацию, относящуюся ко времени правления князя Ярополка.

Согласно данным Никоновской и Иоакимовской летописей, старший сын Ярослава был успешным правителем, разгромившим кочевников на юге своего государства. Самые могущественные правители того времени: византийский и германский императоры обменивались посольствами с Русью именно во время его княжения. По какой же причине эпоха правления Ярополка Святославича была фактически предана забвению отечественными летописцами? Единственной причиной данного феномена могла стать его религиозная политика, идущая вразрез с идеологической традицией, созданной на Руси в XI–XII веках.

В отечественной исторической науке Ярополк Святославич представляется малозначительным князем-неудачником. Большинство отечественных исследователей упоминают о нем в своих трудах лишь как о предшественнике князя Владимира Святославича, случайно на небольшой период времени попавшем на киевский престол [3, с. 478–479], [5, с. 125].

Е.Е. Голубинский и С.М. Соловьев указывали в своих сочинениях на важную роль религиозного фактора в гражданской войне в Древней Руси 980 г., однако детального анализа религиозной политики князя Ярополка Святославича они не представили [2, с. 148], [17, с. 166–167].

В позднее советское время, в связи с 1000-летием Крещения Руси появилось значительное количество публикаций, посвященных анализу причин и предпосылок христианизации древнерусского государства. В этой связи в целом ряде трудов отечественных исследователей князь Ярополк Святославич упоминался в качестве покровителя христиан, чье правление подготовило почву для будущей христианизации восточнославянских земель [14, с. 213–214], [15, с. 198–204], [16, с. 187].

В немногочисленных современных исследованиях, посвященных правлению князя Ярополка Святославича, отечественные ученые полемизируют между собой на тему религиозной принадлежности киевского князя, либо пытаются уточнить причины гражданской войны между сыновьями князя Святослава Игоревича [8], [11].

Таким образом, несмотря на то, что период правления князя Ярополка Святославича неоднократно упоминался в трудах отечественных ученых, его внутренняя, в том числе и религиозная политика, до сих пор не стала объектом исторического исследования. Исторический анализ религиозной политики князя Ярополка Святославича – основная цель данной статьи.

Как свидетельствуют письменные источники и данные археологии, на протяжении второй половины IX – первой половины X вв. киевские князья вели жесткую и бескомпромиссную борьбу с местными племенными элитами, проводившими сепаратистскую политику. Союзниками родовых и племенных старейшин традиционно выступали служители языческого культа.

Скрытая борьба за власть между князьями и жрецами происходила и в самом Киеве. Не случайно, в «Повесть временных лет» попала любопытная легенда о конфликте князя Олега с волхвами, закончившаяся гибелью «вещего князя» [12, с. 20]. О том, что его гибели предшествовал жесткий конфликт с киевскими служителями языческого культа, свидетельствует целый ряд других письменных источников [7, с. 65–67].

Киевские правители были тесно связаны торговыми интересами с Византией. Кроме того, для управления своими вотчинами местная элита охотно нанимала в соседних землях грамотных людей, которыми чаще всего оказывались христиане. Немало христиан было и среди норманнов-наемников, составлявших значительную часть дружины киевского властителя. Неудивительно, что киевские князья оказывали всяческую поддержку местной христианской общине. Христиане Киева, в свою очередь, были опорой власти местных правителей. Вместе с тем, огромное влияние, как в столице Руси, так и в целом в восточнославянских землях, сохранили жрецы, враждующие не только с христианами, но и с русскими князьями.

В истории Руси IX–X вв. отчетливо просматривается три варианта религиозной политики, проводимой различными восточнославянскими правителями. Первая из них – открытая христианизация была наиболее выгодна киевским правителям, поскольку она ставила вне закона служителей языческого культа, но вместе с тем, гарантированно вызывала возмущение во многих восточнославянских землях. К данному варианту склонились князь Аскольд и Ольга.

Правление князя Святослава представляет собой яркий образец антихристианской религиозной политики.

Оптимальной, по нашему мнению, являлась нейтральная религиозная политика, заключающаяся в том, что правитель древнерусской державы, не склоняясь открыто к христианству, оказывал всяческое покровительство христианской общине. Такой политики, видимо, придерживался князь Игорь. Это позволило киевскому князю значительно усилить свою власть, не вступая в открытое противостояние с местными жрецами. Об этом свидетельствует обнаруженные в центре тогдашнего Киева во время археологической экспедиции 1970–1972 гг. развалины княжеского дворца, построенного в 30–40 гг. X в. Когда-то это было монументальное здание, состоявшее из нескольких этажей. Остатки фресковой росписи желтого, красного, синего, зеленого цветов, осколки разноцветной керамической плитки, куски мрамора указывают на то, что дворец был богато украшен [20, с. 28–29]. Предшественники князя Игоря жили за пределами древнего Киева в поселке Угорское. Появление княжеского дворца в центре Киева убедительно свидетельствует об укреплении велиокняжеской власти в 30–40 гг. X века.

Усиление могущества киевских властителей в эпоху правления князя Игоря привело к значительному усилению и местной христианской общине. На это указывает отрывок из текста мирного договора русичей с византийцами 944 г., в котором сообщается о том, что во время процедуры заключения мира первой клялась Богом христианская часть дружины, а затем уже Перуном клялись язычники [12, с. 24].

В период правления княгини Ольги, пытавшейся распространить христианство на все восточнославянские земли, влияние христианской общины Киева должно было значительно усилиться. Языческая реакция, организованная ярым сторонником язычества князем Святославом, во время которой «христиане многие из вельмож смерть многие приняли и весьма от неверных ругаемы были» [18, с. 57], видимо, коснулась лишь некоторых представителей киевской элиты христианского вероисповедания, названных в Иакимовской летописи вельможами.

Таким образом, ко времени гибели князя Святослава в Киеве должны были существовать две влиятельные религиозные общины: христиане и язычники. В начальный период правления Ярополк, подобно своему деду Игорю в религиозной политике придерживался принципа нейтралитета – он не решился открыто принять христианство, опасаясь языческой реакции, но в то же время лояльно относился к христианам. Автор Иоакимовской летописи сообщает по этому поводу следующее: «Ярополк же был муж кроткий и милостивый ко всем, любящий христиан, и хотя сам не крестился народа ради, но никому не запрещал» [18, с. 57].

Нейтральная внутренняя политика способствовала усилению внешнеполитического положения Древней Руси. Согласно Никоновской летописи Ярополк одержал большую победу над печенегами и обезопасил на долгое время южные границы своих владений:

«В лето 6486. Победи Ярополк печенеги и въложы на них дань.

В лето 6487. Прииде печенежский князь Илдея, и был челом Ярополку в службу; Ярополк же принял его, и даде ему грады и власти, и имаще его в чести велице. Того же лета придоша послы от греческого царя к Ярополку, и взяша мир и любовь с ним, и яшася ему за данью, яко же и отцу его и деду его» [13, с. 39].

Как следует из Никоновской летописи, Ярополк был достаточно успешным правителем. Он победил печенегов и даже поселил некоторых из них на окраине своих земель, обменивался посольствами с Византией. В летописях не сообщается ничего о сепаратистских выступлениях восточнославянских племенных союзов, что косвенно свидетельствует о стабильности внутри Киевского государства. Усиление Киевского государства в начале правления Ярополка свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии открытого конфликта между киевским князем и жречеством, с другой, о прекращении преследования христиан в Киевском государстве. Не случайно в Татищевской летописи сообщается о «всеобщей любви и тишине», наступившей в Киевском государстве после вождения там Ярополка [19, с. 41].

Самым удачным для Ярополка стал 977 г., когда согласно «Повести временных лет», после гибели одного его брата – Олега – и бегства в Норвегию другого брата – Владимира – киевский князь стал правителем всей Руси.

Но уже в 980 г., согласно «Повести временных лет», ситуация резко изменилась. Владимир со сравнительно небольшой дружиной новгородцев и наемников-варягов смог за короткий срок захватить все восточнославянские земли, включая Киев, и руками воевод Ярополка убить бывшего правителя Руси. Что же произошло за эти три года?

Разгадкой данного феномена может послужить строка из Никоновской летописи, в которой сообщается о приходе в Киев папского посольства в 979 г.: «Того же лета приидаша послы к Ярополку из Рима от папы» [13, с. 39]. Подтверждением этого летописного сообщения могут послужить зарубежные источники – «Житие блаженного Ромуальда» Петра Дамиани и «Хроника» Адемара Шабаннского, в которых сообщается о просьбе правителя Руси в 978–979 гг. к главе Западной церкви прислать миссионеров в Киев [4, с. 88, 90–91].

Приглашение христианских миссионеров должно было послужить своеобразным объявлением войны древнерусским язычникам. Вероятно, рассчитывая на поддержку киевских христиан, Ярополк решил избавиться от опеки служителей языческого культа. Однако, по-видимому, он недооценил влияние древнерусского жречества. Согласно данным археологии, в Киеве и других полянских землях во второй половине X в. действительно было немало христиан. Так, захоронений по обряду трупоположения в исследованных курганах обнаружено 117, трупосожжения 14. Большинство из захоронений с трупоположениями безинвентарны, скелеты положены в небольшие грунтовые ямы головой на запад, что вполне соответствует христианской обрядности [1, с. 89].

Однако в других восточнославянских землях еще в полной мере господствовало язычество. Захоронений, соответствующих христианской обрядности, исследователи зафиксировали единицы. Не удивительно, что воеводы других восточнославянских племен, согласно Иоакимовской летописи, «не подчинились Ярополку и согласились предать полк Владимиру» [18, с. 58]. Большой интерес вызывает также строка из Иоакимовской летописи, в которой сообщается о том, что «Ярополк не любим в народе, потому что дал христианам свободу великую» [18, с. 58].

То, что Ярополк имел немалые заслуги в деле распространения христианства, видно и из сообщения «Повести временных лет» под 1044 г.: «Выгребоша (князь Ярослав – М.К.) два князя Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиша кости ею, и положиша я в церкви святой Богородицы» [12, с. 67].

Но и среди киевских христиан Ярополк, вероятно, нашел существенной поддержки. Местная православная община, видимо, настороженно встретила высокопоставленную делегацию Западной церкви. Не случайно, согласно «Повести временных лет», киевляне открыто вели переговоры с воеводами Владимира о сдаче своего князя противнику: «Рече же Блудъ Ярополку: Кияне слются къ Володимеру, глаголюще: Приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка» [12, с. 66].

Ярополк в этом отрывке из «Повести» выглядит наивной жертвой коварных интриг одного человека. Но возможно ли, чтобы киевский князь вовсе не знал ситуации в столице? Как и любой правитель, Ярополк, должен был иметь сеть шпионов и прекрасно знал настроения жителей города. Содержание переговоров между киевлянами и Владимиром должно было быть хорошо известно Ярополку и без сообщений Блуда. Если бы великий киевский князь чувствовал сильную поддержку киевлян, то не послушал бы уговоров своего воеводы и не бежал бы в Родень.

Исследователи обратили внимание на то, что в Родне подавляющее количество захоронений второй половины X в. соответствует христианскому, а не языческому погребальному обряду (безинвентарное трупоположение в грунтовых ямах с ориентировкой головы на запад) [10, с. 114–121]. Бегство князя – покровителя христиан в христианское поселение представляется вполне закономерным.

Строительство Владимиром в Киеве и Новгороде сразу после прихода к власти больших языческих святилищ с богато украшенными идолами восточнославянских богов выглядит как своеобразная плата древнерусским жрецам за помощь в борьбе со своим братом: «*И нача княжити Володимеръ въ Киевъ единъ, и постави кумиры на холму въ дворъ теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричуше я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху б'сомъ, и оскверняху землю требами свои. И осквернился кровыми земля Руска и холм тотъ. Но преблагий Богъ не хотя смерти гр'ышникомъ, на томъ холмъ нынъ церкви стоить, святаго Василья есть, яко же постыди скажемъ. Мы же на преднее възратимся. Володимеръ же посади Добрыну, уя своего, в Нов'городъ. И пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ р'кою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу» [12, с. 67].*

Новые святилища, посвященные покровителю князя Владимира Перуну были построены во многих других областях восточнославянского мира [6, с. 176–177].

Косвенным доказательством каких-то договоренностей между князем Владимиром и жрецами Киева может послужить тот факт, что, сразу после прихода к власти Владимир выслал из столицы большую часть варягов-наемников. Согласно «Повести временных лет» варяги-христиане составляли основу христианской общины Киева: «*мнози бо б'шиа варязи хрестяни*» [12, с. 26].

Таким образом, можно прийти к выводу, что в начальный период своего правления Ярополк придерживался нейтральной религиозной политики. Он не принимал открыто христианство, однако оказывал поддержку христианской общине Киева. В конце 70-х гг. X в. князь попытался распространить западное христианство на восточнославянских землях. Недовольством подданных старшего брата воспользовался князь Владимир Святославич, организовавший мятеж против Ярополка и его гибель. Попытка распространить западную веру на древнерусских землях вполне могла послужить причиной того, что правление князя Ярополка практически не освещено в древнерусских летописях, написанных православными клириками.

Источники и литература.

1. Боровский Я.Е. Мифологический мир древних киевлян. К.: Наукова думка, 1982. 103 с.
2. Голубинский Е.Е. История русской церкви. М.: Типография А. Стасюлевича, 1913. Т. 1. 986 с.
3. Грушевський М.С. Історія України-Русі. К.: Наукова думка, 1991. Т. 1. 648 с.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. 4. Западноевропейские источники. 512 с.
5. Карамзин Н.И. История государства Российского. М.: Эксмо, Т. 1–6. 1022 с.
6. Козлов М.Н. Восточнославянское язычество: От рождения до гибели богов. М.: Вузовский учебник. Инфра, 2017. 296 с.
7. Козлов М.М. Місце та роль служителів язичницького культу в релігійному та політичному житті східних слов'ян (IX–XI ст.). Миколаїв: Видавництво МДГУ ім. Петра Могили, 2007. 360 с.
8. Королев А.С. К вопросу о причинах первой усобицы русских князей // Преподаватель XXI век. 2011. № 4. Ч. 2. С. 247–255.
9. Костромин К.А. Князь Ярополк и запад // Запад–Россия–Восток в исторической науке XXI века: научные

- парадигмы и исследовательские новации. Материалы международной конференции в честь 100-летия СГУ / под общ. ред. Ю.В. Варфоломеева. СПб.: Издательство СГУ, 2010. С. 119–123.
10. Мезецева Г.Г. Канівське поселення подолян. К.: Наукова думка, 1965. 326 с.
11. Назаренко А.В. Был ли крещен киевский князь Ярополк Святославич, или кое-что об «исторической реальности» // Византийский временник. 2006. Т. 65 (90). С. 66–72.
12. Повесть временных лет / под ред. и с пред. В.П. Адриановой-Перетц. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 239 с.
13. ПСРЛ. Т. 9. Русская летопись по Никонову списку. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 734 с.
14. Рамм Б.Я Католическая экспансия на Руси в X–XI вв. // Крещение Руси в трудах русских и советских историков. М.: Мысль, 1988. С. 199–227.
15. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства. М.: Наука, 1988. 416 с.
16. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 342 с.
17. Соловьев С.М. История России с древнейших времен в восемнадцати книгах. Книга 1. М.: Мысль, 1988. Т. 1–2. 798 с.
18. Татищев В.Н. История Российская. М.: ACT, 2003. Т. 1. 571 с.
19. Татищев В.Н. История Российской. М.: ACT, 2003. Т. 2. 735 с.
20. Толочко П.П. Древний Киев. К.: Наукова думка, 1989. 326 с.

References.

1. Borovskii Ia.E. Mifologicheskii mir drevnikh kievljan. К.: Naukova dumka, 1982. 103 s.
2. Golubinskii E.E. Istoriiia russkoi tserkvi. M.: Tipografia A. Stasiulevicha, 1913. T. 1. 986 s.
3. Grushevs'kii M.S. Istoriiia Ukrayini-Rusi. К.: Naukova dumka, 1991. T. 1. 648 s.
4. Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: Khrestomatiia / pod red. T.N. Dzhakson, I.G. Konovalovo. M.: Russkii fond sodeistviia obrazovaniia i nauke, 2010. T. 4. Zapadnoevropeiskie istochniki. 512 s.
5. Karamzin N.I. Istoriiia gosudarstva Rossiiskogo. M.: Eksmo, T. 1–6. 1022 s.
6. Kozlov M.N. Vostochnoslavianskoe iazychestvo: Ot rozhdeniia do gibeli bogov. M.: Vuzovskii uchebnik. Infra, 2017. 296 s.
7. Kozlov M.M. Misce ta rol' sluzhyteliv jazychnyc'kogo kul'tu v religijnomu ta politychnomu zhytti shidnyh slov'jan (IX–XI st.). Mykolai'v: Vydavnyctvo MDGU im. Petra Mogly, 2007. 360 s.
8. Korolev A.S. K voprosu o prichinakh pervoi usobitsy russkikh kniazei // Prepodavatel' XXI vek. 2011. № 4. Ch. 2. S. 247–255.
9. Kostromin K.A. Kniaz' Iaropolk i zapad // Zapad–Rossiia–Vostok v istoricheskoi nauke XXI veka: nauchnye paradigmy i issledovatel'skie novatsii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii v chest' 100-letiia SGU / pod obshch. red. Iu.V. Varfolomeeva. SPb.: Izdatel'stvo SGU, 2010. S. 119–123.
10. Mezeceva G.G. Kaniv'ske poselennja podoljan. К.: Naukova dumka, 1965. 326 s.
11. Nazarenko A.V. Byl li kreshchen kievskii kniaz' Iaropolk Sviatoslavich, ili koe-cto ob «istoricheskoi real'nosti» // Vizantiiskii vremennik. 2006. Т. 65 (90). S. 66–72.
12. Povest' vremennykh let / pod red. i s pred. V.P. Adrianovoi-Peretts. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 239 s.
13. PSRL. Т. 9. Russkaia letopis' po Nikonovu spisku. Ch. 1. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 734 s.
14. Ramm B.Ia Katolicheskaia ekspansiia na Rusi v X–XI vv. // Kreshchenie Rusi v trudakh russkikh i sovetskikh istorikov. M.: Mysl', 1988. S. 199–227.
15. Rapov O.M. Russkaia tserkov' v IX – pervoi treti XII vv. Priniatie khristianstva. M.: Nauka, 1988. 416 s.
16. Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie kniazhestva XII–XIII vv. M.: Nauka, 1982. 342 s.
17. Solov'ev S.M. Istoriiia Rossii s drevneishikh vremen v vosemnadtsati knigakh. Kniga 1. M.: Mysl', 1988. T. 1–2. 798 s.
18. Tatishchev V.N. Istoriiia Rossiiskaia. M.: AST, 2003. T. 1. 571 s.
19. Tatishchev V.N. Istoriiia Rossiiskaia. M.: AST, 2003. T. 2. 735 s.
20. Tolochko P.P. Drevniy Kiev. К.: Naukova dumka, 1989. 326 s.

Козлов М. Н. Религиозная политика князя Ярополка: факты против мифов / Козлов М. Н. // Причерноморье. История, политика, культура. – Серия А : Античность и средневековье. – 2019. – № XXX (IX). – С. 88–94.

Kozlov M. N. Religious policy of Prince Yaropolk: facts against myths / Kozlov M. N. // The Black Sea region. History, politics, culture. – Series A : Antiquity and the Middle Ages. – 2019. – № XXX (IX). – P. 88–94.

ОБ АВТОРЕ

Козлов

Михаил Николаевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры «История» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета
E-mail: kmn_75@mail.ru

Kozlov

Mikhail Nikolaevich

Doctor of History, Professor at the Department of History, Sevastopol State University.
E-mail: kmn_75@mail.ru

УДК: 94(477.75)“1475–1532”

DOI 10.5281/zenodo.3491811

К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА ОТ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVI ВЕКА

КРАВЧЕНКО И.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В статье изучена история крымско-османских отношений последней четверти XV – начала XVI века. Определена степень зависимости Крымского ханства от Османской Империи во внешнеполитических вопросах в это время. Сделан вывод, что зависимость Крыма от Османов в период правления Менгли Герая была незначительной, и внешняя политика ханства лишь отчасти соответствовала османскому курсу.

The article studies the history of Crimean-Ottoman relations in the last quarter of the 15th – beginning of the 16th century. The degree of dependence of the Crimean Khanate on the Ottoman Empire in foreign policy issues at this time is determined. It is concluded that the dependence of the Crimea on the Ottomans during the reign of Mengli Gerai was insignificant, and the foreign policy of the Khanate only partially corresponded to the Ottoman course.

Ключевые слова: Крымское ханство, Османская Империя, Менгли Герай, Крым.

Key words: Crimean Khanate, Ottoman Empire, Mengli Gerai, Crimea

Вторая половина XV в. является важным периодом в истории Крымского ханства. Именно на это время приходится становление и укрепление его независимости и, в то же время, попадание ханства в вассальную зависимость от Османской Империи. При этом, во внешнеполитическом позиционировании Крымского ханства прослеживается двойственность: подчинение Османской Империи и ее внешнеполитическому вектору, и одновременно с этим позиционирование себя в качестве единственного законного преемника Золотой Орды. Это обстоятельство и делает исследование крымско-османских отношений в рассматриваемый период весьма актуальным.

В отечественной историографии этой проблемы прослеживаются две тенденции: либо Крым считается полностью зависимым от Османской Империи с 1475 г. [11], либо, напротив, сохраняет фактическую независимость до начала XVII в. [2].

Ответ на вопрос о зависимости внешней политики Крыма от османских властей содержится в ряде источников, в том числе в русских и молдавских летописях [1], [10], а также в дипломатической переписке той эпохи [7], [12].

В начале 1475 г. в Крымском ханстве сложилась непростая внутриполитическая обстановка. Менгли Герай был свергнут с престола нелояльной аристократией под предводительством Эминека – главы клана Ширин. Низложенный хан укрылся в генуэзской Каффе, в то время как верные Эминеку силы начали вялотекущую осаду города [2, с. 44–48]. Этой ситуацией не могли не воспользоваться турки, уже давно присматривавшиеся к генуэзским владениям в Крыму (о чем свидетельствует экспедиция, предпринятая ими еще в 1454 г.) [5, с. 126, 128].

В начале мая 1475 года турки собрали крупную эскадру в Константинополе. Ее задачей было завоевание крымского побережья [6, с. 9]. 20 мая эскадра выдвинулась на восток, к Синопу, после чего повернула на север, к Каффе, и достигла ее 31 мая. Мятежные татары Эминека примкнули к туркам, в то время как немногочисленные сторонники

Менгли Герая оказались осаждены в городе. Каффа подверглась нещадной ежедневной бомбардировке со стороны турок. На 5-й день осады город пал из-за бунта местного населения, направленного против генуэзского владычества.

Антигенуэзские настроения местных армян и греков объясняются непродуманной внутренней политикой последнего консула, не пожелавшего сделать выбор между двумя армянскими кандидатами в епископы, из-за чего обе партии были оскорблена и выступили против генуэзцев в решающий момент [7, с. 169].

Столица генуэзских владений в Причерноморье, считавшаяся наиболее совершенной крепостью региона, бесславно пала меньше, чем за неделю. Находившийся в крепости Менгли Герай был схвачен и отправлен в почетный плен в Константинополь. Гедык-Ахмед-паша, руководитель армии вторжения, продолжил покорение генуэзских владений: были захвачены Матрега, Копа, Тана, Солдайя. Археологические слои пожара и разрушения, относящиеся к 1475 г., были найдены в Лусте, Гурзуфе, Симеизе, монастыре Ай-Тодор, а также в Чембало [8, с. 444–479]. Последним потеряло свою независимость княжество Феодоро (Готия), чья столица город Мангуп (Феодоро) продержалась до декабря [9, с. 174–184].

События 1475 г. кардинально изменили расклад сил в регионе и ознаменовали новую страницу в истории Крымского ханства.

Крымский престол переходил из рук в руки: за ханский титул боролись братья Менгли Герая: Айдер и Нур-Давлет. Последний уже успел посидеть на престоле, и был в свое время смешен Менгли. В конечном итоге именно Нур-Давлет утвердился на троне, его правой рукой стал Эминек. В это время османский султан Мехмед II потребовал участия крымских отрядов в его новом молдавском походе. Эминек, обязанный своей властью султану, вынужден был подчиниться и увести войска на северо-запад. Это обстоятельство позволило ордынскому царевичу Джанибеку занять Крым в 1476 г. [2, с. 56]. Джанибеку не удалось долго продержаться у власти, и вскоре Нур-Давлет вернул ее себе. Между ханом и Эминеком возник конфликт, который в условиях угрозы со стороны Большой Орды мог обернуться катастрофой для крымской государственности.

Мехмед II, очевидно, понимал всю тяжесть ситуации и уязвимость Крыма. В пользу этого говорит его письмо хану Большой Орды Ахмату, в котором он предостерегает его от дальнейших попыток захватить Крым [12, с. 243–244]. В стремлении восстановить Золотую Орду хан Ахмат, очевидно, выступал против утверждения османской власти над Крымом, и искал союза с врагами султана [3, с. 88–89]. Именно это обстоятельство, по-видимому, убедило Мехмеда в необходимости поддержать восстановление крепкой государственности в Крыму.

После трех лет османского плена в Крым, с одобрения султана, вернулся Менгли Герай, который сразу же былдержан крымской аристократией и утвержден на троне. Его братья бежали в Литву. Крымское ханство восстановило внутриполитическое единство, однако, оказалось в зависимости от Константинополя, так как хан был обязан своей властью лично султану.

Новый статус крымского хана не мог не повлиять на внешнюю политику ханства. Теперь она определенным образом согласовывалась с экспанссионистской политикой Османов. В 1476 г. туркам удалось разбить армию молдавского Господаря Стефана в битве в Белой долине, что привело к временному подчинению Молдавии туркам [10, с. 65]. В 1479 г. турки заключили мирное соглашение с венецианцами, что позволило им в 1480 году захватить город Отранто в Италии. Отранто рассматривался султаном как плацдарм для будущих завоеваний, но в 1481 г. Мехмед умер. Смерть великого завоевателя на некоторое время прекратила османскую экспансию, так как новый султан Баязид II был куда более озабочен угрозой со стороны своих братьев, нежели внешней политикой [4, с. 20].

Таким образом, смерть Мехмеда положительно сказалась на статусе Крымского ханства, которое получило некоторую свободу действий в силу двух важных факторов. Во-первых, Менгли Герай был обязан властью лично Мехмеду, и его смерть развязывала хану руки, во-вторых, Баязид II вел умеренную внешнюю политику (до плена своего брата Джема), и крымские дела представлялись ему безынтересными.

Тем не менее, внешняя политика Крыма и в дальнейшем кардинально не противоречила турецкой (например, острое противостояние Крыма и Польши в 1482–1507 гг. согла-

суется с польско-турецким конфликтом 1485–1503 гг., при этом до турецкого вторжения Крым долгое время был союзником польско-литовских государей). Однако при этом крымские ханы решали собственные внешнеполитические задачи. Основной было отставание независимости от Большой Орды, стремившейся в свою очередь восстановить единство Золотой Орды, что подразумевало покорение Крыма.

В тот момент в Восточной Европе сложилось два условных противоборствующих союза (разумеется, не все их участники юридически являлись союзниками): государства, находящиеся под властью династии Ягеллонов и их союзники (Польша, Литва, Большая Орда), и анти-Ягеллоновская коалиция (Россия, Крым, Молдавия). Османская Империя также вела борьбу с Ягеллонами, причем на еще более широком фронте (Венгрия с 1490 г. также перешла под их контроль).

Периоды активных боевых действий между Османской Империей и Польшой использовались крымцами и русскими для нападений на Литву. Например, начало Пограничной войны 1487–1494 гг. следует вскоре после начала войны 1485–1503 гг. Затем, за опустошительным турецким вторжением на территорию Польши в 1499 г., следует начало очередной русско-литовской войны 1500–1503 гг. Именно в ходе этих конфликтов Крымскому ханству удалось одержать целый ряд решающих побед над Большой Ордой, которая была окончательно разгромлена Менгли Гераем 15 июня 1502 г. в среднем течении Днепра [2, с. 76]. С этого момента Крымский хан присвоил себе титул «хакана», что подразумевало претензию на власть над всем пространством, некогда входившим в состав Золотой Орды [13, с. 39]. Что интересно, новый титул хана был выше титула его формального сюзерена – османского султана.

Таким образом, в этот период Крымский хан скорее использовал Османскую Империю для решения собственных внешнеполитических задач. Принятие им нового титула свидетельствовало о восприятии себя в качестве независимого и самостоятельного правителя.

Вышеописанные события и внутренняя нестабильность внутри самой Османской Империи привели к тому, что Крымское ханство само начало оказывать влияние на государство Османов, принимая участие в усобице между сыновьями султана.

Принцы Ахмед и Селим схватились за право наследовать отцовский престол еще при живом отце – султане Баязиде II. Первоначально Селим потерпел поражение от Ахмеда и вынужден был бежать в Кефе (Каффу), где ему удалось заручиться помощью Крымского хана. Хан передал принцу военный отряд под руководством своего сына – Саадет Герая [2, с. 93–95]. С этими силами Селим выступил на Константинополь, на его сторону перешли янычары, что и позволило принцу разбить брата и заставить отца отречься от престола [4, с. 24]. Что интересно, Ахмед был старше и имел больше прав на престол. Таким образом, в этом конфликте Крымское ханство откровенно выступило против законного наследника и правящего султана, что красноречиво свидетельствует о политических амбициях Менгли Герая к концу его правления.

Однако именно это вовлечение Крымского ханства во внутриосманскую политику в конечном итоге и привело к началу полной политической зависимости от Османов. Саадет Герай, ставший после вышеописанных событий зятем и одним из наиболее доверенных людей султана Селима Явзуза, после своего воцарения в Крыму в 1524 г., привнес многие традиции османского двора в Крым: реорганизовал его штат по турецкому образцу, ввел практику братоубийства (до этого в династии Гераев к ней не прибегали), умертвив своих братьев-соперников, вел протурецкую внешнюю политику. Это стало началом полного турецкого контроля над Крымом. Однако процесс этот затянулся, и окончательное подчинение Крыма (когда ханов стали выбирать из династии Гераев по приказу из Константинополя), произошло только в XVII в.

Таким образом, процесс подчинения Крымского ханства Османской Империей начался с завоеванием Южного Крыма турками в 1475 г. и занял очень значительное время. Период правления Менгли Герая и его сына Мехмед Герая характеризуется большой степенью независимости ханства. Значительную часть рассматриваемого периода Крымское ханство вело самостоятельную внешнюю политику, лишь в общих чертах пытаясь не противоречить турецким интересам (например, хотя Крым и боролся с Ягеллонами подобно Османам, в то же время хан мог позволить себе союз с Господарем Молдавии Стефаном Великим – одним из главных противников турок в регионе [1, с. 33–34]).

Основной задачей Крыма была победа над Большой Ордой, рассматривавшей Крым как мятежную отколовшуюся провинцию Орды. После выполнения этой задачи титулатура Крымского хана изменилась и стала подражать титулатуре ханов Золотой Орды. Это обстоятельство выразилось не только в формальных признаках, но и наложило определенный отпечаток на внешнюю политику государства.

Крым начал борьбу с Россией за господство над осколками Золотой Орды (Казань, Хаджи-Тархан), а также оказывал влияние на Османскую Империю, принимая участие в ее внутренних делах, и даже открыто выступая против законного султана. После смерти Менгли Герая и особенно после хаоса, охватившего Крым в связи с гибелью Мехмед Герая, Крымское ханство начало терять самостоятельность. Воцарение Саадет Герая, длительное время прожившего при османском дворе, усугубило этот процесс.

Таким образом, крымско-османские отношения в рассматриваемый период делятся на несколько этапов:

1. Завоевание Крыма и полное подчинение османским интересам – 1475–1478 гг.
2. Возвращение Менгли Герая на престол по воле Мехмеда II, существенная оглядка на позицию султана – 1478–1481 гг.
3. Правление Баязида II, проведение самостоятельной внешней политики с незначительной оглядкой на турецкую позицию, обретение титула «хакан» – 1481–1524 гг.
4. Воцарение Саадет Герая и начало углубления зависимости Крыма от Османской Империи – 1524–1532 гг.

Если в период правления Менгли Герая зависимость от Константинополя была иллюзорной, то при его преемниках она углубляется. Наибольших масштабов этот процесс достигает в правление Саадет Герая. Сделанный вывод является компромиссом между двумя крайними точками зрения отечественной историографии на этот вопрос.

Источники и литература.

1. Бистрицкая летопись // Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / под ред. Ф.А. Грекул. М.: Наука, 1976. С. 24–35.
2. Гайворонский О. Повелители двух материков. Том I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. К.–Бахчисарай: Оранта; Майстерня книги, 2007. 367 с.
3. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М.: Рудомино, 2004. 216 с.
4. Ихсаноглу Э. История Османского государства, общества и цивилизации. М.: Восточная литература, 2006. 602 с.
5. Колли Л.П. Хаджи–Гирей и его политика (по генузским источникам). Взгляд на политические сношения Каффы с татарами в XV в. // ИТУАК. 1913. Т. 50. С. 99–139.
6. Колли Л.П. Исторические документы о падении Каффы // ИТУАК. 1911. Т. 45. С. 1–18.
7. Колли Л.П. Падение Каффы // ИТУАК. 1918. Т. 55. С. 145–174.
8. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
9. Руев В.Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Симферополь: Антиква, 2014. 308 с.
10. Путнянская I летопись // Славяно–молдавские летописи XV–XVI вв. / под ред. Ф.А. Грекул. М.: Наука, 1976. С. 62–68.
11. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской империи до начала XVIII века. СПб., 1887. 768 с.
12. Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1978. С. 234–251.
13. Эрнст Н.Л. Бахчисарайский ханский дворец и архитектор вел. кн. Ивана III фрязин Алевиз Новый // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2 (59). С. 39–55.

References.

1. Bistritskaia letopis' // Slaviano-moldavskie letopisi XV–XVI vv. / pod red. F.A. Grekul. M.: Nauka, 1976. S. 24–35.
2. Gaivoronskii O. Poveliteli dvukh materikov. Tom I. Krymskie khany XV–XVI stoletii i bor'ba za nasledstvo Velikoi Ordy. K.–Bakhchisarai: Oranta; Maisternia knigi, 2007. 367 s.
3. Zaitsev I.V. Mezhdu Moskvoy i Stambulom: Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaia imperiia (nachalo XV – pervaia polovina XVI vv.). M.: Rudomino, 2004. 216 s.
4. Ikhsanoglu E. Istoriiia Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii. M.: Vostochnaia literatura, 2006. 602 s.

5. Kolli L.P. Khadzhi-Girei i ego politika (po genuezskim istochnikam). Vzgliad na politicheskie snoshe-niiia Kaffy s tatarami v XV v. // ITUAK. 1913. T. 50. S. 99–139.
6. Kolli L.P. Istoricheskie dokumenty o padenii Kaffy // ITUAK. 1911. T. 45. S. 1–18.
7. Kolli L.P. Padenie Kaffy // ITUAK. 1918. T. 55. S. 145–174.
8. Myts V.L. Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty. Simferopol': Universum, 2009. 528 s.
9. Ruev V.L. Turetskoe vtorzhenie v Krym v 1475 godu. Simferopol': Antikva, 2014. 308 s.
10. Putnianskaia I letopis' // Slaviano-moldavskie letopisi XV–XVI vv. / pod red. F.A. Grekul. M.: Nauka, 1976. S. 62–68.
11. Smirnov V.D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi porty do nachala XVIII veka. SPb., 1887. 768 c.
12. Sultanov T.I. Pis'ma zolotoordynskikh khanov // Tiurkologicheskii sbornik. M.: Nauka, 1978. S. 234–251.
13. Ernst N.L. Bakhchisaraiskii khanskii dvorets i arkitektor vel. kn. Ivana III friazin Aleviz Novyi // ITOIAE. 1928. T. 2 (59). S. 39–55.

Сокращения.

ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ITUAK – Известия Таврической ученой архивной комиссии.

Abbreviations.

ITOIAE – Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Bulletin of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography).
ITUAK – Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii (News of the Taurida Scientific Archival Commission).

Кравченко И. В. К вопросу о зависимости внешней политики Крымского ханства от Османской империи в конце XV – начале XVI века / Кравченко И. В. // Причерноморье. История, политика, культура. – Серия А : Античность и средневековье. – 2019. – № XXX (IX). – С. 95–99.

Kravchenko I. V. Dependence of the foreign policy of the Crimean khanate on the Ottoman Empire in the late XV – early XVI century / Kravchenko I. V. // The Black Sea region. History, politics, culture. – Series A : Antiquity and the Middle Ages. – 2019. – № XXX (IX). – P. 95–99.

ОБ АВТОРЕ

КРАВЧЕНКО
Иван Витальевич

Магистрант кафедры истории средних веков, Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: kr.vaniy@mail.ru

KRAVCHENKO
Ivan Vitalyevich

Graduate Student, Department of Medieval History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
E-mail: kr.vaniy@mail.ru

УДК 94(477.75)“07–09”

DOI 10.5281/zenodo.3491821

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: МОГАРИЧЕВ Ю.М., САЗАНОВ А.В., СОРОЧАН С.Б.
КРЫМ В «ХАЗАРСКОЕ» ВРЕМЯ (VIII – СЕРЕДИНА X В.): ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
И АРХЕОЛОГИИ. М.: НЕОЛИТ, 2017. 744 С.**

Роменский А.А.

**Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»**

Книга Ю.М. Могаричева, А.В. Сазанова и С.Б. Сорочана освещает основные дискуссионные моменты истории раннесредневекового Крыма, роль Византии и Хазарского каганата в истории полуострова. Рассматриваются археологические комплексы VII–IX веков, политический статус и экономическое развитие Херсона, развитие Церкви и культа местных святых. Авторы приходят к выводу о незначительном влиянии в Крыму материальной культуры и политических структур Хазарского каганата. По мнению исследователей, большая часть Крыма оставалась под контролем Византии.

The book by Yu.M. Mogarichev, A.V. Sazanov and S.B. Sorochan highlights the main points of discussion in the history of early medieval Crimea, such as the role of Byzantium and the Khazar Khaganate in the history of the peninsula. The archaeological complexes of the 7th–9th centuries, the political status and economic development of Cherson, the development of the Church and the cult of local saints are considered. The authors point out that the material culture and political structures of the Khazar Kaganate are of little influence in the Crimea. According to researchers most of the territory remained under the control of Byzantium.

Ключевые слова: Хазария, археологические комплексы, византийский Херсон, жития святых, Церковь в Таврике, Готская и Фульская епархии, «поход Песаха».

Key words: Khazaria, archaeological complexes, Byzantine Cherson, Lives of Saints, Church in Tauric, Gothic and Fullae dioceses, “Pesach’s campaign”.

Незатихающая дискуссия о роли хазарского фактора в истории Восточной Европы выходит на новый уровень с появлением монографии трех известных исследователей, много лет плодотворно занимающихся изучением раннесредневекового Крыма. Коллективная работа Ю.М. Могаричева, А.В. Сазанова и С.Б. Сорочана – не первый пример успешного сотрудничества этих авторов – подводит итог их разысканиям в области крымских древностей «хазарского» периода (применяющиеся здесь кавычки не случайны – они отражают условность, острую полемичность и неоднозначность многих выводов и гипотез). На сегодняшний день в историографии соперничают несколько концепций, касающихся влияния хазар в Крыму – от безоговорочного признания хазарского господства практически на всей территории полуострова до столь же бескомпромиссного отрицания их влияние [1, с. 171–224], [3], [4], [12], [14], [16], [22]. Промежуточный, примиряющий антагонистические точки зрения выход представляет собой давно разрабатываемая С.Б. Сорочаном гипотеза о византийско-хазарском кондоминиуме в Таврике [35, с. 322–581], [38], [39], [40], [41]. Версия С.Б. Сорочана получила поддержку некоторых других специалистов [22], [23], [45, с. 140–172], [47, с. 570], однако не убедила принципиальных оппонентов [4]. Можно лишь приветствовать продолжение научных дебатов, приводящее к переосмыслению всего массива и давно известных письменных, и периодически пополняющихся археологических источников.

Структура книги, состоящей из трех частей, отражает научные интересы каждого из соавторов. Эти большие тематические блоки, связанные друг с другом лишь генеральной темой, можно рассматривать и как отдельные самостоятельные исследования. Перу московского археолога А.В. Сазанова принадлежит обзор археологических комплексов (поселений и могильников) Крыма [20, с. 25–195]. Харьковский византинист С.Б. Сорочан вновь обратился к политической и экономической истории Херсона VIII–Х вв., изменением в архитектуре города. Симферопольский историк и археолог Ю.М. Могаричев осветил основные «контрапункты» крымского прошлого этой эпохи по письменным свидетельствам [20, с. 401–663]. Наконец, предисловие к монографии, знакомящее с ролью Крыма и Хазарии в истории всего евразийского континента, написано московским исследователем В.Я. Петрухиным [20, с. 9–14].

А.В. Сазанов несколько корректирует свои прежние выводы об археологических контекстах Херсона, хронологии амфор и краснолаковой посуды. Раздел делится на две главы по хронологическому критерию: в первой рассматриваются комплексы VII – первой половины VIII в., во второй — памятники второй половины VIII–IX в. Автор жестко полемизирует с А.И. Айбабиным в вопросе о датировке базилики 1932 г. и Восточной базилики [11, с. 50–51], [20, с. 26, 113], а также характеристике комплексов в целом. Рассматривая четыре археологических контекста Херсона (слой 4 помещения 48 Портового квартала I, заполнение цистерны «Н» в помещении 21 Северного района, заполнение цистерны «Е» в XV квартале Северного района, заполнение цистерны в помещении 9А VIII квартала), А.В. Сазанов приходит к выводу о том, что их можно датировать третьей четвертью VII в. «с тенденцией к 70-м годам этого столетия» [20, с. 71]. При анализе слоев помещения 12 в Кооперативном переулке Керчи автор также не соглашается с А.И. Айбабиным, отмечая, что помещение, скорее всего, возникает в 60–70-е гг. VII в. и продолжает существовать короткое время (до конца этого столетия [20, с. 90]. Исследуются датирующие материалы археологических комплексов Сугдеи, Партенита, Солнечной долины и Тау-Кипчака. Подытоживая свои рассуждения, автор заключает, что их кухонная посуда не имеет четких аналогий с салтовской керамикой. Прослеживаются различия в орнаментации тулова посуды Сугдеи, Тау-Кипчака и Керчи, что позволяет усомниться в однородности жившего здесь населения [20, с. 104–105]. При анализе погребений отмечается, что их большая часть не связана с кочевым тюрко-протоболгарским населением, пришлый компонент был незначительным (9–10 могил) [20, с. 109–110]. Преобладание автохтонного населения, по мнению А.В. Сазанова, подтверждает версию о том, что влияние Хазарского каганата было несущественным, не выходя за рамки получения дани [20, с. 113].

Во второй главе анализируется археологический материал поселений Героевка 3, Заветное, Героевка 2, Кыз-Кермен, Тепсень, Тау-Кипчак, Кордон-Оба, Тиритака, а также Сугдеи и Херсона. Подавляющее большинство памятников, связанных с салтовской культурой, фиксируется на Керченском полуострове. Пришельцы, прибывшие во второй половине VIII в., предпочитают занимать необжитые территории и не конфликтуют с местным населением. Причину миграции А.В. Сазанов, соглашаясь в этом с другими специалистами, усматривает в арабо-хазарской войне 722–737 гг., в которой хазары потерпели поражение [6, с. 202–235], [20, с. 169–171], [43, с. 462]. Союзнические отношения с Византией позволили им беспрепятственно проникнуть в Крым.

Отдельно автор останавливается на вызывающей споры хронологии прекращения существования памятников. Анализ крымских (Тиритака, Керчь-Боспор, Судак, Херсонес, Тепсень, Кыз-Кермен, поселение у горы Опук) и таманских (Фанагория) комплексов позволяет утверждать, что «хазарские» поселения прекратили существовать во второй половине IX в., таким образом, этот факт нельзя связывать с контролерсийным «походом Песаха» (на чем настаивает В.В. Майко) [13, с. 198–199]. Автор солидаризуется с С.А. Плетневой в том, что следы хазарского господства в Крыму прослеживаются слабо, а порой вообще неразличимы [20, с. 186–187], [25, с. 169].

Как представляется, выводы А.В. Сазанова о незначительном влиянии Хазарского каганата и его материальной культуры в Крыму вполне укладываются в контекст всей раннесредневековой истории региона. К большинству государств, возникающих в это время в Восточной Европе, применим термин «сегментарная полития» – их политические

притязания и воображаемые границы далеко превышали пределы фактически контролируемых территорий, а зависимость местного населения выражалась лишь в сборе дани¹. В этом ключе примечательны и недавние наблюдения В.С. Флёрова, показавшего условность употребления по отношению к Хазарскому каганату таких терминов, как «город» и «замок» [45]. Представления о раннесредневековых политиях как могучих «империях» зиждутся лишь на историографической традиции и некритическом прочтении источников. Еще один пример такой «варварской» державы, образовавшейся позднее, представляет собой государство Рюриковичей. Фактически лишь Византия сохраняла атрибуты сильной государственности имперского типа, и ее влияние на Юго-Западе и Южном побережье Крыма несомненно.

Вторая часть монографии, написанная С.Б. Сорочаном, состоит из трех глав: политический статус и управление Херсона, его экономическое развитие и архитектурный облик. Автор неоднократно освещал различные аспекты этой проблематики в исследований, среди которых – фундаментальная монография, посвященная ранневизантийскому Херсону [30], [31], [32], [33], [34], [35], [36], [37], [42], [49, р. 58–119]. Внимательный читатель предыдущих работ мог бы предвосхитить основные выводы многолетней полемики С.Б. Сорочана и его оппонентов. Глава о политическом устройстве содержит аргументы против то и дело появляющихся в историографии предположений об особой роли самоуправления, автономии, некой склонности к независимости Херсона [20, с. 196–279]. Херсонские архонты, протевоны, «отцы города» и другие должностные лица оказываются обычными муниципальными чиновниками в подчинении императора. Чиновная знать Херсона, очевидно, осознавала свое корпоративное единство и особо не пыталась, за исключением единичных случаев, оспорить зависимость родной Таврики от Константинополя. Интеграции северопонтийских окраин в структуру Империи способствовала и Церковь. В главе об экономическом развитии С.Б. Сорочан критикует представления о дезурбанизации, глубоком упадке Херсона в «тёмные века» [20, с. 280–374]. Против этих стереотипов свидетельствует подтверждаемая артефактами достаточно активная деятельность херсонских ремесленников, а также взаимодействие города, остававшегося центром транзитной торговли, с сельской округой. Экономическая роль Херсона способствовала и политическому сближению Византии с Хазарским каганатом. Некоторый спад внешнеэкономических связей Херсона можно наблюдать лишь со второй половины IX в., в связи с ухудшением международной обстановки, но и его нельзя преувеличивать.

Пик строительной активности в Херсоне, как настаивает С.Б. Сорочан, относится ко второй половине VI – первой половине VII в. [20, с. 384]. Именно в это время, по мнению исследователя, возводится большинство херсонских базилик и других доминантных сакральных сооружений (крещален, митрииев, мемориев). Этому способствовал целый комплекс причин, среди которых – стабилизация политического положения Херсона в Империи, завершение христианизации, появление собственной сакральной топографии, мощей, реликвий, рост паломничества, канонизация местных святых, и возможная сейсмическая катастрофа. Все же гипотеза о «строительном буме» в Херсоне, последовательно отстаиваемая автором, достаточно уязвима для критики. Так, со временем К.К. Косцюшко-Валюжинича и А.Л. Бертье-Делагарда ключевым аргументом в датировке Уваровской базилики служит найденная в засыпи колодца под западной стеной нартекса монета императора Маврикия [7, с. 75], [10, с. 80–81]. Этому единичному артефакту противоречит анализ особенностей архитектуры и мраморного декора храма, который находит ближайшие аналогии в базилике Иоанна Предтечи Студийского монастыря в Константинополе 453 г. [48, с. 348]. Последние исследования С.В. Ушакова позволяют датировать базилику Крузе временем Юстиниана I – около середины VI в. [44, с. 195]. Очевидно, лишь детальное рассмотрение каждого памятника с учетом всех хронологических маркеров позволит прояснить эту остающуюся открытой проблему.

Ю.М. Могаричев рассматривает наиболее контроверсийные вопросы политической и церковной истории Крыма VIII–X веков: роль и статус Боспора в отношениях Византии и

¹ О термине «сегментарная полития» см.: [29, с. 131–132].

Хазарии; распространение иконоборчества; образование Готской и Фульской епархий; агиографические памятники, связанные с «крымскими» святыми; поход Песаха и отношения Крыма с Хазарией в IX–X вв. Этот раздел дополняется написанным совместно с А.В. Сазановым заключением о так называемой «Крымской Хазарии» X–XII вв.

Анализируя свидетельства Феофана Исповедника и Никифора о византийско-хазарских отношениях, автор приходит к выводу, что говорить о «хазарском периоде» в истории Боспора некорректно – территория Керченского полуострова оставалась в составе Византии как архонтия, в то время как на Тамани оперировали хазарские должностные лица. Роль хазар в политических перипетиях начала VIII века Ю.М. Могаричев сводит к наемнической, полагая, что они были заинтересованы, прежде всего, в увеличении своего вознаграждения и выплате дани [20, с. 416–418]. Исследователь считает, что представления о распространении иконопочитателей, оппонирующих центральной власти в Таврике, не соответствуют действительности, Крым, как и ранее, следовал в русле официальной политики Константинополя [20, с. 433]. Автор критикует выражавшиеся в историографии мнения о ранней дате образования Готской епархии и полагает, что этот диоцез возник не раньше 80-х гг. VIII века, после подавления восстания Иоанна Готского [20, с. 442]. Одним из ключевых аспектов в споре является датировка нотиции де Боора, которую Ю.М. Могаричев относит ко второй половине IX в., связывая с неудачной попыткой христианизации Хазарии (здесь он следует версии К. Цукермана о принятии хазарами иудаизма около 861 г. [20, с. 437], [50, р. 237–259]). Рассматривая продолжающиеся дебаты о локализации Фул, исследователь отмечает уязвимые стороны гипотез своих оппонентов, особо останавливаясь на «тепсеньской» версии. Рассматривая продолжавшиеся дебаты о локализации Фул, исследователь отмечает уязвимые стороны гипотез своих оппонентов, особо останавливаясь на «тепсеньской» версии, но не предъявляет собственной однозначной трактовки. «Виртуальность» Фул остается непреодолимой, что, пожалуй, объясняется скучными и противоречивыми сообщениями источников. Что касается Фульской епархии, по мнению автора, она была создана в 70-е – 90-е гг. IX в., после вытеснения хазар из Крыма [20, с. 453].

Особого внимания удостаиваются агиографические источники, имеющие отношение к раннесредневековому Крыму – жития Иоанна Готского, Стефана Сурожского, Херсонесских епископов, произведения Иосифа Гимнографа. Эта глава, по сути, кратко подытоживает предыдущие разыскания Ю.М. Могаричева о «крымской агиографии» (он публиковал и комментировал «крымские» жития в соавторстве с А.В. Сазановым, А.К. Шапошниковым и другими исследователями, неоднократно обращался к проблеме в статьях и монографиях) [15], [17], [18], [19]. Важным аспектом остается так называемое «восстание Иоанна Готского», проливающее свет на особенности взаимодействия Византии и Хазарии в Таврике. С середины VIII века происходят изменения в византийско-хазарских отношениях в сторону увеличения их конфликтности. После подавления восстания хазары устанавливают контроль над византийскими владениями в Горном Крыму, хотя, очевидно, и не надолго [20, с. 489–491].

Исследователь, соглашаясь со многими современными специалистами, скептически относится к сведениям Церковнославянского жития Стефана Сурожского о походе Бравлина в Крым, сомневается он и в отождествлении житийного персонажа Бравлина (Прописа в армянской версии) с князем Владимиром [20, с. 519–523]. В противовес обычному скептицизу Ю.М. Могаричев солидаризуется с позицией М.Ю. Андрейчевой о влиянии Жития Стефана Сурожского на «Повесть временных лет» [5, с. 75–92]. Эта гипотеза представляется весьма спорной, особенно если учесть утрату греческого оригинала Жития, на которое, «по всей видимости», опирался летописец. Смысловые параллели с рассказом о крещении киевлян восходят к широко распространенным агиографическим топосам, характерным не только для рассматриваемых источников.

Рассматривая Жития Херсонесских епископов, Ю.М. Могаричев относит их составление к иноборческому времени, к последней четверти VIII – середине IX века. Автор (впрочем, как и большинство его оппонентов) оперирует косвенными признаками, такими, как анализ агиографических сюжетов (воскрешение отрока посредством крещения, погребение вне города), противоречие с другими источниками (53 глава DAI, агиографические сочинения об апостоле Андрее и Папе Клименте). Представляется, что «ранняя» датировка

ка Житий (или, во всяком случае, их протографа) в пределах V–VI вв. как минимум не менее вероятна [8, с. 38], [9, с. 45], [35, с. 96–98], а сам вопрос остается открытым.

Признавая сведения Кембриджского Анонима в целом достоверными, Ю.М. Могаричев и соавтор главы А.В. Сазанов призывают, тем не менее, с осторожностью относиться к данным о «походе Песаха», превратившимся в некоторых работах в масштабный военно-политический конфликт [12, с. 98–101], [23, с. 179–181], [24, с. 123–127]. Соотносить хронологию археологических комплексов с этим событием нецелесообразно [20, с. 610]. Соглашаясь с авторами, отмечу, что сопоставление археологических и письменных источников остается «ахиллесовой пятой» большинства исторических реконструкций крымских войн этой эпохи: несомненно, произошедший в реальности Корсунский поход Владимира также не нашел достаточного отражения в археологическом материале, а интерпретация слоев разрушений, относимых к концу X – началу XI века, кардинально отличается у различных исследователей [26, с. 189–192, 248–320], [46, с. 107–218]. Карательный поход Юстиниана Ринотмета на Херсон в 711 г. вряд ли может быть убедительно отождествлен с археологическим контекстом. Это же относится к многочисленным набегам венгров, печенегов, черных булгар, известным в целом лишь по нарративной традиции.

В IX–X вв. большая часть Крыма остается под византийским контролем, хазары же, как считает Ю.М. Могаричев, постепенно теряли свое влияние. Пространная редакция письма царя Иосифа Хасдаю Ибн Шапруту отражает желаемое для хазар, а не реальное положение дел [20, с. 628–629]. Авторы отрицают и наличие каких-либо реликтоў Хазарии в Восточном Крыму в X–XII веках, критикуя соответствующие историографические стереотипы.

Рецензируемая книга отражает основные тенденции в современной историографии раннесредневекового Крыма. Важно отметить ее междисциплинарный характер, внимание как к археологическим и историческим, так и историко-культурным, источниковедческим проблемам, каждая из которых глубоко укоренена в научной традиции. Яркая палитра устоявшихся представлений о «хазарском» этапе крымской истории блекнет при новом обращении к первоисточникам, а обнаруженные следы реалий прошлого часто не соответствуют популярным концепциям. Несомненно, научный поиск далек от завершения, но дискуссионные вопросы, освещаемые в монографии, стимулируют его продолжать.

Источники и литература.

15. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
16. Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 168–185.
17. Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. 2013. Вып. 18. С. 277–315.
18. Айбабин А.И. К дискуссии о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму // ХА. 2014. Т. 12. С. 161–174.
19. Андрейчева М.Ю. Образы иноверцев в Повести временных лет: дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 224 с.
20. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 571 с.
21. Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИИАК. 1907. Вып. 21. 224 с.
22. Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...». Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 208 с.
23. Виноградов А.Ю. Херсонес-Херсон: две истории одного города. Имена, места и даты в исторической памяти полиса // ВДИ. 2013. № 1. С. 40–58.
24. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИИАК. 1902. Вып. 4. С. 51–119.
25. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. 532 с.
26. Майко В.В. Проблемы салтовской культуры Крыма и Кембриджский Аноним // ХА. 2005. Т. 4. С. 96–108.
27. Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. К.: Видавець Олег Філюк, 2014. 465 с.
28. Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // ХСБ. 2004. Вып. 13. С. 163–180.
29. Могаричев Ю.М. Византийский Крым (Крым в VI–XII вв.). Симферополь: НАТА, 2008. 236 с.
30. Могаричев Ю.М. Крым в VIII–X вв. (Проблема хазарского присутствия) // Болгарский Форум I. Материалы Международного Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., Болгар). Серия «Археология евразийских степей». 2011. Вып. 12. С. 166–175.
31. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь: Антиква, 2007. 348 с.

32. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь: Антиква, 2009. 334 с.
33. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Харьков: Антиква, 2012. 416 с. (Нартекс. *Byzantina Ukrainensis*. Т. 1).
34. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X в.): вопросы истории и археологии. М.: Неолит, 2017. 744 с.
35. Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 544–568.
36. Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: опыт первых контактов // ХА. 2004. Т. 3. С. 94–116.
37. Науменко В.Е. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X–XI вв. (историко-археологический комментарий) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Сборник научных трудов / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь: СПД Арефьев, 2013. С. 169–206.
38. Науменко В.Е. К военно-политической истории Таврики X в.: русско-византийский конфликт 935–941 гг. и так называемый «поход Песаха» // ХА. 2014. Т. 12. С. 118–134.
39. Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М.–Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 1999. 247 с.
40. Сазанов А.В., Алексеенко Н.А., Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Средневековый Херсон X–XI вв. М.: ООО «Киммерийский центр», 2014. 528 с.
41. Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазария в конце VII – середине VIII вв. // ПИФК. 2006. Вып. 16/1. С. 179–207.
42. Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. 2008. Вып. 21. С. 572–589.
43. Саутхолл Э.О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко и др. М.: Логос, 2000. С. 130–136.
44. Сорочан С.Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 2003. Т. 62. С. 21–46.
45. Сорочан С.Б. «Carceris habitateris»? Положение Херсона во второй половине IX в. // БИ. 2003. Т. 3. С. 73–130.
46. Сорочан С.Б. Об источниках финансирования и причинах «архитектурного бума» в византийском Херсоне конца VI – начала VII вв. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Белгород: Издательство БелГУ, 2004. С. 266–272.
47. Сорочан С.Б. Око и щит Империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. 2004. Т. 4. С. 320–361.
48. Сорочан С.Б. Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских военно-административных преобразований VIII–IX вв. // ПИФК. 2004. Вып. 14. С. 337–398.
49. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2005. Ч. 1–2. 1644 с.
50. Сорочан С.Б. О храме Святых Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу византийского Херсона // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 328–356.
51. Сорочан С.Б. К дискуссии о датировке епископского архитектурного комплекса в византийском Херсоне // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. 2006. Вип. 34. № 4. С. 20–25.
52. Сорочан С.Б. К исторической географии Хазарии: пространственные пределы юго-западной границы в VII в. // ХА. 2006. Т. 4. С. 57–73.
53. Сорочан С.Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // Україна у Центрально-Східній Європі. 2007. Вип. 7. С. 44–70.
54. Сорочан С.Б. Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории // ХА. 2007. Т. 6. С. 201–222.
55. Сорочан С.Б. Еще раз о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму в конце VII – первой половине VIII в. // ВВ. 2014. Т. 73 (98). С. 278–295.
56. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь: Библекс, 2006. 832 с.
57. Тортика А.А. Лесостепное Подонье-Придонечье и горный Крым в хазарское время: опыт сравнительного анализа // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 459–489.
58. Ушаков С.В. О времени строительства «базилики Крузе» в Херсонесе: археологические данные // Археологические вести. 2017. № 23. С. 176–197.
59. Флёрэв В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры, 2010. 260 с.
60. Хапаев В.В. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X – первая половина XI вв.). Симферополь: Н. Оріанда, 2016. 572 с.
61. Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона в VIII – начале IX в. // ПИФК. 2002. С. 568–582.
62. Хрушкова Л.Г. Епископская базилика Херсонеса Таврического // Владимирский сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения». Калининград: РОСДОАФК, 2016. С. 327–435.
63. Mack G.R., Carter J.C. (eds.). *Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum and Environs*. Austin: Institute of Classical Archaeology, The University of Texas at Austin, 2003. 230 p.
64. Zuckerman C. On the Date of the Khazars Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Ihor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // REB. 1995. T. 53. P. 237–270.

References.

1. Aibabin A.I. Etnicheskaya istoriya rannevizantiiskogo Kryma. Simferopol': Dar, 1999. 352 s.
2. Aibabin A.I. Khazarskii sloi v Kerchi // MAIET. 2000. Vyp. 7. S. 168–185.
3. Aibabin A.I. Arkheologicheskoe nasledie khazar vremeni sozdaniia kaganata // MAIET. 2013. Vyp. 18. S. 277–315.
4. Aibabin A.I. K diskussii o vizantiisko-khazarskom kondominiume v Krymu // KhA. 2014. T. 12. S. 161–174.
5. Andreicheva M.Iu. Obrazy inovertsev v Povesti vremennykh let: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2017. 224 s.
6. Artamonov M.I. Istorija khazar. L.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 1962. 571 s.
7. Bert'e-Delagard A.L. O Khersonese // IIAK. 1907. Vyp. 21. 224 s.
8. Vinogradov A.Iu. «Minovala uzhe zima iazycheskogo bezumija...». Tserkov' i tserkvi Khersona v IV veke po dannym literaturnykh istochnikov i epigrafiki. M.: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniia i Nauke, 2010. 208 s.
9. Vinogradov A.Iu. Khersones-Kherson: dve istorii odnogo goroda. Imena, mesta i daty v istoricheskoi pamiati polisa // VDI. 2013. № 1. S. 40–58.
10. Kostsiushko-Valiuzhinich K.K. Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1901 g. // IIAK. 1902. Vyp. 4. S. 51–119.
11. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV–XIII veka / otv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva. M.: Nauka, 2003. 532 s.
12. Maiko V.V. Problemy saltovskoi kul'tury Kryma i Kembridzhskii Anonim // KhA. 2005. T. 4. S. 96–108.
13. Maiko V.V. Vostochnyi Krym vo vtoroi polovine Kh–XII vv. K.: Vidavets' Oleg Filiuk, 2014. 465 s.
14. Mogarichev Iu.M. O nekotorykh voprosakh istorii Kryma serediny – vtoroi poloviny VIII v. // KhSb. 2004. Vyp. 13. S. 163–180.
15. Mogarichev Iu.M. Vizantiiskii Krym (Krym v VI–XII vv.). Simferopol': NATA, 2008. 236 s.
16. Mogarichev Iu.M. Krym v VIII–X vv. (Problema khazarskogo prisutstviia) // Bolgarskii Forum I. Materialy Mezhdunarodnogo Bolgarskogo Foruma (19–21 iiunia 2010 g., Bolgar). Seriia «Arkheologiya evraziiskikh stepei». 2011. Vyp. 12. S. 166–175.
17. Mogarichev Iu.M., Sazanov A.V., Shaposhnikov A.K. Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma «khazarskogo perioda». Simferopol': AntikVA, 2007. 348 s.
18. Mogarichev Iu.M., Sazanov A.V., Stepanova E.V., Shaposhnikov A.K. Zhitie Stefana Surozhskogo v kontekste istorii Kryma ikonoborcheskogo vremeni. Simferopol': Antikva, 2009. 334 s.
19. Mogarichev Iu.M., Sazanov A.V., Sargsian T.E., Sorochan S.B., Shaposhnikov A.K. Zhitia episkopov khersonskikh v kontekste istorii Khersonesa Tavricheskogo. Khar'kov: Antikva, 2012. 416 s. (Narteks. Byzantina Ukrainensia. T. 1).
20. Mogarichev Iu.M., Sazanov A.V., Sorochan S.B. Krym v «khazarskoe» vremia (VIII – seredina Kh v.): voprosy istorii i arkheologii. M.: Neolit, 2017. 744 s.
21. Naumenko V.E. K voprosu o kharaktere vizantiisko-khazarskikh otnoshenii v kontse VIII – seredine IX vv. // PIFK. 2002. Vyp. 12. S. 544–568.
22. Naumenko V.E. Tavrika v kontekste vizantiisko-khazarskikh otnoshenii: opyt pervykh kontaktov // KhA. 2004. T. 3. S. 94–116.
23. Naumenko V.E. Tavrika v sisteme russko-vizantiiskikh otnoshenii serediny X–XI vv. (istoriko-arkheologicheskii kommentarii) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperiia» i «polis». Sbornik nauchnykh trudov / otv. red. N.A. Alekseenko. Sevastopol': SPD Aref'ev, 2013. S. 169–206.
24. Naumenko V.E. K voenno-politicheskoi istorii Tavriki Kh v.: russko-vizantiiskii konflikt 935–941 gg. i tak nazyvaemyi «pokhod Pesakha» // KhA. 2014. T. 12. S. 118–134.
25. Pletneva S.A. Ocherki khazarskoi arkheologii. M.–Ierusalim: Mosty kul'tury; Gesharim, 1999. 247 s.
26. Cazanov A.V., Alekseenko N.A., Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. Srednevekovyi Kherson Kh–XI vv. M.: OOO «Kimmeriiskii tsentr», 2014. 528 s.
27. Sazanov A.V., Mogarichev Iu.M. Krym i Khazaria v kontse VII – seredine VIII vv. // PIFK. 2006. Vyp. 16/1. S. 179–207.
28. Sazanov A.V., Mogarichev Iu.M. K voprosu o vremenii prekrashchenii khazarskogo prisutstviia v Krymu // PIFK. 2008. Vyp. 21. S. 572–589.
29. Sautkholl E.O. vozniknovenii gosudarstv // Al'ternativnye puti k tsivilizatsii / pod red. N.N. Kradina, A.V. Korotaeva, D.M. Bondarenko i dr. M.: Logos, 2000. S. 130–136.
30. Sorochan S.B. Gosudarstvennoe ustroistvo rannesrednevekovogo Khersona i «prizraki samoupravleniiia» // VV. 2003. T. 62. S. 21–46.
31. Sorochan S.B. «Carceris habitateris»? Polozhenie Khersona vo vtoroi polovine IX v. // BI. 2003. T. 3. S. 73–130.
32. Sorochan S.B. Ob istochnikakh finansirovaniia i prichinakh «arkhitekturnogo buma» v vizantiiskom Khersone kontsa VI – nachala VII vv. // Iug Rossii v proshlom i nastoishchem: istoriya, ekonomika, kul'tura. Belgorod: Izdatel'stvo BelGU, 2004. S. 266–272.
33. Sorochan S.B. Oko i shchit Imperii. Kherson k kontsu pravleniiia Iustiniana I i pri ego blizhaishikh preemnikakh // BI. 2004. T. 4. S. 320–361.
34. Sorochan S.B. Rozhdenie femy. Kherson i Tavrika v sisteme vizantiiskikh voenno-administrativnykh preobrazovanii VIII–IX vv. // PIFK. 2004. Vyp. 14. S. 337–398.
35. Sorochan S.B. Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaia polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury. Khar'kov: Maidan, 2005. Ch. 1–2. 1644 s.
36. Sorochan S.B. O khrame Sviatyh Apostolov i episkopal'nom arkitekturnom kompleksse na severo-vostochnom beregu vizantiiskogo Khersona // Sugdeiskii sbornik. 2005. Vyp. 2. S. 328–356.
37. Sorochan S.B. K diskussii o datirovke episkopskogo arkitekturnogo kompleksa v vizantiiskom Khersone //

- Visnik Chernigiv'skogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu. 2006. Vip. 34. № 4. S. 20–25.
38. Sorochan S.B. K istoricheskoi geografii Khazarii: prostranstvennye predely iugo-zapadnoi granitsy v VII v. // KhA. 2006. T. 4. S. 57–73.
39. Sorochan S.B. Vizantiia i khazary v Tavrike: gospodstvo ili kondominium? // Ukraïna u Tsentral'no-Skhidnii Evropi. 2007. Vip. 7. S. 44–70.
40. Sorochan S.B. Eshche raz o tudune Khersona i statuse Bospora i Fanagorii // KhA. 2007. T. 6. S. 201–222.
41. Sorochan S.B. Eshche raz o vizantiisko-khazarskom kondominiume v Krymu v kontse VII – pervoi polovine VIII v. // VV. 2014. T. 73 (98). S. 278–295.
42. Sorochan S.B., Zubarev V.M., Marchenko L.V. Zhizn' i gibel' Khersonesa. Sevastopol': Bibleks, 2006. 832 s.
43. Tortika A.A. Lesostepnoe Podon'e-Pridonech'e i gornyi Krym v khazarskoe vremia: opyt sravnitel'nogo analiza // MAIET. 2005. Vyp. 11. S. 459–489.
44. Ushakov S.V. O vremenii stroitel'stva «baziliki Kruze» v Khersonese: arkheologicheskie dannye // Arkheologicheskie vesti. 2017. № 23. S. 176–197.
45. Flerov V.S. «Goroda» i «zamki» Khazarskogo kaganata. Arkheologicheskaiia real'nost'. M.: Mosty kul'tury, 2010. 260 s.
46. Khapaev V.V. Vizantiiskii Kherson na rubezhe tysiacheletii (vtoraia polovina X – pervaia polovina XI vv.). Simferopol': N. Orianda, 2016. 572 s.
47. Khrapunov N.I. Administratsiia vizantiiskogo Khersona v VIII – nachale IX v. // PIFK. 2002. S. 568–582.
48. Khrushkova L.G. Episkopskaia bazilika Khersonesa Tavricheskogo // Vladimirskii sbornik. Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii «I i II Sviato-Vladimir'skie chteniia». Kaliningrad: ROS-DOAFK, 2016. S. 327–435.
49. Mack G.R., Carter J.C. (eds.). Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum and Environs. Austin: Institute of Classical Archaeology, The University of Texas at Austin, 2003. 230 p.
50. Zuckerman C. On the Date of the Khazars Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Ihor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // REB. 1995. T. 53. P. 237–270.

Сокращения.

БИ –	Боспорские исследования.
ВВ –	Византийский временник.
ВДИ –	Вестник древней истории.
ИИАК –	Известия Императорской археологической комиссии.
МАИЭТ –	Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии.
ПИФК –	Проблемы истории, филологии, культуры.
ХА –	Хазарский альманах.
ХСб. –	Херсонесский сборник.
REB –	Revue des études byzantines.

Abbreviations.

BI –	Bosporskie issledovaniia (Bosporos Studies).
VV –	Vizantiiskii vremennik (Vizantiyskiy vremennik).
VDI –	Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History).
IIAK –	Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission).
MAIET –	Materialy po arkheologii, istorii, etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria).
PIFK –	Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies).
KhA –	Khazarskii al'manakh (Khazarian Almanac).
KhSb. –	Khersonesskii sbornik (Chersonesus Collection).
REB –	Revue des études byzantines.

Роменский А. А. Рецензия на книгу: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X в.): вопросы истории и археологии. М.: Неолит, 2017. 744 с. / Роменский А. А. // Причерноморье. История, политика, культура. – Серия А : Античность и средневековье. – 2019. – № XXX (IX). – С. 100–108.

Romensky A. A. Review: Mogarichev Iu.M., Sazanov A.V., Sorochan S.B. Crimea in the Khazar times (8th – mid. 10th cent.): historic and archaeological issues. Moscow: Neolit, 2017. 744 p. / Romensky A. A. // The Black Sea region. History, politics, culture. – Series A : Antiquity and the Middle Ages. – 2019. – № XXX (IX). – P. 100–108.

ОБ АВТОРЕ

РОМЕНСКИЙ

Александр Александрович

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»
E-mail: pergamen-romen@mail.ru

ROMENSKY

Alexandr Alexandrovich

Candidate of History, Researcher at the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»
E-mail: pergamen-romen@mail.ru

УДК 94(363.6)

DOI 10.5281/zenodo.3491831

ПОСЛЕДНИЕ ГОТСКИЕ АНКЛАВЫ КРЫМА: ВЕРИТЬ ЛИ БУСБЕКУ?

ЮРОЧКИН В.Ю.

Институт археологии Крыма РАН

В статье рассматривается информация О. де Бусбека (60-е гг. XVI в.) о последних «городах» крымских готов (Mancip, Sciuarin). Комплексный подход к источнику в целом подтверждает достоверность сообщения. В частности – соответствие «Сциварина» укреплению в районе Кучук-Сюрен / Таш-Басты (с. Большое Садовое Бахчисарайского района) на р. Бельбек (Кабарта).

The article discusses the information of O. de Busbek (the sixties 16th century) about the last «cities» of the Crimean Goths (Mancip, Sciuarin). Comprehensive approach to the source as a whole confirms the authenticity of the message. In particular, the conformity of the «Sciuarin» to the fortification in the area of Kuchuk-Sureni / Tash-Basti (v. Big Sadovoe, Bakhchisarai district) on the river Belbek (Kabarta).

Ключевые слова: Крым, готовы, О. де Бусбек, Mancip, Sciuarin, Сюренское укрепление.

Key words: Crimea, Goths, O. de Busbek, Mancip, Sciuarin, Syurenskoe fortification.

В один из дней между 1560 и 1562 гг. фламандец Ожье Гислен де Бусбек, посланец австрийского императора в Стамбуле, пригласил к себе в дом двух необычных жителей Тавриды. Один из них назывался греком, а другой, казавшийся по внешнему виду «фламандцем или батавом (голландцем – В.Ю.)», происходил из народа готов, который «*обычаями, и даже самими чертами лица и телосложением выказывает германское происхождение*» [11, с. 95]. О. де Бусбек долго беседовал с ними, записал услышанные от грека несколько десятков слов языка, употребляемого таврическими готовами, и даже фрагмент какой-то местной песни на непонятном наречии. Жители полуострова рассказали ему, что местные готовы это воинственный народ «*который и сегодня обитает во многих деревнях, из которых царек татар (regulus), когда готовится к войне, набирает восемьсот пехотинцев с огнестрельным оружием, составляющих оплот его войск; главные их города называются: один – Манкуп, другой – Сциварин»* (primarias corum urbs, alteram Mancip vocari, alteram Sciuarin)» [11, с. 95]. Сам австрийский дипломат, владевший несколькими европейскими языками, без труда уловил германское наречие, хотя и сомневался «*готы они или саксы*» и даже приводил свои соображения по данному поводу. Свои впечатления от столицы Османской империи, включая рассказ о крымских германцах, О. де Бусбек отразил в письмах, написанных на латыни и позднее опубликованных в Европе.

Так начинается история «словаря Бусбека», памятника сложного, не всегда однозначного, во многом доселе противоречивого. Позднесредневековые путешественники и ученые и до этого упоминали о живших в Крыму готовах, хотя их сведения обычно выглядели довольно туманно [2, с. 171–243], [19, с. 101–125], [35, с. 470–476]. На их фоне яркий, хотя и краткий рассказ О. де Бусбека, фиксировавший реликты языка этого загадочного народа, воспринимался более убедительно с большой претензией на объективность.

В науке «словарь Бусбека» рассматривался в трех аспектах: лингвистическом, этно-историческом и историко-географическом.

Первые попытки лингвистического анализа, в плане сопоставления с известными литературными памятниками готской письменности, относятся еще к концу XVI в. [19, с. 163]. Западноевропейские филологи XIX–XX вв. принимали его как данность, как объективный источник по истории древнегерманских наречий, ничуть не сомневаясь в его аутентичности, хотя и признавали в нем отдельный германский язык, отнюдь не тождественный «классическому» готскому. При этом дискуссия почти никогда не выходила за пределы языкоznания. Эта традиция продолжается до наших дней [11, с. 100–173].

Что касается другого, этно-исторического аспекта, то ситуация здесь была более противоречивой. Правда, ученые рассматривали не столько вопрос о германской основе, по крайней мере, части записанных О. де Бусбеком слов, сколько проблему возможности в принципе сохранения в Крыму языка готов, давно исчезнувшего в Европе. Уже в XVII–XVIII вв. здесь проявилось гораздо больше скептицизма (Г. фон Лейбниц; О. де ля Мотре; Б. Хакет; Ж. де Роше; И. Бекманн; П. Паллас; Я. Райнеггс и др.). Другие же их современники (Ж.-Ж. Скалигер; И. Тунманн; С. Сестренцевич-Богуш и др.) наоборот всецело доверяли О. де Бусбеку и его крымским информантам [19, с. 163–166, 179–185], [35, с. 16–52]. Однако ни те, ни другие в лингвистические тонкости и этно-исторические реалии особо не вникали, склоняясь, скорее к позиции «верю-не-верю». Сообщение австрийского посланника, надо полагать, сыграло немалую роль в сложении шведского «готицизма» XVII–XVIII вв. [19, с. 185–193]. В контексте истории крымских готов «словарь Бусбека» стремились вписать Ф.К. Брун, В. Томашек, Р. Леве, Ф.А. Браун др. [4, с. 46–51]; [38]; [40, с. 113–180]; [43, с. 57–68], рассматривая его как полноценный исторический источник. Имел место и курьез: Ж. Курти, выступавший с докладом на VI Археологическом съезде в Одессе, заявил, что слова, записанные О. де Бусбеком, принадлежали не готовам, а англо-саксам. Последние, по его мнению, оказались в Таврике как часть «варяжской» дружины византийских императоров, состоявшей к XV в., в том числе, из англичан. Их-то потомков якобы и встретил австрийский посланник XVI в. [39]. Однако в целом для историко-филологической науки XIX в. скептицизм в отношении «словаря Бусбека» не характерен.

Перипетии «готского вопроса» в XIX–XX вв., в частности в отношении готов Таврики, сейчас довольно хорошо освещены в отечественной литературе [1, с. 10–25], [19, с. 203–266], [20, с. 100–136], [31], [35]. Зачастую в них присутствовал политический контекст, особенно в советской период. Например, В.И. Равдоникас, вскользь упоминая о Бусбеке, безапелляционно «нейтрализовал» его информацию упомянутым частным мнением Ж. Курти [26, с. 11]. Эмигрировавший за границу А.А. Васильев [45, р. 269–275] также не считал сообщение О. де Бусбека надежным источником, правда, надо полагать, по несколько иным мотивам [35, с. 316–317]. Послевоенный советский учебник готского языка советовал студентам «весьма осторожно относится к материалам Бузбека» [13, с. 13]. Слишком уж неудобным казалось сообщение австрийского посланника на фоне критического отношения к роли готов в средневековом Крыму [37]. Правда уже к началу 1980-х гг. ситуация начала меняться: к «словарю Бусбека» обратился В.Н. Топоров, признавая «сохранение готской речи в Крыму в середине XVI века» и даже приводил дополнительные свидетельства в его пользу [29, с. 236–240]. Только совсем недавно отечественный читатель смог ознакомится с новыми переводами на русский язык соответствующего отрывка из писем О. де Бусбека, включая «словарь», и кругом филологических проблем с ним связанных [2, с. 244–247], [11, с. 92–97], [27, с. 247–249], [32, с. 304–307]. Надо полагать, что после этих публикаций уровень скепсиса относительно германского происхождения, по крайней мере, части «словаря Бусбека», унаследованный отечественной наукой из прошлого, снизится кардинальным образом.

Что же касается третьего – историко-географического аспекта, то он не становился объектом специального исследования, хотя и имеет свою историографию. Информант О. де Бусбека сообщил ему названия «городов» крымских готов: Манкуп и Сциварин. Если следовать этому буквально, то они должны соответствовать некоторым критериям: во-первых, это должны быть крупные (желательно укрепленные) населенные пункты; во-вторых, их названия должны иметь германские корни; в-третьих, находиться на землях полуострова, подчиненных после 1475 г. непосредственно турецкой администрации (т.е.

на территории бывшего княжества Феодоро или бывших генуэзских владений): поскольку посланцы из Крыма приносили жалобу именно правителю Османской империи, а не крымскому хану; в-четвертых, это должны быть поселения, современные О. де Бусбеку, т.е. существовать в середине XVI в.

Что касается Манкупа (Mancip), созвучного с Мангупом, то ситуация кажется очевидной. На одноименной горе располагалась столица княжества Феодоро, взятая турками в 1475 г. Здесь же, как принято считать, в средневековый период находился и территориально-политический центр Крымской Готии (страны Дори) – город Дорос. Это обширнейший город, руины которого сохранились и по сей день. Происхождение топонима Мангуп до настоящего времени остается дискуссионным. При этом допускается как тюркская, так и германская этимология. Не ясно также время его появления, хотя вполне вероятно, что уже во времена Феодоро, его столица носила двойное название [11, с. 245]; [19, с. 300–306]; [32, с. 275]; [33, с. 353]. Жизнь в городе продолжалась и после турецкого погрома. Он становится центром турецкого административного округа. Об этом свидетельствуют как нарративные источники, так и археологические материалы [12, с. 13–17].

Сложнее со Сциварином (Sciuarin, иные варианты русской транслитерации – «Скиварин», «Шиварин»). Этот топоним более в письменных источниках не встречается, нет его и на сохранившемся картографическом материале минувших столетий. Как и в случае с Манкупом-Мангупом исследователи прошлого Крыма исходили, прежде всего, из созвучия наименования «города», записанного О. де Бусбеком и современной им топонимики. Один из родоначальников средневековой археологии Крыма П.И. Кёппен в этой связи писал: *«Не в дальнем расстоянии от Мангупа к северу, на правом берегу Белбека, находится деревня Кючюк – (малый) и Биюк – (Большой) Сюйрен, и между ними, на противоположном берегу, деревушка Таши Баскан Кой или Таши Баскан Сюйрен. Последняя лежит при подошве скалы, на вершине которой видна башня, доныне не посещенная ни одним из путешественников, писавших о Крыме. У татар она известна только под именем Кулле (башня). Деревня Таши Баскан Сюйрен, как видно по старым домообразным могилам, была некогда обитаема греками, и я не сомневаюсь в том, что об этом поселении упоминает Бусбек, писатель второй половины XVI века, говоря, что Манкуп и Сциварин суть главные города готов. Нынешние же деревни Сюйрен могли заимствовать свои названия от прежнего места того же имени»* [18, с. 291–292]. Этого же мнения придерживался младший его современник – Н.Н. Мурзакевич [23, с. 50]. Далее оно неоднократно повторялось в литературе [4, с. 51], [17, с. 15] и т.д., не вызывая возражений.

Картографический материал XIX – первой половины XX вв. зафиксировал в долине р. Бельбек три Сюйрени. На карте П.И. Кёппена деревня Биюк-Сюйрен показана на месте совр. с. Танковое, а вверх по течению на месте совр. с. Большое (Малое) Садовое показаны два населенных пункта: Кучук Сюйрен – на правом берегу р. Бельбек и Таш Баксан Кой на левом. Военно-топографическая карта полковника Бетева (1842 г.) зафиксировала ту же ситуацию, но на месте деревни Таш Баксан Кой указан поселок Таш Басты. Аналогичная картина присутствует на военно-топографической карте 1865 г. А вот на военно-топографической карте 1890-х гг. помимо названия Таш-Басты, рядом с ним присутствует и второе – Кучук-Сюйренъ, при этом другая часть Кучук-Сюйрени показана на прежнем месте – на правом берегу реки. Вероятно, в этот период два доселе разных населенных пункта сливаются в один. И в последующем после переименования сел (1948 г.) вплоть до наших дней в наименованиях сохранялась путаница. Населенный пункт воспринимали как единое целое или как два разных, именовали то с. Малосадовым (Малым Садовым), то Большим Садовым.

При отождествлении готского Сциварина с татарской деревней Сюйрен, подразумевалась конечно Кучук-Сюйрен (Большое Садовое), точнее его левобережная часть под именем Таш Баскан Кой – Таш Баскан Сюйрен – Таш-Басты, поскольку именно рядом с ней находится Сюйренское укрепление. Это утверждение стало хрестоматийным, прочно вошло в историографическую традицию, дожив до наших дней фактически в неизменном виде, хотя по сути никто не предпринимал попыток проверить его на достоверность.

Действительно, на мысообразной скале, господствующей над селом Большое Садовое (расположенным в долине) находится средневековое укрепление. Хорошо сохранилась круглая башня со следами фресковой росписи на куполе и оборонительная стена, пересекающая скальный мыс. В соседнем ущелье расположен «пещерный» монастырь с церковью, устроенной в естественном гроте (судя по названию мыса – Ай-Тодор, в средневековье посвященный св. Феодору, а также группа скальных тарапанов. Подъемный материал, литургическое устройство храма и результаты небольших зачисток в одной из келий позволяют считать, что жизнь в ущелье продолжалась с раннесредневекового периода до 1475 г. [8, с. 74–75], [14, с. 102–103], [15], [22, с. 77–79], [34].

Сюйренской крепости посвящена обширная литература [21]. Но, несмотря на это и прекрасную сохранность памятника, в ее истории еще много неясного. В частности время создания укрепления и хронология функционирования. На основании строительных приемов и общеисторической ситуации предлагалось относить ее к ранневизантийскому [6, с. 205; 7, с. 76] или хазарскому периодам [3, с. 60–62]. Экспедиция ГИМ под руководством Д.Л. Талиса, специально для этого проводившая в 1966 г. шурфовку на памятнике, зафиксировала материал XII–XV вв. [28]. Гораздо более информативными оказались раскопки крымских археологов 1978–1979 гг. [9]. Результаты исследований дали основания полагать, что крепость и ее окрестности были обитаемы ко времени турецкого вторжения 1475 г. В любом случае во времена Феодоро это был значимый укрепленный пункт в системе обороны княжества, возможно центр округи, что вполне отвечает первому критерию.

В наши дни на волне активизации интереса к готскому наследию Крыма появились попытки перевода топонима и поиск его истоков в германских языках. Так А.К. Шапошников *Sciarin* (Скиварин, Шиварин) возводит к крымско-готскому *«*scivar-in* (или надо читать на итал. *maner sivarin*) ‘из обломков скал, каменный, шиферный’, ср. др.-в.-нем. *skivaro* ‘обломок скалы, камня’, нем. *Schiefer*» [32, с. 275].

Н.А. Ганина, в большинстве случаев подвергающая критике готскую этимологию топонимов, предложенную А.К. Шапошниковым, несмотря на ряд уточнений, в данном случае, в целом с ним солидарна: «С формальной точки зрения все достаточно гладко: дvn. *Scivero* (*sic*) имеет параллель в виде на. *shiver* ‘обломок, щепка’, которое является скандинавским заимствованием и сопоставляется с ди. *skifa* ‘ломтик’..., причем последнее сближается с нн. *Scheibe*, дvn. *Scība*... Соответственно, основа в готском выглядела бы **skib(ar-)* > *skivar* в позднейшем оформлении, а компонент – *in* в таком случае был бы суффиксом принадлежности, соотношения с материалом... Таким образом, название города (горного урочища) могло бы означать ‘скально-осыпной’ (но, конечно, не ‘шиферный!’)» [11, с. 244]. Но учитывая заданный ранее дискуссионный тон, исследовательница спешит заметить: «Но с другой стороны – и это куда более существенно – еще Ф. Брун приводил аналогию *Sciarin* – Сюрень..., что наносит удар по германской этимологии» [11, с. 244]. Однако участники дискуссии не обратили внимания на тот факт, что позднейший населенный пункт, о котором идет речь, именовался не только Кучук-Сюрен, но и имел второе название – Таш-Басты, происходящее от кт. *taş* ‘камень’ и *bas*, *basti* ‘давить, прижимать, топтать’. Ассоциация, особенно в случае с вариантом Н.А. Ганиной, возникает невольно и вряд ли это простое совпадение. Так что и второму критерию объект исследований в целом соответствует, а название Таш-Басты может быть близким по смыслу вольным переводом с германского на тюркский.

Сюйренская крепость расположена в 4,5 км к северу от Мангупа на скале, господствующей над рекой Бельбек, которая на этом участке в период Феодоро являлась границей между княжеством и Крымским ханством [7, с. 78, рис. 30], [24, с. 149]. Следовательно, эта территория после 1475 г. попала в число турецких владений в Таврике. Поэтому «город Сциварин» или какой-либо населенный пункт с подобным наименованием следует искать в османских официальных документах, близких по времени сообщению О. де Бусбека.

Источником информации о населенных пунктах Крыма, попавших под власть Османской империи, являются реестровые книги (дефтеры), две из которых обычно датируются 1520 и 1542 гг. Как и следовало ожидать, Сциварин в них не значится, но внесен Сюрен. В 1520 г. здесь проживало 63 христианских семьи, а в 1542 г. – 43 семьи и 33 взрослых неженатых мужчины, опять же не исповедавших ислам [41, с. 118–121, 240, 247–248].

Следовательно, во времена О. де Бусбека наряду с предполагаемым готским Сциварином, уже существовал населенный пункт с названием Сюрен, явно тюркского происхождения, несмотря на обитавшее здесь христианское население. На первый взгляд это противоречие подрывает доверие к сообщению информанта О. де Бусбека и позднейшей учено-догадке о тождестве этих двух топонимов. Однако это не совсем так. Не ясно, о каком из трех Сюреней идет речь. Эвлия Челеби, посетивший Крым через сто лет после событий, описанных О. де Бусбеком, под именем Сюрен, надо полагать, имел в виду населенный пункт на месте совр. с. Танковое (т.е. Биюк-Сюрен на правом берегу Бельбека). Там он осмотрел дворец Мухаммед Герай-хана (1515–1523), из чего следует, что поселок принадлежал Крымскому ханству, тогда как в переписях 1520 и 1542 гг. речь шла о другом – турецком Сюрене. В этом случае остаются только Кучук-Сюрен и/или Таш-Басты.

Для слова Сюрен (*Süygen*) В.А. Бушаков предлагал следующую этимологию с точки зрения тюркской лексики: «*место проведения соревнований во время календарных праздников* (кт, н. *süyre-*, *siyre-* – тянуть, волочить, сравн. кирг. *süyrgöt* волочащийся *süyrgöö* место, где по правилам соревнований можно начинать помогать коням; ипподром, *süyrgöö* – *süyrgööp* клич во время конных скачек, от *süyrgö-* тянуть скакового коня, помогать ему дойти до финиша» [5, с. 144]. Возможно, она приемлема для предгорной равнинной части окрестностей Биюк-Сюрена (с. Танкового), но никак не для населенных пунктов, зажатых между скал Бельбекского каньона.

С другой стороны оноозвучно с тюрк. *süyğü*, кт. *sıvrgı* кт, т. *süvra* дт ‘остроконечный, острый’, *süyğı* н ‘длинный, конусоподобный’ [5, с. 144]. В Крыму довольно много производных топонимов, пример тому Сюорташ (совр. Белокаменное) в 4,5 км к северу от Сюренской крепости. Кстати на карте генерал-майора Мухина 1817 г. Сюрен и Сюорташ, показаны как однокоренные слова и приедены в форме Сиврень и Сивриташ – соответственно. Источником сведений о названиях, в данном случае, вероятно, было местное татарское население и именно как однокоренные они воспринимались в этой среде. Кстати форма мыса, на котором находится укрепление, особенно как он воспринимается из долины, вызывает невольную ассоциацию. К тому же такая этимология в некоторой степени близка к предполагаемому готскому наименованию. Возможно, свою роль сыграла и форма столовой горы Куллю-Кая, у подножия которой расположена правобережная часть населенного пункта (совр. Малое Садовое).

Из приведенных выше данных следует, что в XVI–XVII вв. уже существовало несколько населенных пунктов с названием Сюрен: один условно «турецкий» (в районе Сюренского укрепления, Кучук-Сюрен или Таш-Басты на левом берегу реки) и один или два «татарских» Кучук-Сюрен на противоположном берегу и на месте совр. с. Танковое (Биюк-Сюрень). Хронологическую последовательность их формирования в настоящее время установить сложно. Возможно, непонятный и труднопроизносимый готский топоним Сциварин еще до турецкого вторжения среди пограничного татарского населения мог получить второе, тюркское название, более адаптированное к их языковой среде (в то же время, в известной степени отвечающее по смыслу подлинному значению), а позднее он органично вошел в турецкую номенклатуру уже на официальном уровне, сохранившись до недавнего времени. Подобных примеров в том же Крыму в новейшее время предостаточно. Вспомнить хотя бы позднейшую трансформацию Сюреи в русскоязычной среде в Сирень.

Между тем, как бы то ни было, заманчиво принять это предположение, но приходится признать, что оно имеет характер ученой конструкции, основанной на наличии в районе Кучук-Сюрени – Таш-Басты крепости феодоритского времени, открытой для науки П.И. Кёпленом. И здесь явно не хватает более объективного, независимого источника о первоначальном названии населенного пункта или местности.

В своей монографии М.Б. Кизилов обратил внимание, что Я. Райнеггс писал о том, что, по словам О. де Бусбека, крымские готы проживали у реки Кабар [42, с. 168], хотя в «Турецких письмах» ничего подобного нет [19, с. 179]. По всей видимости, источник Я. Райнеггса иной – это трактат о Крыме И. Тунманна, написанный в 70-х годах XVIII в. Саксонский ученый шведского происхождения, характеризуя Мангут (Мангу) или Ман-

куп), называет его крепостью Готии и помещает у реки Кабарта, а далее продолжает: «*В 1560 г. здесь еще жили готы, обитавшие в то время также неподалеку отсюда в мес-тешке Шурен или Шиварин (Im Jahr 1560 wohnten hier noch Gothen, welche auch damals Schuren, oder Schivarín, einen Flecken, nicht weit davon inne hatten)*» [30, с. 31, 32; 44, с. 344]. Хотя И. Тунманн и не ссылается на Бусбека (название населенного пункта он привел не на латыни, а на немецком), его источник угадывается без труда. Но как сюда наряду с Шиварином-Сциварином попал Шурен, в котором без труда угадывается Сюрен?

Считается, что И. Тунманн – исключительно «кабинетный ученый» и никогда в Крыму не бывал, а Сюрен не столь уж примечательный населенный пункт, чтобы о нем знали в Европе. Уже приходилось обращать внимание на целый ряд подробностей в трактате И. Тунманна (например, в описании «пещерных городов»), которые нельзя объяснить простой компиляцией известных к тому времени описаний Крыма и нарративных источников по его истории. В связи с этим высказывалось предположение, что у саксонского ученого был некий неизвестный источник или информант, знавший полуостров не понаслышке и отразивший современные ему реалии [35, с. 23–25], [36]. Пример с Шуреном-Сюреном лишнее тому подтверждение. Тогда возникает вопрос: перед нами лишь ученая догадка самого И. Тунманна или его гипотетический информант еще застал в Крыму использование прежнего, готского наименования наряду с тюркским? Если принимать информацию И. Тунманна буквально, то второй вариант кажется более предпочтительным. Похоже, загадочный информант сведениями о Сюренском укреплении не располагал. Его (лучше «его») действительно открыл П.И. Кёппен, но, учитывая методику его работ (поиск древних укреплений по народным топонимам), нет сомнений, что отправной точкой для него стала информация из трактата И. Тунманна, удачно подкрепленная на месте. Тогда все становится на свои места: отождествление Сциварина и Сюrena произошло в ученых кругах, хотя и не ясно по каким основаниям, еще до обнаружения укрепления, причем лицом, не ангажированным темой крымских древностей.

Остается четвертое, возможно наиболее важное условие: есть ли на территории предполагаемого Сциварина следы жизни времен О. де Бусбека? Населенный пункт Сюрен существовал, это следует из данных турецких реестров. А что стало с крепостью?

На этот вопрос если не отвечают, то, по крайней мере, проливают свет результаты раскопок укрепления в 1978–1979 гг., проводившихся экспедицией Симферопольского государственного университета и отдела по делам строительства и архитектуры Крымоблисполкома под общим руководством Ю.С. Воронина с участием В.Н. Даниленко, Э.Б. Петровой, Е.М. Михайловского, В.Л. Мыща и В.А. Кутайсова [9, с. 313–315]. Были заложены три раскопа внутри укрепления со стороны главной оборонительной стены. Материалы этих работ долгое время оставались невостребованными и были опубликованы лишь недавно [10, с. 458–464], [16, с. 39–48]. В результате исследований были выявлены многокамерные помещения с каменными стенами, пристроенные с внутренней стороны оборонительной стены, а также остатки церковно-погребального комплекса. Было установлено, что помещения погибли в результате пожара, вероятно, времен турецкого вторжения 1475 г. Датировку подтверждает наконечник стрелы, аналогичный обнаруженным в соответствующих слоях Мангупа [10, с. 461, рис. 15,5]. Наряду с этим констатирован крайне важный факт: после катастрофических для Феодоро событий жизнь на территории укрепления возобновилась – поверх разрушенных помещений возводятся новые. Хронологическим репером для их датировки служит фрагмент части поливной тарелки турецкого производства, не ранее второй половины XV в. [10, с. 461, с. 462, рис. 14,8], а скорее всего, более позднего времени. В результате авторы раскопок склонны датировать второй строительный период «турецким временем», допуская, что укрепление оставалось обитаемым до середины XVI в. [10, с. 462–463].

К сожалению, обнаруженный материал не позволяет с уверенностью установить верхнюю границу. Но факт возобновления здесь жизни после 1475 года сам по себе показателен. Не проясняют ситуацию и материалы, обнаруженные в долине на поселениях Куле-Бурун и Топчан-Кая вблизи и на территории с. Большое-Садовое (Кучук-Сюйрен/Таш-Басты). Здесь незначительными по площади раскопками зафиксированы стратифицированные материалы только VI–IX вв. [21, с. 346] и раннесредневековый могильник культуры

ры Суук-Су [25]. Можно, конечно, допустить, что поселение более позднего периода находится под современной застройкой села, но это пока не доказано. Не известно и место нахождения позднесредневекового могильника с каменными надгробиями, упомянутого П.И. Кёппеном. Так что до конца не ясно, имел ли в виду информант О. де Бусбека Сюйренское укрепление или поселок в долине реки или же и то и другое. Таким образом, можно признать, что и этот последний тест пройден, хотя и не столь безупречно, как хотелось бы, поэтому интрига все же сохраняется.

Суммируя имеющиеся на сегодняшний день факты, следует конституировать: нет веских оснований сомневаться в достоверности сообщения О. де Бусбека о последних крымских готах и анклавах их расселения в горной части Юго-Западного Крыма, а существующее в научной литературе отождествление Сциварина с Сюренью прошло проверку с высокой долей вероятности.

Источники и литература.

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готовы страны Дори (середина III–VII вв.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
2. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. 477 с.
3. Барапов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. К.: Наукова думка, 1990. 167 с.
4. Брун Ф.К. Черноморские готовы и следы их долгого пребывания в Южной России. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1874. 60 с.
5. Бушаков В.А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського, 2003. 226 с.
6. Веймарн Е.В., Репников Н.И. Сюйренское укрепление // ИГАИМК. 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. С. 115–125.
7. Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. 1958. № 1. С. 71–79.
8. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е. Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2005. № 1. С. 72–80.
9. Воронин Ю.С., Даниленко В.Н., Кутайсов В.А., Михайловский Е.В., Мыц В.Л., Петрова Э.Б. Работы в Бахчисарайском районе // АО 1978. М.: Наука, 1979. С. 313–315.
10. Воронин Ю.С., Майко В.В., Кутайсов В.А. Археологические раскопки Сюйренского укрепления 1978–79 гг. Раскоп I // История и археология Крыма. 2014. Вып. 1. С. 458–464.
11. Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб.: Алетейя, 2011. 288 с.
12. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.–СПб.: Нестор-История, 2017. 360 с.
13. Глухман М.М. Готский язык. Учебное пособие для филологических факультетов университетов. М.: Издво литературы на иностранных языках, 1958. 288 с.
14. Даниленко В.Н. Монастырь Чильтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь: Таврия, 1993. С. 78–108.
15. Даниленко В.Н. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: Таврия, 1994. С. 127–145.
16. Даниленко В.Н. Археологические исследования Сюйренского укрепления в Горном Крыму (Раскоп II) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 39–48.
17. Карапулов Г.А. Древнее Сюйренское укрепление и башня на Бельбеке // Новороссийский календарь за 1871 г. Одесса: Тип. П. Францова, 1870. С. 2–24.
18. Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Императорская Академия Наук, 1837. 409 с.
19. Кизилов М.Б. Крымская Готия. История и судьба. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2015. 351 с.
20. Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии. Очерки истории изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н.э. – VII в. н.э.). Симферополь: СОННАТ, 2004. 247 с.
21. Лавров В.В. История изучения Сюйренского укрепления // История и археология Крыма. 2016. Вып. 3. С. 344–347.
22. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия, 1997. 383 с.
23. Мурзакевич Н.Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: Городская типография, 1837. 91 с.
24. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 527 с.
25. Омелькова Л.А. Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине // АДСВ. 1990. Вып. 25. С. 73–94.
26. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т. 12. [Готский сборник / Krim Gotica]. С. 1–152.
27. Скардильи П. Готы: язык и культура / пер. А.Д. Сыщикова. СПб.: Нестор-История, 2012. 412 с.

28. Талис Д.Л. Сюйренская крепость // ВВ. 1972. № 33. С. 218–229.
29. Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования 1982 г. М.: Наука, 1983. С. 227–263.
30. Тунманн И. Крымское ханство. Симферополь: Таврия, 1991. 94 с.
31. Храпунов И.Н. Северные варвары в Крыму: история исследования // Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand–Simferopol: «Dolya» Publishing House, 2011. С. 109–114.
32. Шапошников А.К. К вопросу об ономастике Таврической Готии // Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь: Антиква, 2007. С. 274–314.
33. Шапошников А.К. Древнейшая ономастика Таврического полуострова // Топонимика Крыма 2011. Симферополь: Универсум, 2011. С. 271–442.
34. Юрочкин В.Ю. Археологические материалы из пещерного монастыря Челтер-Коба в Крыму // Сакральное пространство пещеры. Тезисы докладов и сообщений VII Международной научной конференции по Церковной археологии (г. Севастополь, 8–14 сентября 2013 г.). Севастополь, 2013. С. 41–42.
35. Юрочкин В.Ю. Готский вопрос. Симферополь: СОНАТ, 2017. 495 с.
36. Юрочкин В.Ю. И. Тунманн и средневековая надпись из деревни Саблы // IX Международный Византийский семинар «ХЕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис». Материалы научной конференции. Севастополь, 2017. С. 136–138.
37. Юрочкин В.Ю., Майко В.В. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи (глава 8) // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. 312 с.
38. Braun F. Die letzten Schicksale der Krimgoten. St. Peterburg: R. Golicke, 1890. 88 с.
39. Curtis G. De quelle nation étaient ces étrangers venus de la Crimée qui se présentaient à Busbecq // Труды 6 Археологического съезда. 1888. Т. 2. С. 187–190.
40. Loewe R. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Eine ethnologische Untersuchung. Halle: Max Niemeyer, 1896. 272 с.
41. Öztürk Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475–1600. Ankara: Kültür Bakanlığı, 2000. 568 с.
42. Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. St. Petersburg: Gerstenberg u. Dittmar, 1797. Bd. II. 432 с.
43. Tomaschek W. Die Goten in Taurien [Ethnologische Forschungen über Ost-Europa und Nord-Asien]. Wien: Alfred Hölder, 1881. 75 с.
44. Thunmann I. Die Krim // A.F. Büsching große Erdbeschreibung. Troppau: Traßler, 1785. S. 307–366.
45. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge: Massachusetts, 1936. 292 p.

References.

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII vv.). Simferopol': Antikva, 2017. 366 с.
2. Baier Kh.-F. Istorija krymskikh gotov kak interpretatsija skazaniia Matfeia o gorode Feodoro. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001. 477 с.
3. Baranov I.A. Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ja. K.: Naukova dumka, 1990. 167 с.
4. Brun F.K. Chernomorskie goty i sledy ikh dolgogo prebyvaniia v Iuzhnoi Rossii. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1874. 60 с.
5. Bushakov V.A. Leksichnyj sklad istorichnoi' toponimii' Krymu. K.: Instytut shodoznavstva im. A.Ju. Kryms'kogo, 2003. 226 с.
6. Veimarn E.V., Repnikov N.I. Siuirenskoe ukreplenie // IGAIMK. 1935. Vyp. 117. Materialy Eski-Kermenskoi ekspeditsii 1931–1933 gg. S. 115–125.
7. Veimarn E.V. «Peshchernye goroda» Kryma v svete arkheologicheskikh issledovanii 1954–1955 gg. // SA. 1958. № 1. S. 71–79.
8. Vinogradov A.Iu., Gaidukov N.E. Zhel'tov M.S. Peshchernye khramy Tavriki: k probleme tipologii i khronologii // RA. 2005. № 1. S. 72–80.
9. Voronin Iu.S., Danilenko V.N., Kutaisov V.A., Mikhailovskii E.V., Myts V.L., Petrova E.B. Raboty v Bakhchisaraiskom raione // AO 1978. M.: Nauka, 1979. S. 313–315.
10. Voronin Iu.S., Maiko V.V., Kutaisov V.A. Arkheologicheskie raskopki Siuirenskogo ukreplenia 1978–79 gg. Raskop I // Istorija i arkheologija Kryma. 2014. Vyp. 1. S. 458–464.
11. Ganina N.A. Krymsko-gotskii iazyk. SPb.: Aleteia, 2011. 288 с.
12. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Iu. Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.). M.–SPb.: Nestor-Istoriia, 2017. 360 с.
13. Glukhman M.M. Gotskii iazyk. Uchebnoe posobie dlja filologicheskikh fakul'tetov universitetov. M.: Izd-vo literatury na inostrannykh iazykakh, 1958. 288 с.
14. Danilenko V.N. Monastyr' Chil'ter-Koba: arkhitekturnyi aspekt // Istorija i arkheologija Iugo-Zapadnogo Kryma. Simferopol': Tavriia, 1993. S. 78–108.
15. Danilenko V.N. Monastyrskoe khoziaistvo v Krymu // Problemy istorii i arkheologii Kryma. Simferopol': Tavriia, 1994. S. 127–145.

16. Danilenko V.N. Arkheologicheskie issledovaniia Siuirenskogo ukrepleniia v Gornom Krymu (Raskop II) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Istoricheskie nauki. 2016. T. 2 (68). № 1. S. 39–48.
17. Karaulov G.A. Drevnee Siuren'skoe ukreplenie i bashnia na Bel'beke // Novorossiiskii kalendar' za 1871 g. Odessa: Tip. P. Frantsova, 1870. S. 2–24.
18. Keppen P.I. Krymskii sbornik. O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh. SPb.: Imperatorskaia Akademii Nauk, 1837. 409 s.
19. Kizilov M.B. Krymskaia Gotia. Istoryia i sud'ba. Simferopol': Nasledie tysiacheletii, 2015. 351 s.
20. Koltukhov S.G., Iurochkin V.Iu. Ot Skifii k Gotii. Ocherki istorii izucheniiia varvarskogo naseleniiia Stepnogo i Predgornogo Kryma (VII v. do n.e. – VII v. n.e.). Simferopol': SONAT, 2004. 247 s.
21. Lavrov V.V. Istoryia izucheniiia Siuirenskogo ukrepleniia // Istoryia i arkheologiiia Kryma. 2016. Vyp. 3. S. 344–347.
22. Mogarichev Iu.M. Peshchernye tserkvi Tavriki. Simferopol': Tavria, 1997. 383 s.
23. Murzakevich N.N. Istoryia genuezskikh poselenii v Krymu. Odessa: Gorodskaiia tipografiiia, 1837. 91 s.
24. Myts V.L. Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty. Simferopol': Universum, 2009. 527 s.
25. Omel'kova L.A. Rannesrednevekovyi mogil'nik v Bel'betskoi doline // ADSV. 1990. Vyp. 25. S. 73–94.
26. Ravdonikas V.I. Peshchernye goroda Kryma i gotskaia problema v sviazi so stadial'nym razvitiem Severnogo Prichernomor'ia // IGAIMK. 1932. T. 12. [Gotskii sbornik / Krim Gotica]. S. 1–152.
27. Skardil'i P. Goty: iazyk i kul'tura / per. A.D. Syshchikova. SPb.: Nestor-Istoryia, 2012. 412 s.
28. Talis D.L. Siuirenskaya krepost' // VV. 1972. № 33. S. 218–229.
29. Toporov V.N. Drevnie germantsy v Prichernomor'e: rezul'taty i perspektivy // Balto-slavianskie issledovaniia 1982 g. M.: Nauka, 1983. S. 227–263.
30. Tunmann I. Krymskoe khanstvo. Simferopol': Tavria, 1991. 94 s.
31. Khrapunov I.N. Severnye varvary v Krymu: istoriiia issledovaniia // Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand–Simferopol: «Dolya» Publishing House, 2011. S. 109–114.
32. Shaposhnikov A.K. K voprosu ob onomastike Tavricheskoi Gotii // Mogarichev Iu.M., Sazanov A.V., Shaposhnikov A.K. Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma «khazarskogo perioda». Simferopol': Antikva, 2007. S. 274–314.
33. Shaposhnikov A.K. Drevneishaia onomastika Tavricheskogo poluostrova // Toponimika Kryma 2011. Simferopol': Universum, 2011. S. 271–442.
34. Yurochkin V. Yu. Arkheologicheskie materialy iz peshchernogo monastyria Chelter-Koba v Krymu // Sakral'noe prostranstvo peshchery. Tezisy dokladov i soobshchenii VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po Tserkovnoi arkheologii (g. Sevastopol', 8–14 sentiabria 2013 g.). Sevastopol', 2013. S. 41–42.
35. Yurochkin V. Yu. Gotskii vopros. Simferopol': SONAT, 2017. 495 s.
36. Yu rochkin V. Yu. I. Tunmann i srednevekovaia nadpis' iz derevni Sably // IKh Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar «ХЕРΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Imperiia i polis». Materialy nauchnoi konferentsii. Sevastopol', 2017. S. 136–138.
37. Yurochkin V. Yu., Maiko V.V. Goty, skify, slaviane: etnicheskie kul'bity krymskoi arkheologii poslevoennoi epokhi (glava 8) // Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertal'tsev do genueztsev / otv. red. L.B. Vishniatskii. SPb.: Nestor-Istoryia, 2017. 312 s.
38. Braun F. Die letzten Schicksale der Krimgoten. St. Peterburg: R. Golicke, 1890. 88 s.
39. Curtis G. De quelle nation étaient ces étrangers venus de la Crimée qui se présentaient à Busbecq // Труды 6 Археологического съезда. 1888. T. 2. C. 187–190.
40. Loewe R. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Eine ethnologische Untersuchung. Halle: Max Niemeyer, 1896. 272 s.
41. Öztürk Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475–1600. Ankara: Kültür Bakanlığı, 2000. 568 s.
42. Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. St. Petersburg: Gerstenberg u. Dittmar, 1797. Bd. II. 432 s.
43. Tomaschek W. Die Goten in Taurien [Ethnologische Forschungen über Ost-Europa und Nord-Asien]. Wien: Alfred Hölder, 1881. 75 s.
44. Thunmann I. Die Krim // A.F. Büsching groÙe Erdbeschreibung. Troppau: Traßler, 1785. S. 307–366.
45. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge: Massachusetts, 1936. 292 p.

Сокращения.

- АДСВ – Античная древность и средние века.
 АО – Археологические открытия.
 ВВ – Византийский временник.
 ГИМ – Государственный исторический музей.
 ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
 РА – Российская археология.
 СА – Советская археология.

Abbreviations.

ADSV –	Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and the Middle Ages).
AO –	Arkheologicheskie otkrytiia (Archaeological Discovery).
VV –	Vizantiiskii vremennik (Vizantiyskiy vremennik).
GIM –	Gosudarstvennyi istoricheskii muzei (State Historical Museum).
IGAIMK –	Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Proceedings of the Academy of the Material Culture History).
RA –	Rossiiskaia arkheologiia (Russian Archaeology).
SA –	Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology).

Юрочкин В. Ю. Последние готские анклавы Крыма: верить ли Бусбеку? / Юрочкин В. Ю. // Причерноморье. История, политика, культура. – Серия А : Античность и средневековье. – 2019. – № XXX (IX). – С. 109–118.

Yurochkin V. Yu. Last Gothic enclaves of Crimea: whether to believe Busbek? / Yurochkin V. Yu. // The Black Sea region. History, politics, culture. – Series A : Antiquity and the Middle Ages. – 2019. – № XXX (IX). – P. 109–118.

ОБ АВТОРЕ

Юрочкин
Владислав Юрьевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма
РАН
E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru

YUROCHKIN
Vladislav Yur'evich

Candidate of History, Senior Researcher at the Institute of Archaeology of Crimea, Russian
Academy of Sciences
E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru

Научный журнал (сетевое издание)

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рецензенты выпуска:

Н.А. Алексеенко, Dr. Etudes medievalis (Paris IV-Sorbonne), к.и.н.,
старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН

Е.Е. Бойцова, к.и.н., доцент, зав. кафедрой музеологии,
зам. директора Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета

В.П. Власов, к.и.н.,
зав. отделом Института археологии Крыма РАН

А.В. Кузьмина, к.и.н.,
доцент кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в городе Севастополе

Б.В. Майко, д.и.н.,
директор Института археологии Крыма РАН

Е.Я. Туровский, к.и.н.,
главный научный сотрудник Государственного историко-археологического
музея-заповедника «Херсонес Таврический»

С.В. Ушаков к.и.н.,
старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН

А.А. Хлевов, к.и.н., д.ф.н., профессор,
профессор кафедры истории древнего мира и средних веков
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Подписано к публикации 16.10.2019 г.

**Формат 70 x 108 1/8
Объем 15 п.л., уч. изд. л. 9,56**

**Распространяется через сеть Интернет
Официальный сайт журнала: www.chernomor-journal.ru**

